

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06) ББК
60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор

Е.Н. Максимова, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Ответственный секретарь

А.Ю. Опара, м. н. с., Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакция:

Л.Н. Гарас (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.А. Бармина, канд. филол. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Бойцова, канд. ист. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; П.В. Кузенков, канд. ист. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Севастополь, Россия; В.В. Лебединский, канд. ист. наук, Институт Востоковедения РАН. Москва, Россия; А.В. Миронов, д. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.В. Скребец, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Рябцева, д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; О.В. Ярмач, канд. соц. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакционный совет:

В.К. Белозеров, д. полит. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; А.А. Вартумян, д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия; С.И. Грачев, д. полит. н., профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия; А.Ф. Григорьев, д. культурологии, профессор, Ставропольский государственный педагогический институт. Ставрополь, Россия; П.Л. Карабущенко, д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия; Б.Г. Койбаев, д.полит.н., профессор, Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ, Россия; Г.В. Косов, д.полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; И.В. Крючков, д. ист. наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия; В.Д. Нечаев, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Р.Г. Резаков, д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия; Р.Х. Усманов, д. полит. наук, профессор, Астраханский государственной университет. Москва, Россия; А.А. Ширинянц, д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

П18 Парадигмы истории и общественного развития : сборник научных трудов / Севастопольский государственный университет ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; гл. ред. Е. Н. Максимова ; отв. секретарь А.Ю. Опара. — 2016 (вып. 1)— . — Севастополь, 2022. — 77 с. : ил. — Вып. 25. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

Прохоров Н. С., Нелина Л. П.

Образ российской угрозы как фактор внутривнутриполитической борьбы в Республике Польша: анализ государственных медиа 5

Государственное управление и отраслевые политики

Гарас Л. Н., Парадивский С. В.

Миграционные процессы: политический аспект 13

Шавардова Е. Ю.

Эвристичность поиска моделей и методов принятия решений в условиях неопределенности 18

Международные отношения, глобальные и региональные измерения

Татарков Д. Б.

Эволюция подхода применения вооруженных сил в разрешении межгосударственных территориальных споров (на примере индо-пакистанского конфликта) 23

Гарас Л. Н., Лебедь Н. И.

Феномен частных военных компаний: причины возникновения и типология 29

Отечественная история

Осиповский С. Н.

Рисовальная школа Акима Карнеева в Севастополе: 1883-1896 36

Бойцова Е. Е., Гончарова Н. О.

Эволюция методических подходов к проведению музейной экскурсии во второй половине 1920-х – первой половине 1950-х гг. на примере Государственного историко-археологического музея Херсонеса..... 40

Данильченко С. Л.

Истоки отечественного просвещения: изначальные смыслы средневековой Руси 48

Социальная философия

Миронов А. В.

Основные направления исследования проблемы социального одиночества..... 58

Философская антропология, философия культуры

Чугунов С. В.

Проблема творчества в отечественной философии..... 64

Коркишко А. П., Скребец Е. В., Стаценко О. С.

Феномен счастья: метафизический подход 69

CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

Prokhorov N. S., Nelina L. P.

Image of the Russian Threat as a Factor of Internal Political Struggle in the Republic of Poland: Analysis of State Media

Public Management and Sector-specific Policy

Garas L. N., Paradivsky S. V.

Migration Processes: Political Aspect

Shavardova E. Yu.

Heuristics of Search for Models and Decision-Making Methods under Uncertainty

International Relations, Global and Regional Dimensions

Tatarkov D. B.

Evolution of the Approach to the Use of Armed Forces in Resolving Interstate Territorial Disputes: the Case of the Indo-Pakistani Conflict

Garas L. N., Lebed N. I.

The Phenomenon of Private Military Companies: Causes and Typology

National History

Osipovskiy S. N.

Drawing School of Akim Karneev in Sevastopol: 1883-1896.....

Boytsova E. E., Goncharova N.O.

The Evolution of Methodological Approaches to Museum Excursions in the Second Half of the 1920s – the First Half of the 1950s: Case Study of the State Historical and Archaeological Museum of Chersonesos

Danilchenko S. L.

The Origins of Russian Enlightenment: the Original Meanings of Medieval Russia

Social Philosophy

Mironov A.V.

The Main Directions of Research on the Problem of Social Loneliness

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

Chugunov S.V.

The Problem of Creativity in Russian Philosophy

Korkishko A. P., Skrebets E. V., Stacenko O. S.

The Phenomenon of Happiness: a Metaphysical Approach

УДК 316.65:327(470:438)

Предлагаемая статья посвящена анализу роли и содержания образа российской угрозы во внутриполитическом дискурсе Республики Польша. Актуальность исследования обусловлена все возрастающей активностью этой страны в регионе в рамках гибридной войны с Россией. Эмпирической базой исследования выступают материалы польских государственных СМИ и результаты анализа польскоязычного сегмента сети «Интернет», полученные с помощью специальных аналитических инструментов для работы с поисковыми запросами. Авторы приходят к выводу об абсолютном доминировании негативного образа России в польском медиадискурсе. Ключевой составляющей данного образа является тема опасности, исходящей от «восточного соседа», которая активно используется конкурирующими силами внутри Польши для продвижения своих интересов и политических программ.

Ключевые слова: Польша, образ России, агрессия, война, «Право и справедливость», «Polskie Radio».

Н. С. Прохоров, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: n.prokhorov.sev@gmail.com

Л. П. Нелина, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ УГРОЗЫ КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША: АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕДИА

Кризис в отношениях России и Запада реанимирует в различных вариациях идеи «санитарного кордона» из стран Центрально-Восточной Европы. Ключевым игроком в данном регионе по многим параметрам является Польша, отношения с которой усложняются исторической конкуренцией за контроль над Восточной Европой. Четыре раздела польского государства, подчиненность сначала имперской, а затем советской России создали прочный антироссийский фундамент в настроениях населения этой страны, которые сегодня лишь усугубляются.

В целом польский подход к пониманию своего значения в регионе основывается на современной версии доктрины Гедройца-Мерошевского, которая имеет антироссийскую направленность. В отечественной историографии существует мнение, что данная концепция является мягким вариантом «ягеллонской» идеи [1]. Также целесообразно отметить значительные позиции евроскептиков в польском внутриполитическом дискурсе, которые не оставляют без внимания внешнеполитическую повестку, в том числе и вопрос отношений с Россией. Таким образом, в рассматриваемый период в польском медиапространстве образ России используется двояко. С одной стороны, он выступает инструментом внутриполитической конкуренции между евроскептиками и еврооптимистами, с другой – для утверждения роли Польши в глазах международной общественности, как хранительницы демократических ценностей в регионе.

Целью данного исследования является характеристика образа России, используемого польским государственными СМИ и польскими политиками в медийном пространстве.

В качестве рабочей гипотезы исследования выступает предположение, что по мере возвращения Россией статуса великой державы в начале XXI в. ее присутствие в польском медийном дискурсе будет усиливаться, основываясь на исторически сложившихся опасениях ослабления или утраты польской государственности, что должно отчетливо проявляться в риторике именно государственных СМИ. Формируемый при этом образ России будет варьироваться в зависимости от текущей

внешнеполитической конъюнктуры, однако его обязательной составляющей будут вариации на тему агрессии в отношении соседей.

Эмпирической базой исследования выступают:

– новостные публикации и стенограммы радиоэфиров станции национального общественного радиовещания «Polskie Radio»[21][10] и ее дочерней радиостанции «Polskie Radio 24»[11] за период с 2007 г. по 2021 г, так как в этот период появляются первые публикации в электронном формате. Кроме того, данная радиостанция является государственным СМИ, главным его акционером является казначейство Республики Польша, а руководство осуществляется Правлением и Наблюдательным советом, назначаемым Национальным советом по телерадиовещанию, формируемым, в свою очередь, сеймом и президентом [19][18]. Тематически данная платформа охватывает внутривнутриполитическую повестку Польши, вопросы внешней политики, экономическую проблематику, в том числе вопросы бизнеса и иностранных инвестиций.

– данные Web-приложения для анализа поисковых запросов «Google Trends» [8]. С помощью данного аналитического инструмента была проанализирована динамика поисковых запросов на польском языке, связанных с Россией за период с 2008 по 2021 гг. Выбор указанных хронологических рамок обусловлен необходимостью сопоставимости данных «Google Trends» и результатов, полученных при анализе сайтов указанных радиокomпаний.

Тема образа России в современном польском медиадискурсе неоднократно поднималась в отечественных исследованиях. Так, в статье «Польская общественная мысль о России» Л. С. Лыкошина справедливо отмечает, что в польских СМИ демонизация России является продолжением общественного восприятия восточного соседа. Какой бы подход, будь то либеральный или консервативный, не декларировало издание, Россия будет представлена, чаще всего, как давний и опасный оппонент. Более того, исследователь отмечает, в польских СМИ преобладает информация чисто политического свойства, а о культуре и повседневной жизни говорят немного. Кроме работ С. Л. Лыкошиной следует также отметить работы Ю. Ключ, А. А. Паисовой, Е. С. Георгиевой, А. А. Макаровой [3], [4], [2].

Исходя из сформулированной гипотезы, логически предопределенным первым шагом исследования стало определение уровня общей заинтересованности в новостях, связанных с Россией среди польской общественности. С этой целью с помощью «Google Trends» была проанализирована динамика популярности поискового запроса «Rosja» за 2008-2021 гг. (рис. 1).

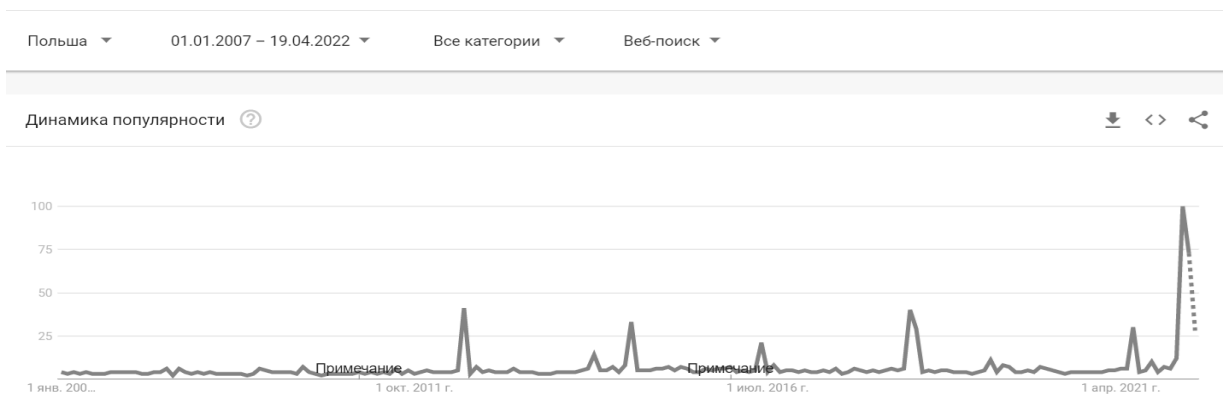

Рис. 1. График «GoogleTrends» по поисковому запросу «Rosja»

Анализ приведенного графика демонстрирует наличие нескольких явных всплесков популярности рассматриваемого поискового запроса в 2012, 2016, 2014, 2018 и 2022 гг. С целью определения характера и причин данных всплесков была проанализирована тематика новостных публикаций сайта радиостанции «Polskie Radio», также отвечающих поисковому запросу «Rosja». Проведенный анализ не демонстрирует какой-либо явной связи пиков 2012, 2016 и 2018 гг. с политической повесткой, скорее, он позволяет предположить, что данные всплески обусловлены такими событиями как Чемпионат Лиги Европы 2012 и 2016 гг. Чемпионат мира по футболу 2018 г. Исключения представляют события «Крымской Весны» 2014 года, а в феврале 2022 г. происходит резкий скачок интереса к новостям о России с началом проведения СВО на территории Украины, но на графике уже виден спад интереса к данной теме.

Далее, следуя гипотезе, были сформулированы запросы, содержащие одновременно маркеры «Россия» (Rosja) и «агрессия» (agresja). Однако их популярность оказалась настолько низкой, что

результаты оказались за пределами возможностей отражения в «GoogleTrends». Тогда был сформулирован более общий запрос, содержащий маркеры «Россия» (Rosja) и «война» (wojna), динамика популярности которого представлена на рисунке 2. Выявленные всплески популярности данного запроса хронологически совпали со временем важнейших внешнеполитических акций России последних десятилетий: вовлеченностью в грузино-осетинский конфликт 2008 г., событиями, связанными с вхождением Крыма в состав РФ и вовлеченностью в урегулирование вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. Самый крупный пик, как и в предыдущем запросе, приходится на начало СВО и также прослеживается падение интереса к данной теме. Этот вывод подтверждается и анализом содержания новостной ленты сайта радиостанции «Polskie Radio».

Для более глубокого анализа и выявления конкретных характеристик образа России в польском медийном дискурсе был проведен анализ текстового контента сайта радиостанции «Polskie Radio» - стенограмм эфиров и новостных сообщений. Результатом формирования поискового запроса «Rosja» по сайту указанной радиостанции стал перечень в более чем тридцать тысяч различных материалов, большая часть которых никак не соотносилась с темами политики, экономики, вооруженных конфликтов, освещаая события спорта и культуры.

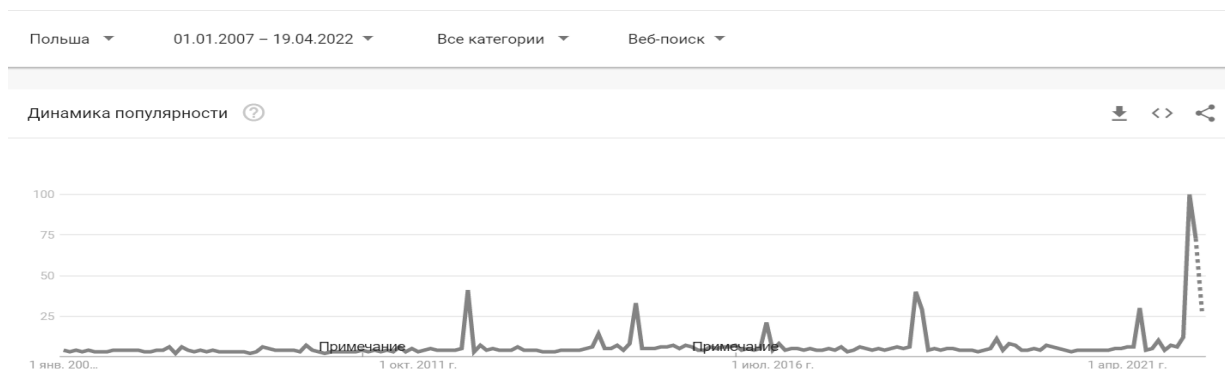

Рис. 2. График «GoogleTrends» по поисковому запросу «Rosja wojna»

Результатом же формирования поискового запроса «rosyjska agresja» по этому же сайту стала выборка из 140 новостных материалов. Использование различных терминов обусловлено тем, что GoogleTrends не смог составить график по запросу «rosyjska agresja», так как не имел достаточной базы запросов. Особенностью данной выборки стал тот факт, что большая часть из них содержат маркер «rosyjska agresja» в тексте, а не в названии. Суть подобной тенденции может быть сформулирована в следующем виде: несмотря на уменьшающееся количество ежегодных публикаций по теме «российской агрессии», частота употребления данного словосочетания в этих публикациях увеличивается. Особенно ярко эта тенденция проявляется после прихода к власти Анджея Дуды и партии «Право и Справедливость» (ПиС) в 2015 г. Получив возможность сформировать однопартийное правительство, ПиС при поддержке президента получила огромное влияние на формирование новостного контента.

Также анализ контента сайтов рассматриваемых радиостанций позволил выделить устойчивые шаблоны, динамика использования которых приведена на Рис.3. Анализ приведенного графика демонстрирует, что наиболее употребляемым шаблоном является маркер «российская агрессия». Из него видно, что обвинения в «имперской политике» не являются наиболее частыми, уступая место по частоте использования маркеру «российская угроза».

Следует также отметить, что «восточная повестка» в подавляющем большинстве случаев используется в польском медийном пространстве в негативном ключе. При этом, отношение к России и соответствующий этому отношению образ подвержен влиянию не только внешнеполитической, но и внутривойтинеской конъюнктуры. Так в статье «"Щит" и отношения с Россией» от 17.07.2007 года, бывший министр обороны Польши, Р. Сикорский, состоявший в тот момент в партии «Право и Справедливость» (позиционирующей как евроскептическая) комментирует выход России из договора по ограничению обычных войск в Европе: «...Режиму в России необходим новый враг, но поскольку со всем миром она воевать не может, то целью будет выбрана Польша...», и соглашается с теми, кто считает Россию более непредсказуемой, чем раньше. При этом несколько лет спустя, сменив свою партийную принадлежность он занимает другую позицию (таблица 1). Так с переходом к еврооптимистам в «Гражданскую платформу», он занял должность главы МИД при правительстве Туска, став более дипломатичным, придерживаясь линии, определяемой общеевропейской политикой: «Россия - наш второй торговый партнер. Десятки тысяч рабочих мест в Польше зависят от этой

торговли, которая, как мы знаем из последних лет, подвержена изменениям в политическом климате»[6].

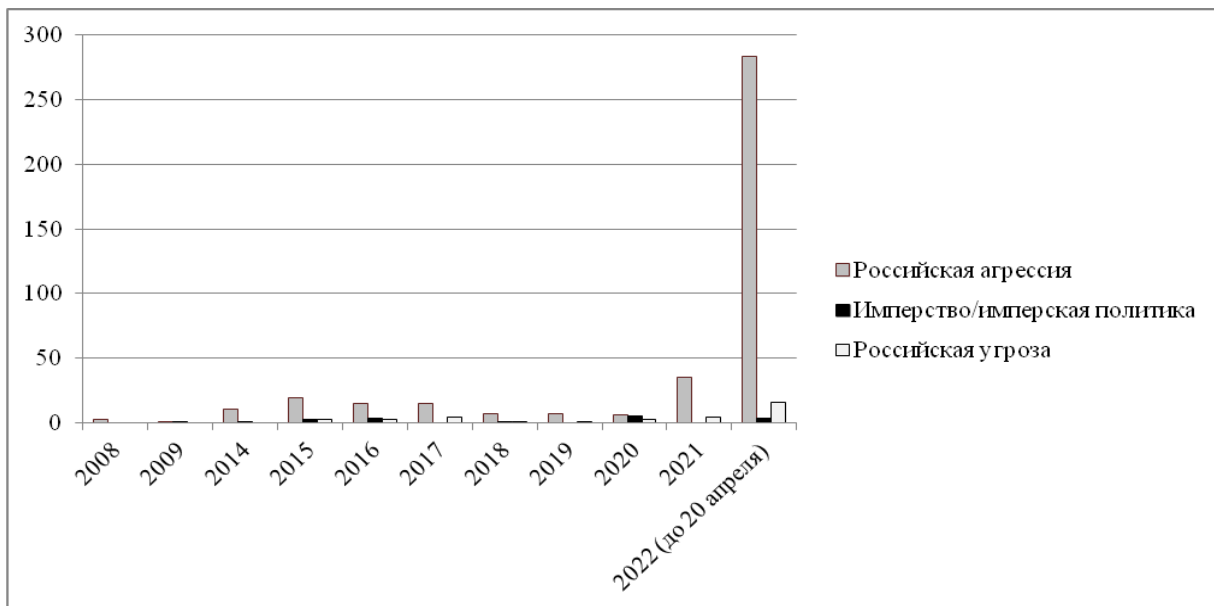

Рис. 3. Соотношение статей по запросам «российская агрессия», «российская угроза» и «имперство / имперская политика»

Таблица 1

Выдержки передач «Sygnały dnia/ Сигналы дня» от 17.07.2007 и «Przegląd prasy/Обзор прессы» 16.10.2010 с участием Р. Сикорского.

Дата	Название	Представитель	Партия	Цитата
17.07.2007	«"Щит" и отношения с Россией»	Радослав Сикорский	«Право и Справедливость»	«Россия не может позволить себе конфронтацию со всем миром, но с Польшей -- вполне вероятно...»
16.10.2007	«Те, кто оскорбляют Россию – вредят»		«Гражданская Платформа»	«Россия - наш второй торговый партнер. Десятки тысяч рабочих мест в Польше зависят от этой торговли, которая, как мы знаем из последних лет, подвержена изменениям в политическом климате»

В то же время, в выступлении депутата от партии «Гражданская платформа» Богдана Борусевича, под заголовком «Россия не Советский Союз» от 08.05.2008, четко звучат призывы к налаживанию отношений с Россией. Б. Борусевич также делится своими впечатлениями от нового президента Российской Федерации Д. Медведева, и высказывает мнение, что новый руководитель РФ будет ориентирован на сотрудничество с ЕС и НАТО. Более того, польский политик призывает более лояльно относиться к ностальгии россиян по имперскому периоду, и что Россия – не СССР: «...вы должны понимать, что Россия это не Советский союз, это две разных страны, две разных системы...»[15].

Межпартийные различия в отношении к России фактически стираются с началом грузино-осетинского конфликта и вмешательством в него России. На сайте «Polskie Radio 24» публикуется статья «Россия атакует Грузию»[12] данного новостного агентства, в которой данный конфликт описывается, как акт прямой агрессии Российской Федерации против суверенного государства. Позиции представителей ведущих польских партий оказываются почти идентичными, различаясь только уровнем эмоциональности. Так, в эфире от 11.08.2008 депутат от «Гражданской платформы»

Стефан Неселовский призывает не ставить знак равенства в вопросе российско-грузинских и российско-польских отношений: «*Это означает, что есть две вещи, в которых Россия агрессивна, мы это видим, в то время как Польша в безопасности, но между Польшей и Грузией есть принципиальная разница*»[9]. Другие представители польских партий занимают гораздо более жесткую позицию.

Спустя два года после этих событий, в 2010 году, польский политический дискурс вновь разбивается на два лагеря: евроскептики и еврооптимисты. Представленные «Гражданской платформой» и левыми партиями еврооптимисты, а также некоторые эксперты, воспроизводя общевосточную риторику тех лет видят возможное потепление в отношениях с Россией:

«В конце парада в Москве, посвященного годовщине окончания Второй мировой войны, оркестры исполнили гимн Евросоюза «Ода радости» Бетховена».

«Сегодняшняя Россия со всеми ее ограничениями в отношении демократии, свободы слова и рыночных свобод — это не Советский Союз»[14].

Возвращаясь к графику на рис.2, можно увидеть, что следующие всплески поисковых запросов по теме «российская агрессия» приходятся на 2014-2015 годы, начало войны на Донбассе. Таблица 2 и таблица 3 отображают характер политической дискуссии внутри польских партий. Лагерь евроскептиков использует повестку, связанную с обострением ситуации на Украине в качестве повода для оправдания региональных инициатив, а также обратить внимание на необходимость усиления военного сотрудничества, в котором польские правые видят польское государство если не ведущим, то одним из главных партнеров.

Таблица 2

Выдержки эфира от 15.05.2014 «Дебаты единых выборов – восточная политика ЕС»

Автор	Политическая партия	Цитата
Тадеуш Звездка	Гражданская платформа	«Я по-прежнему утверждаю, что мы можем эффективно влиять на то, что происходит в нашей среде, только когда мы сильны, и мы будем сильными, когда будем вместе с сильными партнерами в Европейском Союзе».
Вальдемар Парух	Право и справедливость	"...сила Польши в Центральной Европе и восточная проблема, так называемая, очень важна для нас..."
Михаль Марусик	Новые правые	"Поэтому я предлагаю более прохладный расчет, мир и заботу о польских национальных интересах, а не сантименты и не рассчитывать на какую-то социальную солидарность внутри Союза, потому что такой солидарности просто не будет. Каждая страна позаботится о своих интересах"

Еврооптимисты же настроены более сдержанно, дублируя тезисы, выдвигаемые руководством ЕС. Еврооптимисты не остаются в стороне, используя тему восточного кризиса и «российской агрессии» для формирования и поддержки иного взгляда на ситуацию, настаивая на неэффективности работы своих политических оппонентов. И в том же, 2015 году, когда представитель «Гражданской платформы» Чеслав Мрожек говорит об отсутствии необходимости усиления восточного крыла НАТО и об отсутствии угрозы со стороны РФ, представитель партии «Право и Справедливость» отмечает: *«Россия оккупирует территорию нашего союзника, агрессивно высказывается как в отношении Польши, так и других наших союзников. Нужно говорить об этой угрозе четко и открыто»*[13].

Различного рода экспертные заявления, а также интервью с представителями польских политических кругов планомерно создавали образ России, как угрозы^[17] для соседних стран не только в военном плане, но и экономически, используя энергетический фактор для давления на страны ЕС, в частности – Германию[7], что ставит под угрозу безопасность всего Европейского Союза. В связи с этим неоднократно поднимался вопрос о расширении сотрудничества в рамках ЦВЕ, в формате Вышеградской четвёрки, а также развития «Инициативы трёх морей»[20]. Таким образом в обществе формируется обоснование необходимости создания альтернативного центра силы не только в рамках ЕС, но и в рамках НАТО.

Межпартийные различия также стираются в риторике польских политиков, когда речь заходит о газовом проекте «Северный поток-2» (таблица 4).

Таблица 3

Выдержки-эфира от 17.02.2015 «Единые политические дебаты – внешняя политика Польши в отношении Украины и России».

Автор	Политическая партия	Цитата
Мартин Свенцицкий	Гражданская платформа	«Были различные консультации до, но одна вещь, которую следует подчеркнуть, - что это большая заслуга польской политики и Сикорского, который был министром в то время, также там.»
Витольд Вашиковский	Право и справедливость	«Польская политика на востоке и, особенно, касательно Украины подобно йети – существует, но никто не видел, да и доказательств нет", ""Это один из элементов в стратегии Путина по разделу Европы, и, возможно, более»
Даудеуш Ивинский	Союз демократических левых сил	«И министр Щетина, вместо того чтобы сосредоточиться на этих международно-правовых вопросах, играет историческую, абсурдную карту, потому что это войдет в историю. И я скажу только это...»

Таблица 4

Краткая информация эфира «Польские евродепутаты согласны. Необходимо задержать СП-2» от 19.04.2021.

Автор	Политическая партия	Цитата
Анна Фотыга	Право и справедливость	«Европейские государства должны понимать, что «Северный поток-2» угрожает безопасности Европейского Союза».
Радослав Сикорский	Гражданская платформа	«Это не может быть решено разговорами или дипломатией. Путин проверяет Зеленского, Байдена и нас. И он (Путин) будет принимать решения, основываясь на неопровержимых фактах, а не на разговорах. Я уже некоторое время задавался вопросом, что должно произойти, чтобы Европейский Союз серьезно отнесся к своей безопасности».

Анализ данной таблицы демонстрирует изменение риторики «Гражданской платформы» и левых партий по мере актуализации вопроса экономической безопасности. Но фактическая невозможность Польши самостоятельно помешать проекту СП-2, порождает различного рода обвинения в адрес правительства и президента, что вынуждает представителей правящей коалиции призывать оппозицию буквально отказаться от политизации данной темы:

«Пожалуйста, будьте спокойны, Республика Польша принимает соответствующие меры, и я призываю не использовать этот вопрос в текущей политической игре, потому что это просто ни к чему не приведет» [16].

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать об абсолютном доминировании негативного образа России в польском медиадискурсе. Одной из ключевых его составляющих является тема опасности, исходящей от «восточного соседа», которая активно используется различными партиями и силами внутри Польши для продвижения своих интересов и политических программ. Обсуждение действий РФ является удобным инфоповодом, позволяющим заявить о себе политикам, как о защитниках Европы и идеалов демократии. Данная тенденция особенно усилилась после начала СВО – представители «Гражданской платформы» начали обвинять правительство в финансировании Кремля [5]. Всячески используя идею об угрозе со стороны России, евроскептики обвиняют ЕС в некомпетентной политике и неспособности противостоять России, ставя под угрозу существование Польши и всего Евросоюза. Используя образ защитников Европы, а также находясь на консервативных позициях, польское правительство лоббирует продвижение «Инициативы трёх морей» при поддержке США. Тема «российской агрессии» служит фактором, убеждающим общественность в необходимости укрепления и реорганизации существующих политических механизмов обеспечения безопасности. Выявленные тенденции в конструировании образа России заняли господствующее положение в польском медиадискурсе после начала спецоперации ВС РФ на Украине, однако характеристика их современного состояния требует отдельного рассмотрения и представляет перспективную тему для дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Бовдунов, А. Л. Восточный вектор политики Польши: геополитическая традиция и современность / А. Л. Бовдунов // Россия XXI. – 2012. – №2 – С.54–60.
2. Ключ, Ю. Стереотип россиянина в польских СМИ / Ю. Ключ // Слово.ру: балтийский акцент. – 2012. – № 4. – С. 37-42.
3. Лыкошина, Л. С. Польская общественная мысль о России / Л. С. Лыкошина // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 2. – С. 20-48.
4. Паисова, А. А. Польский миф в СМИ как обоснование восточного вектора современной политики страны / А. А. Паисова, Е. С. Георгиева, М. А. Макарова // Медиальманах. – 2022. – № 1(108). – С. 90-104. – DOI 10.30547/medialmanah.1.2022.90104. – EDN HEWOGL.
5. Będzie wniosek o odwołanie marszałka Grodzkiego. "Za skandaliczną wypowiedź o finansowaniu reżimu Putina": [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://polskieradio24.pl/5/1222/Artykul/2927535,Bedzie-wniosek-o-odwołanie-marszałka-Grodzkiego-Za-skandaliczna%C2%A0wypowiedz%C2%A0o-finansowaniu-reżimu-Putina> (data inspekcji 25.04.2022).
6. Ci, którzy obrażają Rosję, szkodzą": [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://polskieradio24.pl/5/115/Artykul/268552> (data inspekcji: 01.01.2022).
7. Debata Poranka. O znaczeniu gazu z Rosji dla europejskiej gospodarki: [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://polskieradio24.pl/130/5153/Artykul/2130459> (data inspekcji: 01.01.2022).
8. Google trends: [Электронный ресурс] // URL: <https://trends.google.pl/> (дата обращения: 07.02.2021).
9. Jednak lepiej z tarczą: [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://www.polskieradio.pl/7/129/Artykul/218044> (data inspekcji: 01.01.2022).
10. Polskie radio: [Zasób elektroniczny] // URL: <https://www.polskieradio.pl/> (data inspekcji: 07.02.2021).
11. Polskie radio 24: [Zasób elektroniczny] // URL: <https://www.polskieradio24.pl/> (data inspekcji: 07.02.2021).
12. Rosja atakuje Gruzję: [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://polskieradio24.pl/5/3/Artykul/177854> (data inspekcji: 01.01.2022).
13. Rosyjska agresja? Czesław Mroczek: nie ma powodów do obaw: [Zasób elektroniczny] // <https://www.polskieradio.pl/7/473/Artykul/1665958> (data inspekcji: 01.01.2022).
14. Rosjanie muszą rozliczyć się z własną historią: [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://www.polskieradio.pl/7/129/Artykul/206040> (data inspekcji: 01.01.2022).
15. Rosja to nie Związek Radziecki: [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://www.polskieradio.pl/7/129/Artykul/217843> (data inspekcji: 01.01.2022).

16. Sychalski: apeluję, by sytuacji na Wschodzie nie wykorzystywać do rozgrywek: [Zasób elektroniczny] // wPolityce. URL: <https://polskieradio24.pl/5/1222/Artykul/2722226> (data inspekcji: 01.01.2022).

17. Stanisław Karczewski: kolejny Szczyt Parlamentarny B9 odbędzie się w Warszawie: [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://polskieradio24.pl/5/3/Artykul/2096420> (data inspekcji: 01.01.2022).

18. Ustawa o ministerstwach i departamentach "Rady Nadzorczej Polskiego Radio-Spółki Akcyjnej" от 18.10.2018 // http://prsa.com.pl/artykul197117_Akty-prawne.aspx. - 2018 г. - Ст. 5, с изм. и допол. в ред. от 22.06.2018.

19. Ustawa o ministerstwach i departamentach "Ustawa o Radzie Mediów Narodowych Ustawa" от 22.06.2016 // https://prawo-pl.com/o_radzie_mediow_narodowych.htm. - 2016 г. - Ст. 5, с изм. и допол. в ред. от 22.06.2016

20. "V4 i Trójmorze wzmacniają wspólną tożsamość Europy Środkowej". Szef MSZ o celach polskiej dyplomacji: [Zasób elektroniczny] // Polskie Radio. URL: <https://polskieradio24.pl/5/1223/Artykul/2592757> (data inspekcji: 01.01.2022).

21. Zarządu Polskiego Radia: [Zasób elektroniczny] // URL: <http://static.prsa.pl/4756ee46-9726-40dc-b280-7b704df61644.pdf> (data inspekcji: 07.02.2021).

Статья поступила в редакцию 17.05.2022

Prokhorov, N. S., Nelina, L. P. *Image of the Russian Threat as a Factor of Internal Political Struggle in the Republic of Poland: Analysis of State Media*

The proposed article is devoted to the analysis of the role and content of the image of the Russian threat in the internal political discourse of the Republic of Poland. The relevance of the study is due to the ever-increasing activity of this country in the region in the framework of a hybrid war with Russia. The empirical basis of the study is the materials of the Polish state media and the results of the analysis of the Polish-language segment of the Internet obtained using special analytical tools for working with search queries. The authors come to the conclusion about the absolute dominance of the negative image of Russia in the Polish media discourse. The key component of this image is the theme of the danger emanating from the "eastern neighbor", which is actively used by the competing forces within Poland to promote their interests and political programs.

Keywords: Poland, image of Russia, aggression, war, Law and Justice, «Polskie Radio».

УДК 325.14

В статье анализируются особенности современных миграционных процессов. Отмечается, что мир движим миграцией, обусловленной множеством факторов. Подчеркивается, что существует достаточно большой пул теорий как классических, так и современных, объясняющих данный феномен. Авторы, акцентируя внимание на политическом эффекте иммиграционных процессов в Греции, отмечают необходимость проактивной государственной миграционной политики.

Ключевые слова: миграционные процессы, теории миграции, факторы миграции, иммиграция, политический аспект иммиграции, проактивная миграционная политика, Греческая Республика.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

С. В. Парадивский, студент

Севастопольский государственный университет

E-mail: s.paradivskiy@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современный мир движим миграцией, беспрецедентный масштаб которой призывает не просто к выяснению сущностных причин данного феномена, а требует выработки действенных политических ответов. Многомиллионными потоками мигрантов охвачены все континенты и страны. По данным ООН, численность международных мигрантов постоянно растет: в 1965 г. – 75 млн. чел., в 1990 г. – 120 млн. чел., в 2000 г. – 175 млн. чел. [8, с. 103]. Несмотря на то, что в период с 2019 по 2020 год темпы глобальной миграции населения замедлились, а общее число мигрантов в 2020 году сократилось на два миллиона человек. Тем не менее, в 2020 году около 281 миллиона человек жили за пределами своей страны происхождения [9].

Миграционные процессы обусловлены разнообразными объективными факторами (исторические и национальные условия, культурное своеобразие, особенности существования экономики, действия господствующей в обществе политической элиты и т.д.), а также субъективными обстоятельствами, многие из которых носят противоречивый характер (эмигрантские настроения, обусловленные принадлежностью к социальной группе, возрасту; мотивами субъективной предрасположенности к миграции) [4, с. 31].

Потенциальный мигрант подвергается влиянию разнонаправленных факторов как позитивного, так и негативного характера, попадает под «давление» разного рода сфер (экономической, политической, социальной, культурной, природной и т. п.). А сам акт миграции является итогом рационального решения индивида, взвешивающего все «за» и «против». То есть человек руководствуется в своем поведении относительно перемещения складывающейся конфигурацией выталкивающих факторов страны-донора и притягивающих – страны-реципиента с учетом «вмешивающихся препятствий» (субъективная оценка оправданности трудностей и опасностей, сопутствующих процессу переезда).

Изученность проблемы. Исследуемая тема вызывает устойчивый интерес со стороны как зарубежных, так и отечественных специалистов в области изучения миграционных процессов и миграционной политики. Часть исследований сосредоточена на общих детерминантах международной миграции (Х. Аранго, Г. Хьюго, А. Куаучи, А. Пеллегрини др.). Большинство работ посвящено анализу, факторов, обуславливающих миграцию: различия в экономических условиях, особенности миграционной политики, географическая удаленность и т.п.

Тематика причин миграции достаточно детально проработана в трудах таких зарубежных ученых как Э. Г. Равенштайн, Э. С. Ли, Д. Массей и др. В научных работах отечественных

исследователей Г. С. Витковской, В. А. Ионцева, Л. Л. Рыбаковского, С. В. Рязанцева и др. проводится анализ миграции (причины, масштаб и последствия), уделяется внимание проблемам нелегальной миграции. Вопросам корреляции государственной политики и миграционных процессов посвящены работы Ю. Г. Ефимова, А. Ю. Краснова и др. Особенности миграционных процессов в Греческой Республике уделяет внимание Н. В. Говорова, К. В. Власова, Е. О. Дедюрина и др.

Цель статьи – анализ ключевых теорий, объясняющих миграционные подвижки населения, а также применение их в интерпретации миграционных потоков Греческой Республики.

Термин «миграция» (происходит от латинского *migration* – перемещение, переселение) обозначает процесс передвижения либо через международную границу, либо внутри страны и охватывает любой тип перемещения людей, независимо от причин. Миграция населения представляет собой сложное и противоречивое явление, коррелирующее с различными сторонами социально-экономической и политико-правовой жизни общества. Каждая страна, которая, так или иначе, принимает участие в миграционных процессах (как в качестве реципиента, так и донора) подвергается совокупности трансформаций.

Потребность в объяснении миграционных процессов появляется в XVIII-XIX столетиях. Повышение интереса к подобной активности населения следует связывать с оформлением индустриального общества: бурный ростом урбанизации, появление технических возможностей к перемещению населения (пароходы, железные дороги и т. п.) и др. Конечно, процесс территориального перемещения населения свойственен человеческой истории, но массовость, свойственная данному историческому периоду, а также коренные изменения характера и направления миграционных потоков, обуславливали необходимость его осмысления.

Научные исследования проблем миграции населения берут свое начало в XIX веке. Вопросами, волновавшими исследователей, были: определение сущности миграции, ключевых причин, выявление наличия/отсутствия закономерностей и т.п. Принято считать, что первым научное определение понятию миграционных процессов дал английский учёный Эрнст-Георг Равенштайн, понимая под ними временное или постоянное изменение проживания населения [1, с. 31]. Отметим, что в статье «Законы миграции», изданной в 1885 году, Э. Равенштайн, опровергает гипотезу, предложенную У. Фарром относительно хаотичности миграционных перемещений, а также формулирует следующие законы миграции:

1. Большинство мигрантов перемещается на короткие расстояния. Объяснить такую закономерность можно тем, что мигранты, как правило, принадлежат к малообеспеченным социальным группам и не могут материально обеспечить продолжительные и дорогостоящие переезды.

2. Миграция происходит ступенчато, осуществляется шаг за шагом. Когда мигранты перемещаются на новое место жительства, то образующиеся пустоты стремительно заполняются другими мигрантами. Таким образом, формируются миграционные потоки. Циркулирующая рабочая сила оставляет вакантными рабочие места, которые занимают другие работники. Данный комплекс перестановок и создаёт устойчивые потоки миграции.

3. Каждый миграционный поток порождает противопоток. Противопотоки вызваны искусственными, аффективными действиями государства (в целях сохранения определенного количества жителей), общественных организаций (сохранение культурных и традиционных устоев).

4. Мигрантов, переселяющихся на большие расстояния, притягивают к себе центры промышленности и торговли. Бурно развивающаяся промышленность и торговля требуют обслуживания. Процессы расширения предприятий неминуемо провоцируют расширение коллективов трудящихся, что и создаёт дополнительные рабочие места.

5. Жители небольших населённых пунктов – самая активная группа в процессе миграции. Сельская местность и небольшие города являют собой пример, когда, с одной стороны, отсутствуют большие предприятия, на которых могли бы трудиться рабочие, и с другой стороны, в таких населённых пунктах по-прежнему представлена трудоспособная группа населения. Последняя принимает активное участие в перемещениях, связанных с поиском нового места труда.

6. Женщины в большей степени активны и готовы к переселению (во внутренней миграции), чем мужчины (готовность к международной миграции).

7. Мигранты – преимущественно взрослое население, а семьи – самая не активная социальная группа в миграционном смысле. Объяснить данное утверждение следует тем, что семьи, как правило, состоят не только из супруги и супруга, а ещё и включают в себя детей, иногда иных родственников, что затруднительно влияет на переезд на новое место жительства. Вдобавок, смена места жительства связана с психологическим дискомфортом и подкрепляется финансовыми

вливаниями, которые существенно растут если переезд осуществляет вся семья. Поэтому семьи редко переезжают за пределы страны, в которой появились.

8. Рост численности населения крупных населенных пунктов происходит в основном за счёт миграционного прироста. Рост городов, практически, всегда происходит быстрее естественного прироста населения. Из данного утверждения следует, что рабочая сила и обсуживающий персонал на предприятиях не могут быть привлечены из числа местных жителей города [1, с. 33].

9. Объём миграции увеличивается пропорционально развитию промышленности, торговли и транспорта.

10. Миграции в основном направлены из сельскохозяйственных районов в центры промышленности и торговли.

11. Экономический фактор является приоритетным в качестве причин миграции.

Следует отметить, что Равенштайн уделял внимание только внутренним миграциям, в силу чего вряд ли можно утверждать об универсальности сформулированных им законов. Несмотря на это работы Равенштайна повлияли на дальнейшее исследования процесса миграции.

Опираясь на разработки Э. Равенштайна, американский социолог Эверетт С. Ли научно обосновал теорию факторов миграции. В своей статье «Теория миграции» вышедшей в 1966 году, учёный сделал акцент на том, что именно отталкивает мигрантов, а что их притягивает. Ли исходил из убеждения, что на переселение населения могут влиять две группы факторов – выталкивающие и притягивающие. В зависимости превалирования одной или другой, потоки могут либо интенсифицироваться, либо переходить в стагнацию.

Особую актуальность имеют труды американского географа Вильбура Зелински, предложившего в 1971 году модель миграционного перехода (по аналогии с переходом демографическим). Ученый, системно проанализировав влияние глобализации на миграционные процессы, пришел к выводу, что именно технологическая компонента (развитие средств транспорта и коммуникаций) существенно облегчает перемещение населения.

В 1979 г. профессор экономики и политических наук Массачусетского технологического института Майкл Пиоре предложил теорию сегментированного (двойного) рынка труда, предполагающую анализ процесса международной трудовой миграции в контексте макроэкономических зависимостей. М. Пиоре приходит к выводу, что миграция – это естественный процесс, необходимый для гармоничного распределения трудовых ресурсов.

В конце XX века американский социолог, профессор Принстонского университета Дуглас Массей предложил синтетическую (сетевую) теорию миграции. Социолог в качестве ключевых причин миграции указывает – стремление к повышению благосостояния. Д. Массей объясняет причины устойчивости миграции, специфику оформления её потоков и вектор направленности. Анализируя преимущества страны-реципиента, ученый фокусируется на трех направлениях. А именно: «социальные и денежные переводы» как фактор развития экономических отношений между странами, некорректность использования в глобальном мире понятия «утечка мозгов» и его замена понятием «циркуляция мозгов»; исследование экономической выгоды от временной (или круговой) трудовой миграции [6, с. 158]. Массей приходит к выводу, что притягивающие факторы миграции преобладают над отталкивающими.

Исследовал международные миграционные процессы и американский социолог, политолог и философ-неомарксист, один из основателей мир-системной теории Иммануил Валлерстайн. Согласно представлениям которого, основой современного мира является дихотомия «центр – периферия», то есть его деление на: безнадежно периферийные страны «нижнего миллиарда» [7, с. 12] и избранные «центральные». В результате экспансии капитализма происходит трансформационные подвижки в структуре периферии, наблюдается обезземеливание крестьян, получают развитие города. Глобализация, ускоряя миграционные процессы, актуализирует спрос на труд иммигрантов в растущих мегаполисах.

Таким образом, современные миграционные процессы многоаспектны и приводят к возникновению новых эффектов в различных сферах общественной жизни. Миграция влияет на демографический состав населения, религиозную и этническую палитру, на ситуацию в экономике, проецируется, в том числе и на политический процесс страны-реципиента.

Проанализируем особенности миграционных процессов на примере такой страны Европейского Союза как Греческая Республика. Отметим, что на протяжении большей части своей современной истории Греция выступала как страна-донор. Экономическая отсталость страны не поощряла иммиграцию. Наоборот, греки в значительных количествах эмигрировали в страны Европы

(Германия, Бельгия), США и Австралию. Эмиграция практически прекратилась в конце 1970-х годов после ужесточения миграционных режимов в странах Северной Европы.

Сменив статус со страны-донора на страну-реципиент, Греция в полной мере «ощутила» наплыв мигрантов. Точкой отсчёта можно считать вступление греческого государства в Европейское экономическое сообщество (1981 г.). Следует отметить, что внезапное увеличение притока иммигрантов стало неожиданностью, как для властей страны, так и для населения. Поэтому миграционная политика государства первоначально характеризовалась преимущественно административно-политической неразберихой и нежеланием иметь дело с мигрантами, незаконно работающими в сером секторе греческой экономики.

Тем не менее, уже со второй половины 1990-х годов греческое государство начинает осуществлять миграционную политику, инструментами которой становятся регуляторные меры и усиление внимания к пограничному контролю. А к середине 2000-х годов предметом политической повестки становятся вопросы интеграции (включая натурализацию и получение гражданства для растущего второго поколения греческих мигрантов).

Однако, начало греческого экономического кризиса в 2010 году и последовавшие за ним меры жесткой экономии, резко изменили условия по всей стране и оказали глубокое влияние на миграцию. Греция пережила длительный экономический спад, который негативно повлиял на уровень жизни большей части ее населения. В период с 2007 по 2016 год ВВП страны сократился на 26,4% в реальном выражении, а в период с 2007 по 2014 год располагаемый доход сократился примерно на 40%. В стране увеличилось количество бедного населения, при этом основным триггером роста бедности стало резкое увеличение безработицы.

Начиная с 2007 года, Греция столкнулась с серьезным иммиграционным давлением со стороны незаконных мигрантов и просителей убежища из стран Азии и Африки, прибывающих в Грецию через Турцию. Хотя до 2009 года предпочтительным маршрутом было пересечение коротких проливов между турецким побережьем и греческими островами в Эгейском море, позже миграционные маршруты претерпели изменения. Основная масса нелегальных мигрантов начала прибывать через сухопутную греко-турецкую границу в северо-восточной части Греции через реку Эврос. Динамика этих маршрутов обусловлена преимущественно продолжающейся политической нестабильностью и войной в некоторых частях Азии и Африки (например, в Афганистане, Пакистане, Сомали и Сирии), а также экстремальными климатическими явлениями и общим высоким уровнем бедности в других частях Азии и Африки (например, в Бангладеш, странах Западной Африки).

Отметим, что миграционный кризис начался в 2011 г. в результате событий «арабской весны» и к началу 2016 г. достиг пика на фоне войны в Сирии и серии террористических актов в ЕС [2, с. 20]. Согласно данным Международной организации по миграции, по состоянию на декабрь 2015 года, число прибывших мигрантов в Греческую Республику составило 771 тысячу человек (по сравнению с 148 тысячами мигрантов, приехавших через Италию).

Данная ситуация спровоцировала политический кризис в Греции. Конечно, правительство стремилось успокоить электорат, сократив численность нелегальной миграции и выявив «фальшивых» просителей убежища. Так, в 2012 году Министерство общественного порядка и защиты граждан Греции и Международная организация по миграции подписали соглашение на сумму 10 миллионов евро о добровольной репатриации 7000 человек. Кроме того, была начата операция («Ксениос Зевс»), направленная на поимку мигрантов-нелегалов. Согласно которой, необходимо было контролировать преимущественно общественные места (где могут собираться мигранты) крупных городов: Афины, Патры и т.д. Однако было арестовано за незаконное проживание в стране лишь 4128 человек. Данная операция подверглась резкой критике со стороны Европейских партнеров.

Греческое общество также отреагировало на кризис: рост мигрантофобии, увеличение случаев расистского насилия, поддержка на выборах радикальных политических сил, как левого [5, с. 58], так и правого толка. Так, по результатам парламентских выборов 2012 года правоцентристская партия «Новая демократия» набрала 18,85% голосов, леворадикальная коалиция «Сириза» – 16,78%. Также прошли в парламент левоцентристская партия «ПАСОК», правоцентристская партия «Независимые греки», Коммунистическая партия, партия «Демократические левые силы». Отдельно следует указать на то, что в парламент впервые в своей истории прошла ультраправая националистическая партия «Золотая Заря», получив 7% голосов избирателей. Сохранила данная партия и такую же поддержку избирателей на внеочередных парламентских выборах в Греции (2015г.). Ключевыми тезисами партии были за анти-иммигрантские и неонацистские лозунги. Согласно «Национальному плану» (2015 г.) партии «Золотая Заря» по восстановлению Греции после финансового кризиса [3] требовалась немедленная высылка всех нелегальных иммигрантов. По результатам парламентских выборов 17 июля

2019 года «Золотая Заря» набрала 2,93 % голосов и не прошла в парламент Греции, а 7 октября 2020 года Апелляционный суд в Афинах признал партию преступной группировкой. Тем не менее, подобная праворадикальная националистическая партия существовала немалый период времени в политико-правовом пространстве греческого государства и принимала участие в принятии политических решений.

Таким образом, несмотря на крах социального государства, Греция сегодня остается привлекательной для трудовых мигрантов в силу того, что ряд соседних государств сталкивается с большими проблемами в социально-экономической сфере и военными действиями.

Иммиграционные потоки в Грецию не всегда вызывают положительную реакцию со стороны принимающего общества, что отображается на процессах в политической сфере (в частности в поддержке политических партий радикального толка).

Греция, будучи частью Европейского Союза, проводит миграционную политику, диктуемую им. Тем не менее, европейские институты не всегда могут предложить быстрое и эффективное решение в кризисной ситуации. Существует необходимость разработки проактивной миграционной политики, учитывающей как международную динамику миграции, так и национальную специфику, процессы, происходящие в обществе.

Список литературы

1. Адедиран, А. М. Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных ученых XX в / А. М. Адедиран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2015. – № 1. – С. 30-41.
2. Большова, Н. Н. Ответ на «кризис с беженцами» 2015г. и перспективы общей миграционной политики ЕС / Н. Н. Большова // Ежегодник ИМИ. – 2016. – Выпуск 1 (15). – С. 19-33.
3. Бышок, С. О. Золотая заря / С. О. Бышок // Вопросы национализма. – 2016. – №3. – (27). – С. 96-104.
4. Гарас, Л. Н. Социальные аспекты миграционных процессов / Л. Н. Гарас // Вісник СевНТУ. – 2012. – № 126. – С. 31-35.
5. Гарас, Л. Н., Современные трансформационные процессы в Европейском Союзе: кризисные аспекты / Л. Н. Гарас, А. А. Каримов // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 4. – С. 56-61.
6. Данилова, Е. О. Теория Д. Массея в дискурс-анализе социально-экономической активности и сетевого взаимодействия трудовых мигрантов в РФ / Е. О. Данилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 3. – С. 159-164.
7. Коллиер, П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана / П. Коллиер. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 384 с.
8. Юдина, Т. О социологическом анализе миграционных процессов / Т. Юдина // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 102–109.
9. World migration down 30 percent due to pandemic: UN. – URL: <https://phys.org/news/2021-01-world-migration-percent-due-pandemic.html> (дата обращения: 10.07.2022).

Статья поступила в редакцию 8.09.2022

Garas, L. N., Paradiivsky, S. V. Migration Processes: Political Aspect

The article analyzes the features of modern migration processes. It is noted that the world is driven by migration due to many factors. It is emphasized that there is a fairly large pool of theories, both classical and modern, that explain this phenomenon. The authors, focusing on the political effect of immigration processes in Greece, note the need for a proactive state migration policy.

Key words: migration processes, migration theories, factors of migration, immigration, political aspect of immigration, proactive migration policy, Hellenic Republic.

УДК 167/168:519.816

В данной работе показано, что эвристика, как интуитивный процесс, служит решению проблем в условиях неопределенности. Автор статьи обсуждает вопрос многоаспектности проявления неопределенности в различных областях, что иной раз создает неразрешимую задачу номинирования универсального определения понятия, которое могло бы обобщить в одно целое все характеристики неточности, неясности и непредсказуемости. В статье акцентируется внимание на проблеме категоризации неопределенности, систематизации типов неоднозначности.

Ключевые слова: эвристика, эвристические стратегии, неопределенность, классификация неопределенности, теория принятия решений.

Е. Ю. Шавардова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E.mail: lenash_72@mail.ru

ЭВРИСТИЧНОСТЬ ПОИСКА МОДЕЛЕЙ И МЕТОДОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В каждой области научного знания эвристика является стратегией выбора самого быстрого, эффективного и оригинального решения; эвристические алгоритмы и принципы наталкивают на поиск и использование нетривиальных действий. Характерным признаком этой уникальной сферы является ее принципиальная междисциплинарность. Однако эвристичность имеет место и внутри дисциплинарного знания. Эвристическая интуиция сопровождает едва ли не каждый этап научного поиска, принципиально не поддаваясь формализации. Редукция, заимствование методов, интеграция приемов гуманитарных и технических наук, выбор практического внедрения тех или иных научных разработок, сам решающий эксперимент явно или неявно основывается на эвристических постулатах. Эвристика предстает связующим звеном научного и вненаучного знания, рациональности и внерациональных ориентаций. Эвристика становится подспорьем в выборе тактики поведения и способствует избеганию тупиковых шагов развития. Как критерий творческого риска эвристичность всегда чувствуется в качестве неотъемлемой компоненты развития научного знания, а в постнеклассическом мировоззрении качество эвристичности теории выдвинуто на роль критерия научного знания, который позволяет изменить и сам процесс трансляции знания, сделать его творческим, проблемным, игровым.

В современной философии эвристика трактуется как наука о возникновении нового (суждений, идей, способов действия) в знании и деятельности человека [6]. Эвристика имеет достаточно широкое применение в любой науке. Важно, что эвристика, как наука о творческом мышлении, одна из самых молодых в системе современного научного знания. Она сформировалась на основе обобщенных результатов целого ряда наук, изучающих человека, его деятельность и творчество.

Основная задача эвристики – это создание моделей поиска нового решения задачи, проблемы, задачи. Эвристика – комплексная область знаний, содержащая элементы философии, психологии, лингвистики, кибернетики, теории информации, науковедения, основ организации труда и т. д. Главное место в ней занимает психология творческого мышления, исследующая механизмы разрешения проблемных ситуаций [5].

Целью эвристики является построение моделей процесса решения какой-нибудь новой задачи или поиска решения проблемы. Эвристика как наука занимается построением эвристических форм процесса поиска оригинального разрешения вопроса; она является стратегией выбора самого быстрого, эффективного и неординарного решения, а эвристические методы и принципы наводят на поиск и использование нетривиальных действий.

Модели осуществления поиска значительно индивидуализированы и тесно связаны с психической и мотивационной деятельностью субъекта познания. Среди эвристических моделей выделяют следующие: 1) элементарная модель «слепого поиска»; 2) структурно-семантическая модель Г. Буша; 3) модель «лабиринта»; 4) модель «трансформатор»; 5) модель «шлюз»; 6) модель «сосуд»; 7) модель «семена»; 8) модель «трамплин-барьер» и др. [1].

Эвристические аспекты проявляются тогда, когда имеющиеся условия не подсказывают человеку способа решения определенной задачи, и прошлый опыт не включает в себя готовую схему, которая могла бы быть применена при данных условиях. Для выхода из проблемной ситуации

создаются новые стратегии функционирования. В эвристику входит также исследование условий формирования способностей человека к творческой интеллектуальной деятельности – эвристического обучения и методы его организации.

В связи с тем, что: а) возросла аффилированность решений, принимаемых в разных областях; б) увеличилось количество критериев оценки альтернатив; в) выросло число факторов, которые необходимо учитывать при оценке последствий альтернатив; г) появились новые, чрезвычайно сложные объекты, требующие принятия ответственных решений (ракетно-космические комплексы, химические производства, атомные электростанции и т.п.), и на равных правах с такими привычными критериями, как прибыль и расходы, возникли принципиально современные мерила: влияние на окружающую среду, здоровье нации, предупреждение чрезвычайных ситуаций, конкуренция на мировом рынке, социальная ответственность и т. п.

Исходя из вышеизложенного, реакцией на трудности и ответственность в принятии решений явилось возникновение в середине XX века новой научной дисциплины – теории принятия решений.

Теория принятия решений – это область исследования, в которой используются понятия и методы математики, статистики, экономики, менеджмента, психологии, изучаются закономерности выбора людьми путей решения разного рода задач, а также самая выгодная из возможных альтернативных решений. Следовательно, назначение этой научной дисциплины является двояким: исследование того как люди принимают решения и разработка методов принятия решений, способствующих обосновать выбор оптимального варианта из нескольких возможных. Как следует из приведенной дефиниции, теория принятия решений уделяет внимание двум видам задач. В этой связи в ней выделяют две взаимосвязанные компоненты: дескриптивную и нормативную. Дескриптивная составляющая описывает реальное поведение и мышление людей в процессе принятия решений и трактуется как психологическая, потому что она основывается на исследовании психологии человека. Нормативный элемент теории принятия решений излагает, напротив, рациональный процесс выбора, предлагает людям алгоритмы принятия решений. Нормативная составляющая теории является математической, так как она базируется на предположении что для проблемной ситуации может быть создана математическая модель, которая позволит осуществить выбор лучшей альтернативы на основе некоего критерия. Необходимо также отметить следующее: в основе нормативной теории принятия решения лежит классическая концепция максимизации ожидаемой полезности, т. е. человек всегда пытается принять оптимальное решение, которому отвечает как возможно большая ожидаемая плодотворность. При этом предполагается, что лицо, принимающее решение, обладает достаточно полной информацией о среде, альтернативы их последствия.

Понятие «неопределенности» широко применяется как в науке, так и в философии. Сущность термина «неопределенность» заключается в том, что это объективная невозможность получения абсолютного знания об объективных и субъективных факторах функционирования системы, неоднозначность параметров последней; она порождает несоответствие между тем, чего люди ожидают и тем, что действительно происходит. Неопределенность предполагает наличие факторов, при которых результаты действий не являются детерминированными, а степень влияния каждого обстоятельства на показатели неизвестна. В этом месте следует отметить, что неопределенность не всегда является негативным фактором, поскольку осознание факта ее существования мотивирует к самостоятельному решению задач, инициативности и творческому поиску.

Научный фундамент исследований по проблеме неопределенности представлен трудами зарубежных и отечественных ученых. Дж. Кейнс является основателем теории неопределенности, как раз он впервые сформулировал основные положения этой концепции. Весомый вклад в теорию неопределенности внесли Ф. Найт и Л. Мизес, которые анализировали эпистемологически неопределенность, положили начало понятию «неясность» и отделили категории «неопределенность» и «риск». Зарубежные ученые С. Фунтовиц, Й. Равец, Х. Риш предложили классификации типов неопределенности. Необходимо отметить творческую лепту в этом вопросе И. Розмайнского, Ю. Ольсевича, Е. П. Белинской и В. Черкасова, систематизировавших понятие неопределенности в посткейнсианской школе и исследовавших проблему в контексте мирового финансового кризиса. Неопределенность как экономическую категорию также изучал В. И. Авдийский. В. А. Сытников и Ю. А. Разинов анализировали неопределенность как возможность.

В научной литературе существует достаточное количество систематики неопределенностей. Можно считать почти первую такую классификацию создал Ф. Найт, который еще в 1921 году считал необходимым выделить понятие «риск» как «измеряемую неопределенность» и применять термин «неопределенность» или «настоящая неопределенность» для «случаев неколичественного рода» [4, с. 30]. В первую очередь следует отметить временной признак – по мере возникновения

неопределенностей, которые разграничиваются на ретроспективные, поточные и перспективные. Необходимость учитывать фактор времени при оценке экономической эффективности принимаемых решений обусловлена тем, что как эффект, так и затраты могут быть распределены по времени. Уровни по величине расхода, по-разному рассредоточиваются во времени, обеспечивают разный полезный результат того или иного вида (экономический, социальный). С точки зрения вероятностного выпадения событий неопределенности, необходимо выделить три вида: полная неопределенность, полная определенность и частичная неопределенность. Полная неопределенность характеризуется близкой к нулю прогнозируемостью наступления события. Полная определенность – это абстрактное понятие, когда вероятность наступления события равна 100 % и соответствует близкой к единице прогнозируемости событий. Частичная неопределенность соответствует таким событиям, прогнозируемость которых лежит в пределах от 0 до 1 [8, с. 190].

По факторам возникновения неопределенности делятся на: экономические, политические, социальные и их промежуточные модификации. *Экономическая* неопределенность обусловлена неблагоприятными переменами в экономике. Например, неопределенности рыночного спроса, слабая предсказуемость рыночных целей, неопределенность рыночного предложения, недостаточность информации о действиях конкурентов и т. п. *Политическая* неопределенность продиктована изменением политической обстановки, влияющей на другие виды деятельности. *Социальная* неопределенность может быть вызвана изменениями демографической ситуации, преимуществ и нравственных установок населения, влияющих на деятельность. *Естественная* неопределенность определяется совокупностью показателей, среди которых могут быть климатические, погодные условия, разного рода помехи (атмосферные, электромагнитные и пр.). Особый вид неопределенностей имеет место при наличии конфликтных ситуаций, в качестве инициаторов которых могут выступать, например, стратегия и тактика лиц, участвующих в том или ином конкурсе, действия конкурентов, ценовая политика и т. п.

Сложность классификации неопределенностей объясняется многогранностью причин и факторов их возникновения, динамическими изменениями внешней среды, неоднородностью внутренней среды и т. п. Поэтому для систематики неопределенностей целесообразным является определение перечня признаков. С точки зрения задач принятия решений различают следующие виды неопределенностей: неизвестность, недоверенность и неоднозначность. В ситуации *неизвестности* практически отсутствует информация о задаче; подобное может произойти на начальном этапе исследования. Если в процессе сбора информации в определенный период в действительности оказывается, что собран не полный материал или получить его по некоторым причинам невозможно, то неопределенность трансформируется в *недоверенность*. Она может принимать вид неполноты или недостаточности (в наличии не вся необходимая информация), для некоторых задач могут оказаться неточными описания (неопределенность), некоторые элементы задачи представлены только по аналогии с уже решаемыми (*неадекватность*).

Причиной возможной *неоднозначности* изложения может явиться внешняя среда (физическая неопределенность) и язык, используемый лицом, принимающим решение (децидент) – лингвистическая неопределенность. *Физическая неопределенность* может быть связана как с наличием во внешней среде нескольких возможностей, каждая из которых реализуется случайно (ситуация случайности или стохастической неопределенности), так и неточностью измерений величины с помощью физических приборов (ситуация неточности).

Лингвистическая неопределенность появляется вследствие использования естественного языка (в отдельном случае – профессионального языка децидента) для описания задачи принятия решений. Этот вид неопределенности обусловлен необходимостью оперировать имеющим предел количеством слов и ограниченным набором структурных фраз (предложений, абзацев, текстов) для описания за истекшее время бесконечного множества разнообразных ситуаций, возникающих в процессе принятия решений. Лингвистическая неопределенность порождена, с одной стороны, множественностью значений слов (понятий и отношений) языка – *полисемия*, а с другой – неоднозначностью содержания фраз. В принятии решений надлежит выделять два вида полисемии: омонимия и нечеткость. Если объекты задачи принятия решений, которые воспроизводятся одним и тем же словом, существенно отличаются, то такое положение относится к *омонимии*, например, коса – вид побережья, сельскохозяйственный инструмент, вид прически. Когда же эти объекты подобны, это воспринимается как *нечеткость*.

Относительно источников неопределенности содержания фраз выделяют синтаксическую, семантическую и прагматическую неоднозначность. В случае *синтаксической неоднозначности*, уточнив синтаксис, можно понять содержание фразы, например, «железные болты и гайки» – болты

железные, а гайки могут быть из другого металла; или и болты, и гайки железные; «казнить нельзя помиловать» – казнить нельзя, помиловать или казнить, нельзя помиловать. В ситуации поверхностной *семантической неопределенности* содержания фраз понятны отдельные слова, но неясен смысл всей фразы, например, «голубые зеленые мысли яростно спят». При наличии глубинной семантической неопределенности, непонятны отдельные слова, но общий смысл сохраняется. *Прагматическая неопределенность* вызвана неоднозначностью использования синтаксически и семантически понятной информации для достижения целей деятельности [9, с. 200].

Неоднозначность может возникать и по причине *неопределенности цели*, которая приводит к возникновению задач со многими критериями, а также в многоликих задачах принятия решений. В случае активного противодействия в одних обстоятельствах или инициативного содействия в других, неопределенность моделируется методами *теории игр* – математический метод изучения оптимальных стратегий в играх; процесс, в котором принимают участие несколько сторон, ведущих борьбу за реализацию своих интересов. Учет физической неопределенности может осложниться возникновением лингвистической неоднозначности в описании распределения вероятностей. Другими словами, эти виды неопределенности могут накладываться один на другой.

Для разрешения проблем и задач в условиях неопределенности стратегии решения препятствий и заданий могут отличаться тем, с какой объективной возможностью они направляют к цели, или, какой объем неопределенности им присущ. Эвристические стратегии означают поиск подходов решения, например, способом проб и ошибок, в отличие от алгоритмов – они приводят к желаемому результату с определенной целью [7, с. 482]. Эвристическая политика наиболее интересна для исследования поведения при решении проблемной ситуации или задачи.

Термин «задача» используют в тех случаях, когда определена конечная цель действий или в полном смысле слова сформулированы исходные данные. Проблемой называют такие ситуации, где высокая степень неопределенности, то есть нет точной цели, неясна технология решения, нет нужных ресурсов и т. д. «Проблема» – это задача с корректным, очевидным решением. Затруднительное положение (проблема) возникает, когда субъект имеет цель, но находится в неведении как ее достичь. Если человек не может перейти из сложившейся ситуации в желаемую с помощью простых действий, тогда в этом случае может помочь мышление. Задача такого мыслительного процесса состоит в сочинении некоторых действий, которые могут быть посредником между имеющейся и ожидаемой обстановкой. Осмысливание, разрешение проблемы – это поиск логического выхода из ситуации, при выборе того, что желательно достичь. Разрешение проблемы можно понимать как процесс по восприятию затруднительных положений, посредством образования субъективных ментальных репрезентаций, через которые осуществляется поиск умозаключений с помощью стратегий решений [2, с. 91].

Таким образом, при разрешении препятствий в условиях неопределенности используют методы эвристики, основанные на принципах, определяющих тактику управления в слабо установленных или сомнительных проблемах и позволяющих использовать творческое мышление, генерировать новые идеи, использование которых повышает эффективность решений.

В качестве способов решения эвристических задач в настоящее время разработаны и предложены *аксиоматические методы*, которые предполагают формирование решающего правила оптимизации путем предварительного выдвижения нескольких аксиом из последующей проверкой их справедливости. На основании тестирования делают вывод о виде и параметрах функции полезности, что и закладывается в решающее правило оптимизации для выбора лучших альтернатив [3, с. 106]. В процессе выбора вариантов и анализа их частных параметров можно использовать информацию о тождественной важности последних или преимущество одних показателей над другими результатами. Полагаем, что аксиоматические методы по сравнению с эвристическими являются сложными и трудоемкими, требуют больших затрат времени и более высокой профессиональной подготовки лиц, принимающих решение. Однако они позволяют осуществлять многокритериальный выбор альтернатив более обоснованно и наглядно.

Список литературы

1. Анкин, Д. В. Теория познания / Д. В. Анкин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 192 с.
2. Гарвин, Д. Неизвестные факты о принятии решений / Д. Гарвин, М. Роберто. – URL: <https://big-i.ru/management/prinyatie-resheniy/a10428/> (дата обращения: 12.07.2022)
3. Колomoец, Ф. Г. Основы системного анализа и теории принятия решений / Ф. Г. Колomoец. – Минск: Тесей, 2006. – 320 с.

4. Найт, Ф. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Найт. – М.: Дело, 2003. – 360 с.
5. Новая философская энциклопедия в 4 т. Институт философии РАН. – М.: Мысль. 2010.
6. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 4 е изд. – М., 1980. – 448 с.
7. Эддоус, М., Стенсфилд Р. Методы принятия решений (Пер. с англ. член – корр. РАН И.И. Елисеевой / М. Эддоус, Р. Стенсфилд. – М.: Аудит. ЮНИТИ, 1997. – 590 с.
8. Hendry, D. F. Unpredictability in economic analysis, econometric modeling and forecasting / D. F. Hendry, G. E. Mizon // Journal of Econometrics. – 2004. - №1. – P. 186 – 195.
9. Simon, H. The structure of ill – structured Problems // Artificial Intelligence. – 1973. – V 4. – P. 181 – 202.

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Shavardova E. Yu. *Heuristics of Search for Models and Decision-Making Methods under Uncertainty*

This paper shows that heuristics, as an intuitive process, serves to solve problems under uncertainty. The author of the article discusses the issue of the multidimensional manifestation of uncertainty in various fields, which sometimes creates an unsolvable problem of giving a universal definition of a concept that could generalize all the characteristics of inaccuracy, ambiguity and unpredictability into one whole. The article focuses on the problem of categorization of uncertainty, systematization of types of ambiguity.

Keywords: heuristics, heuristic strategies, uncertainty, classification of uncertainty, decision theory.

УДК 355.4(540:549.1)

В статье рассматривается индо-пакистанский конфликт как один из наиболее острых по интенсивности и показательный по форме использования военной силы в территориальном конфликте. К основным факторам, оказавшим влияние на применение сторонами конфликта вооруженных сил отнесены: внешнеполитическая обстановка в мире и в регионе, внутривнутриполитическое положение внутри государств, включая состояние экономики, военный потенциал, и т. д. Предпринимается попытка провести анализ влияния основных факторов на применение военной силы в данном конфликте, раскрыть формы применения вооруженных сил, обобщить и систематизировать опыт применения регулярных и иррегулярных сил на разных этапах развития конфликта. Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и системности, а также общенаучные и специальные методы научного исследования.

Ключевые слова: территориальный конфликт, военная сила, Пакистан, Индия, Кашмир.

Д. Б. Татарков, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: DMTatarkov@sevsu.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДА ПРИМЕНЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ИНДО- ПАКИСТАНСКОГО КОНФЛИКТА)

Противостояние между Индией и Пакистаном берет свое начало в 1947 году и продолжается до настоящего времени. За этот период произошло три пакистано-индийские войны, 1947-49, 1965, 1971 годов, несколько серьезных пограничных инцидентов (наиболее крупные в 1965 и 1999 году) и большое количество локальных вооруженных столкновений.

В настоящее время пакистано-индийский конфликт, несмотря на все предпринимаемые усилия все еще далек от своего урегулирования. То затухая, то разгораясь с новой силой, конфликт остается в числе самых сложных проблем современных международных отношений. Противостояние в значительной мере мешает развитию региона, оказывает негативное влияние на экономику противоборствующих государств, препятствует интеграционным процессам, вызывает многочисленные социальные проблемы, создает условия для роста террористической активности.

Отдельно следует подчеркнуть то, что обе страны-участники конфликта имеют одни из самых многочисленных вооруженных сил в мире, в их распоряжении находятся значительные арсеналы оружия массового поражения и современные средства его доставки. В ходе вооруженных столкновений между собой обе стороны не останавливались перед привлечением к ведению боевых действий значительных сил и средств. В наступательных и оборонительных операциях принимали участие армейские корпуса и бронетанковые дивизии. На территории противника проводились широкомасштабные диверсионно-подрывные операции. Военно-морские силы противоборствующих государств, имея в своем составе боевые корабли основных классов (в том числе авианосцы и подводные лодки) осуществляли конвойные, блокадные и десантные операции, наносили удары по военно-морским базам противника и объектам на его побережье, оказывали содействие сухопутным войскам. Военно-воздушные силы, располагая серьезными боевыми возможностями (современным и многочисленным самолетным парком, развитой системой аэродромного базирования), проводили операции по непосредственной поддержке боевых действий сухопутных сил и ВМС, а также осуществляли самостоятельные операции по завоеванию господства в воздухе.

Анализ индо-пакистанского территориального конфликта позволяет выделить два временных периода, с наиболее характерными формами применения военной силы. Первый этап, это череда вооруженных столкновений, приграничных инцидентов и трех полномасштабных войн, проходивших с 1947 по 1971 год. Второй этап, охватывает период с 1971 по настоящее время.

Характерные особенности применения военной силы в ходе Первой индо-пакистанской войны (1947-1949)

Пакистан. Основной упор был сделан на применение иррегулярных вооруженных племенных формирований [1, с.13]. Многочисленные, хорошо вооруженные отряды готовились на территории Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, из приграничных районов они вводились на территорию Кашмира. Боевые действия проходили в форме наступательных и оборонительных операций против регулярных индийских и кашмирских войск, блокирующих действий против населенных пунктов, партизанских действий в тыловых районах. Действия вооруженных отрядов координировались с вооруженными выступлениями мусульманских элементов в городах и сельских районах Кашмирской долины, долины Пунч, и округа Гилгит. При оперативной необходимости пакистанское командование вводило в бой регулярные части силы усиления, особенно в ходе оборонительных боев на подступах к Музаффарабаду – центру всех мятежных территорий Кашмира.

Индия. В боевых действиях принимали участие регулярные вооруженные силы Индии и на начальном этапе вооруженные силы Княжества Кашмира. Массировано примелась бронетехника и авиация, как боевая, так и транспортная. В оперативном отношении, боевые действия носили характер корпусных и дивизионных наступательных и оборонительных операций [2]. Операции велись в долинах и горной местности.

По итогам боевых действий 1947-48 гг. Пакистан сумел достичь серьезных успехов. На подконтрольных пропакистанским вооруженным формированиям территориях было создано государственное образование Азад Кашмир.

Применение военной силы в ходе пограничного конфликта в Качском Ранне (1965)

Боевые действия на территории Большого Ранна велись в пустынных районах Канджаркота и на участке Чхад Бет–Биар Бет [4, р. 17-18.].

Пакистан. Операции проводились силами пограничных частей, сил специального назначения, армейских формирований. Ряд последовательных операций по овладению приграничными пунктами, получил наименование «Ястреб пустыни». Для участия в операциях создавались бригадные боевые группы.

Индия. В оборонительных боях были задействованы части и подразделения пограничной стражи, а на заключительном этапе армейские подразделения. Демонстрационные операции выполнил индийский флот [5, р. 23]. В ходе боевых действий в апреле 1965 года индийские части понесли существенные потери и были вынуждены оставить ряд пограничных укреплений. На некоторое время индийское командование утратило управление войсками.

Характерные особенности применения военной силы в ходе Второй индо-пакистанской войны (1965)

Пакистан. На начальном этапе войны Пакистан попытался осуществить на территории индийского штата Джамму и Кашмир стратегическую диверсионно-подрывную операцию (операция Гибралтар), призванную создать необходимые условия для выступления местного мусульманского населения против индийских властей. Общий замысел операции заключался в массовой инфильтрации на территорию штата Джамму и Кашмир разведывательно-диверсионных отрядов, подрывная деятельность которых привела бы к антииндийскому восстанию в регионе [7]. Под влиянием неблагоприятного развития ситуации в ходе проведения операции, столкнувшись с угрозой переноса боевых действий на территорию Азад Кашмира, пакистанское командование припугнуло к открытым войсковым операциям по всей протяженности границы Западного Пакистана и Индии [6]. Силами армейских корпусов проводились наступательные (Гранд Слем) и оборонительные операции, военно-воздушные силы провели стратегическую воздушную наступательную операцию, нанеся массированные удары по аэродромам противника, военно-морской флот осуществлял набеговые операции силами соединений надводных кораблей [2].

Индия. В ходе противодействия операции «Гибралтар», индийскому командованию удалось купировать действия диверсионных отрядов на своей территории. К борьбе с отрядами противника привлекались как полицейские, так и армейские части. Сорвать замысел противника удалось с одной стороны массированием сил и средств, задействованных в противодиверсионных действиях, с другой стороны индийцы сумели надежно перехватить коммуникационные линии противника в горных районах и подавить операционные базы моджахедов на территории Азад Кашмира.

После открытия боевых действий на участке Чхамб-Джауриан, индийское командование провело оборонительную операцию силами армейского корпуса и не допустило развитие танкового прорыва пакистанской ударной группировки в общем направлении на Акхнур и Джамму. 10 сентября состоялось танковое сражение у селения Ассал Уттар, в котором пакистанская 1-я бронетанковая

дивизия потерпела серьезное поражение. Наступательные операции проводились силами армейских корпусов и усиленных дивизий преимущественно на Пенджабском фронте. Так, в сентябре 1965 года, индийский 11-й армейский корпус провел Лахорскую наступательную операцию, а 1-й армейский корпуса наступал на сиапкотском операционном направлении.

Характерные особенности применения военной силы в ходе Третьей индо-пакистанской войны (1971)

В 1971 году в Пакистане вспыхнула гражданская война, результатом которой стало отделение Восточного Пакистана и провозглашение на его территории нового независимого государства – Бангладеш. Во время этой войны Индия оказала всемерную поддержку восставшим бенгальцам [8], что привело к острому кризису в пакистано-индийских отношениях и стало причиной новой войны между этими государствами. 4 декабря 1971 года началась третья пакистано-индийская война. Боевые действия велись до 17 декабря, как на восточном фронте, так и на западе. На востоке индийские войска, взаимодействуя с бангладешскими партизанами, нанесли поражение пакистанской группировке, взяли Дакку и пленили свыше 90 тысяч солдат противника. На западе индийцы добились серьезных успехов на лахорском операционном направлении и отразили попытку пакистанского наступления в Джамму и Кашмире (пакистанцы как и в 1965 году вновь нанесли танковый удар в районе Чхамб) [2].

Война 1971 года напрямую не связана с пакистано-индийскими территориальными противоречиями, но и она оказала некоторое влияние на кашмирский вопрос. 3 июля 1972 года между двумя государствами состоялось подписание так называемого Симлского соглашения. Помимо общих вопросов нормализации взаимоотношений, установления мира и дружбы в регионе, стороны коснулись кашмирской проблемы. Впервые с 1948 года термин «линия прекращения огня в Джамму и Кашмире» был заменен на термин «линия разделения и контроля». Причем за ее основу было взято положение сторон на момент заключения перемирия 17 декабря 1971 года, поэтому небольшой участок территории площадью около 60 км² в районе города Чхамб перешел под контроль Пакистана. Стороны обязались воздерживаться от любых действий ведущих к изменению статус-кво в Кашмире и продолжить диалог о будущем этой спорной территории.

Характерные особенности применения военной силы в период с 1971 по 1999 г.

После поражения в войне 1971 года, военно-политическое руководство Пакистана было вынужденно отказаться от старых методов борьбы за Кашмир. Изменение в стратегии произошло под влиянием двух основных факторов. Во-первых, явное отставание в деле военного строительства от Индии. Во-вторых, необходимость большую часть ресурсов направлять на поддержку вооруженной оппозиции в Афганистане, война в котором достигла своего апогея. С конца 80-х годов XX века, вместо прямого, или слегка замаскированного, экспорта сепаратизма в Джамму и Кашмир, приоритетным для Исламабада становится создание на спорной территории всех условий для внутреннего антииндийского восстания. Восстания, в котором главную роль играли бы не заграничные элементы (как это было в 1965 году), а местное мусульманское население. Причем особенно важным считалось обеспечить поддержку будущего восстания со стороны всех слоев кашмирского общества.

Для достижения поставленной цели все усилия оппозиционных сил действующих на территории индийского Кашмира, при широкой поддержке пакистанских спецслужб, были направлены на решение следующих задач. Создание политической нестабильности в штате Джамму и Кашмир. Введение среди всех слоев мусульманского населения антииндийской пропаганды. Внедрение во властные структуры сепаратистки настроенных элементов. Нарушение путем саботажа и диверсий нормального функционирования органов правопорядка, местного самоуправления, финансовых учреждений, системы социального обеспечения, транспорта и связи. Террор против немусульманского населения и нагнетание в Джамму и Кашмире атмосферы страха и хаоса. Концентрация террористической активности в отдаленных районах штата, с целью спровоцировать индийские силы правопорядка ослабить свое присутствие в Кашмирской долине. Создание на территории штата разветвленной широкомасштабной сети партизанских отрядов и групп. При накоплении достаточных сил, проведение атак на военные объекты, места дислокации частей индийской армии. При этом все мероприятия должны были проводиться местными силами, без открытой поддержки со стороны Пакистана. На первоначальном этапе подготовки восстания, Пакистан должен был ограничиться моральной и политической поддержкой сепаратистов. После же начала восстания, не призывать к немедленному вхождению Кашмира в состав Пакистана, а ратовать за создание на его территории нового независимого государства.

В 1987 году широко задуманный план начал давать определенные результаты. Именно в этом году в Джамму и Кашмире сложилась сложная ситуация, вызванная результатами выборов в законодательный орган штата. А уже через два года всплеск сепаратизма, вылился в вооруженное

противостояние повстанцев и правительственных сил. Кашмирскую долину захлестнула волна насилия. Масштабы вооруженных столкновений позволили средствам массовой информации заговорить о Кашмирском восстании. Пытаясь стабилизировать ситуацию, индийское правительство 19 января 1990 года ввело на территории штата прямое президентское правление и серьезно ограничило гражданские свободы населения. Была приостановлена работа органов самоуправления, значительно усилена группировка силовых структур. Индия немедленно обвинила Пакистан в экспорте мятежа на индийскую территорию, указав, что Исламабад не только готовит на своей территории отряды экстремистов, но и осуществляет широкомасштабный транзит моджахедов из Афганистана в Кашмир. Одновременно Дели в категорической форме отказалась принять услуги ООН в урегулировании конфликта.

Несмотря все предпринимаемые усилия период с 1990 по 1999 год в Джамму и Кашмир был заполнен бесконечной вереницей терактов, похищений людей, погромов и демонстраций, манифестациями и забастовками. На фоне этих событий росло взаимное напряжение в отношениях между Пакистаном и Индией. Попытка провести в 1997 и 1998 годах переговоры на уровне премьер-министров провалилась. К потоку взаимных обвинений прибавился ядерный шантаж. В мае 1998 года Индия провела пять, а Пакистан шесть ядерных испытаний.

На фоне этих событий даже самые горячие головы были вынуждены признать, что дальнейшая эскалация конфликта может привести к региональной катастрофе. Стороны вновь сели за стол переговоров и в 1989 году заключили соглашение о взаимном ненападении на ядерные объекты друг друга. 21 февраля 1999 года состоялось подписание Лахорской декларации. Исламабад и Дели взяли на себя обязательство активизировать усилия по мирному урегулированию всего комплекса спорных вопросов, в том числе и ситуации вокруг Кашмира.

И вот в этот момент в отдаленном районе Гималаев произошел очередной пакистано-индийский вооруженный конфликт. С марта по июнь 1999 года боевые действия велись в окрестностях индийского города Каргил. Высокогорная труднодоступная местность со слабо развитой дорожной сетью и малочисленным населением в прошлом уже не раз становилась полем боя в пакистано-индийских войнах.

В феврале 1999 года в районе к северу, северо-западу от Каргила с территории Азад Кашмира началось просачивание на индийскую территорию отрядов кашмирских повстанцев. Развертывание боевиков происходило под прикрытием выдвинувшихся к границе подразделений пакистанской армии и иррегулярных формирований. Перейдя границу, боевики заняли целый ряд, оставленных индийскими войсками на зимний период, блокпостов и командных высот. Воспользовавшись тяжелыми климатическими условиями, удачно избрав маршруты проникновения и районы сосредоточения, боевики сумели установить контроль почти над двухсоткилометровым участком индийской территории, пока, в конце первой декады марта, не были обнаружены индийскими пограничниками [2].

Неправильно оценив масштабы проникновения отрядов противника, и предположив, что имеет место незначительный пограничный инцидент, индийская сторона первоначально отнеслась без должного внимания к событиям у Каргила. Но, по мере развития ситуации, у индийского военнополитического руководства не осталось сомнений, что проникновение боевиков выходит за рамки локальной приграничной акции и вероятно служит прелюдией для более серьезной операции. Готовясь отразить агрессию, индийская сторона осуществила широкомасштабные оборонительные мероприятия. На границе с Пакистаном были развернуты крупные войсковые группировки. В район Каргила передислоцировались две пехотные дивизии. Численность индийских войск в зоне конфликта, включая подразделения территориальной армии, достигла 30 тысяч человек. На севере страны была сосредоточена крупная группировка ВВС. Индийский флот готовился, в случае разрастания боевых действий, блокировать пакистанские порты и воспрепятствовать подвозу в эту страну стратегических материалов, вооружения и боевой техники. К концу марта общая численность индийских войск в штате Джамму и Кашмир была доведена до 730 тысяч человек. Индийские ВМС закончили межтеатровый маневр сил, перебросив в Аравийское море крупную корабельную группировку с восточного побережья страны.

В начале мая, как только погода в Гималаях несколько улучшилась, индийские сухопутные части, при поддержке авиации, начали проведение операции по вытеснению боевиков за пределы своей территории. К концу июня 1999 года, группировке противника, которую индийцы оценили в 5000 человек, было нанесено поражение. Шаг за шагом, индийские войска очистили от боевиков большую часть захваченных высот. На этом этапе, индийское командование удержалось от соблазна перенести боевые действия на территорию пакистанского Кашмира, с целью ликвидировать систему базирования

боевиков и положить конец постоянным артиллерийским обстрелам с той стороны. Индийцы понимали, что проведение подобных операций, неминуемо приведет к широкомасштабной войне с Пакистаном. Исламабад, также решил не доводить дело до войны. Внутриполитическое положение в стране, состояние экономики и угроза оказаться в международной изоляции оказывали сдерживающее влияние на пакистанских лидеров.

Для Пакистана противостояние с Индией на почве защиты своих единоверцев - мусульман Кашмира, стало составной частью национальной идеей. В 1947 году именно призыв к защите приверженцев ислама от угрозы со стороны индусского экстремизма объяснил необходимость образования на территориях бывшей Британской Индии, с преимущественно мусульманским населением, независимой федеративной страны Пакистан. Даже наименование государства – Пакистан, означающее «священная страна», составлено из начальных букв или окончаний названий следующих регионов и народностей Индии: Пенджаб, афганцы, Кашмир, Синд, и Белуджистан. Для пакистанского общества, положившего в основу своего государства принцип защиты веры, необходимость противостоять внешней угрозе является жизненно необходимым. Отказ от борьбы с неверными вполне может подорвать фундамент государства и теоретически угрожать его существованию.

С этой точки зрения, помощь единоверцам Кашмира в их борьбе за самоопределение приобретает для Пакистана особый смысл. Неслучайно любая политическая сила, приходящая к власти в Пакистане, была не в состоянии отказаться от обязанности защищать интересы мусульманского населения Кашмирской долины. Различными были только способы поддержки, от агрессивных военных акций до умеренных политических и дипломатических демаршей.

Для Индии Кашмир, а точнее кашмирский конфликт, это одна из ступеней на пути к статусу мировой державы. На сегодняшний день Индия является, без всякого сомнения, самой могущественной страной в Южной Азии. Потенциал этого государства, его амбиции и цели уже давно переросли субконтинентальный уровень. В рамках решения задачи по дальнейшему расширению своего стратегического пространства, Индии особенно важно свести к минимуму конфликтный потенциал на своих границах. На современном этапе главным источником угрозы индийским интересам в регионе остается Пакистан. Наличие по соседству враждебно настроенного государства, располагающего многочисленными и боеспособными вооруженными силами, и оружием массового поражения, оказывает сковывающее влияние на способность Индии к наиболее полной реализации своих внешнеполитических задач. В конце сороковых годов Великобритания потому то и поддержала образование на территории своих бывших владений государства Пакистан, чтобы создать некий противовес индийскому независимому государству. С этой же целью Китай, в период с начала шестидесятых по конец восьмидесятых годов, всячески старался укрепить обороноспособность Пакистана и даже помог ему получить статус ядерной державы.

На протяжении шестидесяти лет Индия использует ситуацию вокруг Кашмира в интересах решения своей пакистанской задачи. Индийская политика в отношении Кашмира поставила Пакистан в практически безвыходное положение – продолжение борьбы бесперспективно, а отказ от нее – фатален. Вся история Пакистана – это борьба за Кашмир и против Индии. Кашмирский конфликт служит для Индии возможностью принудить Пакистан к тотальному противостоянию во всех сферах, политической, экономической, военной, социальной, идеологической. Чем заканчиваются подобные противостояния, мы можем видеть на примере одной из великих держав второй половины XX столетия.

Исходя из вышесказанного, становятся более понятными мотивы, определяющие индийскую стратегию в кашмирском конфликте. За всю историю противостояния Индия ни разу не выступила в роли нападающей стороны. Вынуждая противника первым открывать боевые действия, Индия в полной мере использовала преимущества от статуса страны подвергшейся агрессии. В результате войны 1965 года, Пакистан лишился поддержки США, а в 1999 году действия Исламабада осудило практически все мировое сообщество, даже его важнейший союзник – Китай. Обладая вполне реальными военными возможностями попытаться решить пакистанскую проблему силовым путем, индийское руководство в то же время, понимает всю бесперспективность подобного шага. Любая агрессивная акция со стороны Индии, была бы грубой ошибкой. Пакистанское общество только сильнее сплотилось бы перед лицом внешней угрозы. В Дели прекрасно помнят уроки Афганской войны 1979-89 годов. Да и нет нужды Индии менять внешнеполитический курс, заложенный еще основателями государства М. Ганди и Д. Неру. Достаточно ждать, сохраняя статус-кво, плод созреет и сам упадет в индийские руки. Судьба Бангладеш тому яркий пример.

Что касается политики, которую Индия проводит по отношению к подконтрольной ей территории Кашмира, то она носит характер направленной против Пакистана широкомасштабной

ненасильственной подрывной операции. Широкое сотрудничество с мусульманскими общественно-политическими силами Джамму и Кашмира, стремление обеспечить мир и порядок в штате, стимулирование экономического роста в регионе и улучшение благосостояния кашмирцев, демонстрируют способность Индии обеспечить все условия для нормального мирного сосуществования многонационального и полирелигиозного общества. Индийская цель – нормализация ситуации в Джамму и Кашмире, по сути своей является одним из способов нарушения устойчивости пакистанского общества. Политика добрососедства, подкрепленная миром в Кашмире это мина замедленного действия, заложенная под фундамент Пакистана.

Список литературы

1. Кольцов, Н. Н. Индия 40 лет борьбы и свершений / Н. Н. Кольцов. – М.: Знание, 1987. – 62 с.
2. Amin, A. H. The Anatomy of Indo-Pak Wars. A Strategic and Operational Analysis / A. H. Amin // Defence Journal. August 2001. Vol 5. №1. – URL: <http://www.defencejournal.com/2001/august/anatomy.htm> (дата обращения 14.07.2022)
3. Amin, A. Handling of Armour in Indo-Pak War. Pakistan Armoured Corps as a Case Study / A. Amin. // Defence Journal. August 2000. – URL: <http://www.defencejournal.com/2000/aug/contents-aug2000.htm> (дата обращения 14.07.2022)
4. Chakpavorty, B., Phil D. History of the Indo-Pak War, 1965 / B. Chakpavorty, D. Phil. – New Delhi: History Division Ministry of Defense Government of India, 1992.
5. Hiranandani, G. M. Transition to triumph: history of the Indian Navy, 1965-1975 / G. M. Hiranandani, – New Delhi: Lancer Publishers, 2000.
6. The Way It Was / Z. Khan // Defence Journal. May 1998. – URL: <http://www.defencejournal.com/may98/contentsmay98.htm> (дата обращения 14.07.2022)
7. Mehdi, Sg. 1965 War. Operation Gibraltar. Role of SSG Para Commandos / Sg. Mehdi // Defence Journal. July 1998. – URL: <http://www.defencejournal.com/july98/1965war.htm> (дата обращения 14.07.2022)
8. Quadir, I. F. Pakistan And Its Three Wars / I. F. Quadir // Defence Journal. March 1998. – URL: <http://www.defencejournal.com/march98/pak3wars1.htm> (дата обращения 14.07.2022)
9. Singh, S. The Indian Navy 1951-1965 / S. Singh, – New Delhi: Lancer, 1992.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022

Tatarkov, D. B. *Evolution of the Approach to the Use of Armed Forces in Resolving Interstate Territorial Disputes: the Case of the Indo-Pakistani Conflict*

The article considers the Indo-Pakistani conflict as one of the most acute in intensity and indicative in the form of the use of military force in the territorial conflict. The main factors that influenced the use of armed forces by the parties to the conflict are the foreign policy situation in the world and in the region, the internal political situation within states, including the state of the economy, military potential, etc. An attempt is being made to analyze the influence of the main factors on the use of military force in this conflict, to reveal the forms of use of armed forces, to generalize and systematize the experience of using regular and irregular forces at different stages of the conflict. The methodological basis of the research are the principles of historicism, objectivity and consistency, as well as general scientific and special methods of scientific research.

Keywords: territorial conflict, military force, Pakistan, India, Kashmir.

УДК 327.5:355.216

В статье анализируется феномен частных военных компаний, выявляются причины их возникновения. Отмечается, что частные военные компании появляются во второй половине XX века, а наиболее благоприятные исторические предпосылки для их развития формируются в США. Подчеркивается, что существуют разнообразные основания для характеристики ЧВК, тем не менее затруднительно создать универсальную типологию. Авторы акцентируют внимание на росте спроса на частные военные услуги в условиях современных вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: частные военные компании (ЧВК), наёмничество, современные вооруженные конфликты, коммерциализация ЧВК, типология ЧВК.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

Н. И. Лебедь, студент

Севастопольский государственный университет

E-mail: dia.lebed@mail.ru

ФЕНОМЕН ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ

Распад биполярной системы и окончание «холодной войны» обусловили оформление новой эпохи международных отношений, которая сначала своего существования непрерывно подвержена трансформации в контексте постоянно продуцирующихся вызовов. Ввиду специфичности последних, государства, стремясь поддержать статус-кво национальных границ, обезопасить всей суверенитет и решать свои специальные задачи с помощью не прямых действий, все чаще прибегают к использованию новых инструментов в сфере безопасности. Один из таких инструментов нашел свое воплощение в качестве феномена частных военных компаний. Данные образования на современном этапе представляют собой неотъемлемую часть многих военных операций, миротворческих миссий, а также процесса постконфликтного восстановления, вместе с тем, участие частных военных компаний в современных конфликтах ставит вопрос о рассмотрении их в качестве субъекта международных отношений, что подразумевает изменение баланса сил, главным образом в нестабильных регионах. Стоит отметить, что традиционно функции легитимного насилия являются прерогативой государства, однако усложнение структуры миропорядка и переход войн и конфликтов в другую плоскость, вынуждает данный политический институт делегировать часть функций, связанных прежде всего со сферой применения вооруженной силы. Поэтому частные военные компании как подразделения неправительственных структур все больше воздействуют на современные конфликты, зачастую оказывая влияние их исход.

Частные военные компании активно принимают участие в различных конфликтах современности, в частности в Ираке, Сирии и др., а сегодня – это Украина. Следует отметить, что на территории украинского государства, начиная с периода украинского кризиса 2013 года, представлены наиболее могущественные частные военные компании мира [7, с. 132], что подтверждает особую важность разворачивающихся там процессов для государств-заказчиков, активно погруженных в украинские дела.

Подобное продвижение интересов доминантных акторов современной международной системы представляет непосредственную угрозу национальным интересам России в регионе и, следовательно, свидетельствует о необходимости изучения данного феномена в контексте современного мироустройства.

Изученность проблемы. Исследуемая тема вызывает устойчивый интерес со стороны как зарубежных, так и отечественных специалистов в области изучения частных военных компаний и современных конфликтов.

Среди зарубежных исследователей вопросы деятельности частных военных компаний анализируются в публикациях Р. Абрахамсен, К. Кинзи, М. Моррисон, Д. Брукс, П. Сингер и др.

А. Н. Михайленко, В. М. Неёлов, К. А. Хажметов и др. ученые представляют исследования организационных, исторических, этических и иных вопросов касательно деятельности частных военных компаний.

Интерес М. А. Небольсиной, А. А. Бартоша, А. В. Манойло, С. В. Володенкова, Н. А. Комлевой, В. М. Родачина, П. А. Цыганкова и др. исследователей прикован преимущественно к военно-политическому аспекту современных конфликтов и участия в них частных военных компаний.

А. К. Бисултанова, Е.Е. Королькову, А. А. Сырхаева, Д. Типлинга и др., интересуют вопросы регуляторной политики государств и международных организаций касательно частных военных компаний, в частности поднимается вопрос об ответственности частных военных компаний и охранных компаний за нарушение норм международного гуманитарного права в условиях вооруженного конфликта.

Цель статьи – рассмотрение особенностей и причин возникновения частных военных компаний, анализ их классификаций по различным основаниям.

Методологические основы исследования. Авторы исследования опирались на общелогические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция. Исторический подход позволил выделить этапы развития и трансформации роли частной военной силы в исторической перспективе. Для выявления общих и специфических характеристик такого явления, как ЧВК, авторами использовался метод сравнительного анализа.

Феномен частных военных компаний существует продолжительное время, однако, отсутствует конвенциональность касательно его определения и единой аббревиатуры. Так, в документах и научной литературе встречаются такие варианты как: «частные военные компании» (ЧВК), «частные военные и охранные компании» (ЧВОК), «частные охранные компании» (ЧОК) и «частные военные и охранные предприятия» [2, с. 79]. В нашем исследовании используется аббревиатура «ЧВК», хотя относительно содержания данного понятия нет единства. Например, отечественный исследователь и юрист Никита Цепков определяет ЧВК как зарегистрированную частную высокодоходную коммерческую структуру, укомплектованную высококлассными техническими специалистами, контролируруемую государством и работающую в его интересах» [13].

В другом определении акцентируется внимание на том, что ЧВК – это структура высокоорганизованного порядка, основной задачей которой является «обеспечение боевых действий (логистика, сбор и уничтожение неразорвавшихся боеприпасов и мин, вывоз с поля боя и ремонт подбитой техники, питание для военнослужащих, тыловое обеспечение, охрана воинских объектов и складов, тюрем и т.д.). ЧВК создаются и используются в интересах государства» [1].

Согласно «Документу Монтрё» (от 2008 г.), одному из базовых по регламентации деятельности ЧВК, последние определяются как частные предпринимательские субъекты, оказывающие военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Под военными и охранными услугами подразумевается, в частности, вооруженная охрана и защита людей и объектов, например, транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатация боевых комплексов; содержание под стражей заключенных; и консультирование или подготовка местных военнослужащих и охранников и др.

Отметим, что участников ЧВК зачастую называют «солдатами удачи», «дикими гусями», нередко употребляется понятие «наемник». Предшественниками современных частных военных компаний можно считать наёмничество. Несмотря на то, что феномен наёмничества имеет давнюю историю, сопутствует процессу совершенствования военного искусства и трансформации политики, а упоминания использования наёмников встречаются уже в период существования Древнего Египта [3, с. 111]. Тем не менее способ комплектования по принципу наёмничества войск характерен для периода эллинизма (появляются первые «контракты», формируется достаточная профессиональная когорта солдат и офицеров). То есть наёмничество в своем развитии проходит ряд этапов [4]: от возникновения и эволюции в качестве института военной службы, формы военной организации (II–III века до н. э. – XIX век) – через развитие данного института как инструмента государственной политики в период вооруженных конфликтов (XX век) – до современного состояния (конец XX – начало XXI века).

Конечно, создание регулярных армий фактически приводит к тому, что наёмничество перестает быть востребованным со стороны государств, однако как явление оно окончательно не исчезает, а периодически актуализируется как в XIX, так и в XX веке. Отметим, что частные военные компании стали появляться во второй половине XX века, а наиболее благоприятные исторические предпосылки для развития ЧВК были созданы в США.

Первой официально зарегистрированной ЧВК стала «Watchguard International», учрежденная в Великобритании основателем воздушной спецслужбы Дэвидом Стирлингом, специализировалась на

оказании услуг безопасности и охраны лидеров постколониальных стран. Данное направление работы обуславливалось намерением Великобритании восстановить свергнутый режим в Йемене (1967 г.). Однако, Великобритания осознавала, что прямое применение силы стало бы вызовом сверхдержавам СССР и США, которые объявили о признании установившегося порядка в Йемене. Поэтому предложение Д. Стирлинга о задействовании в операции частных военных охранных сил, состоящих из бывших офицеров воздушной спецслужбы, для обучения приверженцев монархии военному делу, поспособствовало созданию первой ЧВК [8, с. 394].

В дальнейшем компания декларировала отказ от действий, направленных на насильственное свержение законных правительств и взаимодействие с режимами, враждебными Великобритании. Тем не менее, в 1969 году ключевыми целями операции «The Hilton», разрабатываемой «Watchguard International», было свержение ливийского лидера Муаммара Каддафи, восстановление прежнего режима власти и освобождение свыше ста политзаключенных из ливийской тюрьмы силами 25 британских наемников [20]. И хотя, данная операция была отменена Британской секретной разведывательной службой за несколько минут до ее начала, изложенные факты явно демонстрируют участие ЧВК в качестве своеобразного «игрока», способного влиять на ситуацию и корректировать архитектуру региона, не вынуждая государство-заказчика к открытым военным действиям.

Параллельно с упомянутыми событиями, феномен «ЧВК» демонстрирует своё влияние на политическое состояние региона в период постколониальных войн в Африке 60-70-х гг. XX в. Это происходит в ходе потери прежними колониальными режимами своих лидирующих позиций, вследствие чего они начинают активно использовать наёмников для борьбы с национально-освободительными движениями.

На протяжении 80-х-90-х гг. XX в. отмечается бурный рост спроса и предложения частного военно-силового бизнеса. В особенности, это прослеживается на африканском континенте, где по разным оценкам прирост рынка частной безопасности достигал около 30% уже к середине 90-х годов XX в. Основная причина – неспособность национальных армий заполнить пространство безопасности, вследствие перманентной нестабильности и повышенной турбулентности региона. При этом именно на Африканском континенте ЧВК продемонстрировали свою акторность, сотрудничая с местной бизнес-элитой и властью [9, с. 98].

Свою реализацию ЧВК находят также посредством выполнения контрактов международного сообщества (ООН, Африканский Союз и другие), тем самым постепенно увеличивая масштабы рынка частной силы. В основном, подобного рода контракты связаны с обеспечением безопасности сотрудников организаций в составе миротворческих миссий, охраной объектов (зданий, имущества, отдельных личностей и т.п.), вместе с тем, в случаях обострения конфликтности международной среды.

Во многом своему быстрому росту ЧВК обязаны глобализация и ключевые тенденции развития мировой политики последних десятилетий. Прежде всего, стоит говорить о трансформации силовой компоненты современного государства. В традиционном понимании армия, как государственный институт, представляет собой вооруженные силы государства по выполнению функций сдерживания военных и военно-политических угроз безопасности и/или посягательств на интересы государства, а также по защите как внутреннего, так и внешнего суверенитета. Рост числа конфликтов «низкой интенсивности», их гибридизация и асимметричность подталкивают государства использовать агентов не прямых действий.

Учитывая, что самым крупным заказчиком деятельности ЧВК выступают государственные структуры, и ЧВК чаще всего имеют регистрацию на территории данного государства. Соответственно, по сути, они являются не «частными», а своего рода государственными структурами, и выступают инструментом внешней политики государства. Поэтому в целях лоббирования своих интересов государства скрыто используют новые инструменты - ЧВК. Интересным на наш взгляд свидетельство бывшего сотрудника «Military Professional Resources Inc.» (MPRI) генерал-лейтенанта Сойстера, который заявил, что американское правительство «использует нас, чтобы проводить американскую внешнюю политику. Мы, конечно, не определяем внешнюю политику, но мы можем быть частью американского правительства, выполняющего внешнюю политику» [10, с. 164]. Таким образом, ЧВК, стратегически позиционируя себя в качестве законных и незаменимых поставщиков услуг безопасности на мировой арене, фактически ставят в зависимость некоторые правительства от частных служб безопасности. Так, по словам бывшего военного подрядчика Шона Макфейта, сегодня возрастает до такой степени, что такие страны, как США, «больше не могут вступать в войну без частного сектора» [17].

Сущностным фактором распространения ЧВК является глобальная война с терроризмом, которая на протяжении XXI в. стала одним из важных направлений внешней политики современных государств. ЧВК в контексте борьбы с терроризмом смогли отличиться в военных компаниях в Афганистане и Ираке. Так, выполняя функции, порученные правительством США, частные военные компании продемонстрировали себя как эффективный инструмент для борьбы с асимметричными угрозами.

Немаловажным фактором распространения ЧВК служит постепенная коммерциализация, которая пронизывает все больше сфер политики государства, в том числе и сферу безопасности. Главным образом это отражается посредством феномена «аутсорсинга» и обусловлено повышенной прагматичностью частных военных образований относительно национальных армий. Предоставление частных военных услуг является развивающейся отраслью, размер которой на 2006 год составил около 100 млрд. дол. [16, р. 575], а на 2009 год – уже составил свыше 165 млрд. дол. (прогнозируемые ежегодные темпы роста – 8%) [14, р. 1]. Отметим, что Соединенные Штаты и Великобритания занимают примерно 70% этого рынка. Соотношение личного состава ЧВК к контингенту военнослужащих составляет примерно 1 к 8, что означает, что на каждые восемь военнослужащих во всем мире приходится один представитель ЧВК, а в США такое соотношение равно 1:2 соответственно [21].

Сегодня в мире официально зарегистрировано свыше 450 ЧВК различных категорий, предоставляющий широкий перечень услуг, в силу чего с начала XXI в. предпринимаются первые попытки их классифицировать.

Частные компании могут быть разделены по разным основаниям. Так, в феврале 2002 года в британском «зеленом документе» (носит в себе информацию консультационной направленности британского правительства) содержались положения касательно разграничения видов деятельности ЧВК. Согласно пунктам данного документа, ЧВК делятся по признаку основной направленности предоставляемых услуг, а именно: 1) боевая тактическая подготовка; 2) консультирование и обучение; 3) поставка вооружения и боеприпасов; 4) разведка и сбор данных; 5) обеспечение безопасности, противодействие преступности; 6) логистическое консультирование [18].

При работе с упомянутым документом британский исследователь Даг Брукс, предложил свою классификацию, которая делила частный охранный / военный бизнес на три категории: 1) поставщики нелетальных услуг; 2) частные охранные компании; 3) частные военные компании [15, р. 2]. Помимо этого, Д. Бруксом был проведен анализ исключительных функций каждой из категорий, так, к первой категории относятся компании, которые преимущественно предоставляют услуги по разминированию, логистике и консалтингу. Вторая категория вобрала в себя компании осуществляющие охрану объектов (промышленности, гуманитарных предприятий, посольств). И, наконец, частные военные компании, располагающие в большей степени военизированными функциями: проведение операций, наступательные боевые действия, военная разведка.

При этом, данная классификация подвергается критике по ряду вопросов, главный из них – отсутствие действительности в некоторых из категорий. Д. Брукс относил компании, занимающиеся подготовкой военных кадров, к разряду «военных», однако, по мнению исследователей, было бы точнее причислять их к «нелетальным», ввиду их отстраненности от непосредственного участия в боевых действиях [12].

Наиболее научной и практико-обоснованной считается классификация Питера Сингера, которая подразумевает соотносить ЧВК по «уровню участия в конфликтах». В своей работе «Корпоративные воины: подъем приватизированной военной промышленности» («Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry»), он предлагает следующую классификацию: 1) частные военные компании, непосредственно принимающие участие в боевых действиях (передовые наступления, командование в условиях боя); 2) военно-консалтинговые компании (подготовка бойцов, консультирование), главное отличие – непричастность к активным боевым действиям; 3) компании, оказывающие дополнительные услуги (транспортировка, разведательные и логистические операции) [19, с. 95]. Следует отметить, что П. Сингер рассматривает ЧВК главным образом в контексте внешнеполитического курса США. Поэтому, деление на такие три группы, как «передовые», «вспомогательные» и «оперативные», представляют собой ничто иное как организацию военных сил государства для реализации своих национальных интересов. Вместе с тем, США являются государством-лидером на рынке частной военной силы (более 50% от всеобщего рынка приходится на штаты), что явно демонстрирует заинтересованность государства в разграничении деятельности подобного рода военных структур.

Отечественный исследователь И. И. Кузнецов проводит разграничение ЧВК прежде всего по «источнику заказа», таким образом существует возможность очертить границы аутсорсинга сферы безопасности, а вместе с тем установить перед каким образованием ЧВК несет ответственность. В качестве первой группы И. И. Кузнецов выделяет компании, большая часть контрактов которых поступает от государств и международных организаций. В следующую группу вошли компании, преимущественно работающие на транснациональные корпорации и бизнес-элиты, а также на неправительственные структуры. В третью группу исследователь включает ЧВК, привлеченные отдельными лицами и организациями, в том числе преступными формированиями и боевиками [6, с. 123].

Помимо рассмотренных классификаций существуют также и иные, которые ориентируются на степень «милитаризованности» предоставляемых услуг. В силу чего компании можно разделить на компании «вооруженного характера» и, соответственно, «невооруженного». К первым относят ЧВК выполняющих охрану объектов (в том числе отдельных лиц), а также сопровождение. В другую группу вошли компании, ориентированные на предоставление услуг оперативного командования, центров связи, анализ угроз и информации, ведение переговоров [9, с. 58].

Стоит подчеркнуть, что по причине специфичности деятельности частных военных компаний представляется затруднительным создание универсальной классификации, которая бы в полном объеме соответствовала действительности. Это можно объяснить рядом проблем, одна из них – широкий спектр услуг, которые способны предоставлять ЧВК для выполнения поставленных условий контракта. Так, компания может специализироваться как на услугах, непосредственно связанных с военными действиями, и в то же время предоставлять услуги по консалтингу, охране мероприятий и т.п.

Такая «всесторонность» обусловлена главным образом особенностью рынка частных военных услуг, который на протяжении последних двадцати лет переживает эпоху форсированных изменений, в большей степени это отражается в усложнении структуры компаний (за счет покупки компаний «поменьше»); в расширении возможностей ввиду появления новых отраслей военного дела, а также повышенной вероятности ребрендинга и смены деятельности в случае «скандала».

Не менее важной проблемой классификации ЧВК является оценка их деятельности с политической точки зрения. Так, если ЧВК преимущественно выполняет свои обязательства на территории государства-нанимателя и предоставляет услуги подготовки и обучения структур национальной армии, то целесообразно говорить о «вспомогательной» функции таких ЧВК. Однако, если рассмотреть ситуацию тренировки ЧВК MPRI (одна из ведущих американских компаний, создана в 1987 г.) грузинской армии, то следует говорить о попытках вмешательства во внутренние дела соседнего государства – России [5, с. 9].

Таким образом, частные военные компании развивались и получали распространение в соответствии с трансформацией повестки безопасности. Кроме того, экономические и политические преобразования, происходившие в международных отношениях, оказали как косвенное, так и непосредственное воздействие на данных акторов. Они играют важную роль в ослаблении принципа «притязаний на владение законной монополией на насилие», которая должна быть отличительной чертой современного государства.

Частные военные компании сходны с наёмничеством по ряду аспектов: экспорт услуг с территории одного государства на территорию другого; вовлеченность в военные действия; и, конечно, материальная заинтересованность при выполнении поставленных задач. Однако, одной из главных особенностей современных ЧВК является их «неопределенный» международно-правовой статус, который подразумевает коммерческую жизнеспособность подобных структур, при этом не регулирует их деятельность, что приводит к «универсальности» данного инструмента в контексте конфликтов нового типа.

Частные военные и охранные компании регистрируются в соответствии с национальным законодательством. В то же время, сущностным аспектом изучения ЧВК является нередко их неопределенный международный статус. Однако, правила необходимы (внутренние или международные), что позволит не только в случае необходимости расследовать и определять имевшие место правонарушения, а и позволит общественности контролировать ответственность правительства за использование ЧВК в международных точках. В целом будет способствовать прозрачности и подотчетности ЧВК.

Существующие типологии демонстрируют разграничение ЧВК по нескольким признакам, среди которых: тип предоставляемых услуг; степень милитаризованности; уровень участия в конфликтах; по субъекту-заказчику. Подчеркивается, что ввиду сложности феномена ЧВК возникают

трудности установить границу между компаниями по рассмотренным основаниям, что делает затруднительным создание универсальной типологии.

Сегодня наряду с вооруженными силами тех или иных государств выступают ЧВК, которые представляют собой распространенные в международной практике структуры, уполномоченные государствами для решения специальных задач. С возросшим спросом на частные военные услуги ЧВК из категории обслуживающих военные операции организаций постепенно переходят в категорию полноценных независимых вооруженных организаций, способных выполнять функции регулярных армий [11, с. 14], то есть ЧВК нередко занимают с ними равноправное положение, а в дальнейшем, возможно, будут играть еще более значительную роль.

Список литературы

1. Аликин, А. ЧВК – это очень эффективный инструмент влияния / А. Аликин. – URL: <http://rusplt.ru/society/voennie-chastniki-8795.html> (дата обращения: 10.05.2022).
2. Волеводз, А. Г. Проблемы, принципы и перспективы регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий / А. Г. Волеводз // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 3 (12). – С. 78-88.
3. Гарас, Л. Н. Особенности участия частных военных компаний в «гибридных войнах» / Л. Н. Гарас, Н. И. Лебедь // Парадигмы истории и общественного развития. – 2019. – № 15-16. – С. 109-114.
4. Золотарёв, П. С. Военное наёмничество: особенности возрождения в XXI веке / П. С. Золотарёв // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – Выпуск № 2. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005943-4-1/> (дата обращения: 10.05.2022).
5. Колесниченко, О. Вне закона. Британский МИД отпускает частные военные компании в саморегуляцию. 9–15 сентября 2009 / О. Колесниченко // Военно-промышленный курьер. – 2009. – № 35 (301). – 10 с.
6. Кузнецов, И. И. Транснациональные отношения в системе государств: партнёрство или новый виток соперничества? / И. И. Кузнецов // Космополис. – 1999. – № 3. – С. 122–126.
7. Курылев, К. П. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. / К. П. Курылев, Е. В. Мартыненко, Н. П. Пархитко, Д. В. Станис // Вестник международных организаций. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 130-149.
8. Лебедь, Н. И. Феномен частных военных компаний в современном мире / Н. И. Лебедь // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию победы в Великой Отечественной войне : Материалы Международной научно-практической конференции, Туапсе, 01–03 октября 2020 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – С. 393-397.
9. Небольсина, М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний. Сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав: монография / М. А. Небольсина. – М.: ИД «Международные отношения», 2018. – 238 с.
10. Пыхалов, И. В. ЦРУ и другие спецслужбы США / И. В. Пыхалов. – М., Эксмо, 2010. – 384 с.
11. Рогожина, Е. М. Специфика деятельности частных военных компаний в XXI веке (на примере Ближнего Востока) / Е. М. Рогожина, И. В. Рыжов, Р. Н. Соколов // Конфликтология / nota bene. – 2020. – № 4. – С. 1 - 18.
12. Хажметов, К. А. Классификация частных военных компаний / К. А. Хажметов. – URL: <http://crimescience.ru/?p=25007> (дата обращения: 25.05.2022).
13. Цепков, Н. Частные военные компании: краткий обзор мирового и российского регулирования / Н. Цепков. – URL: https://zakon.ru/blog/2015/12/14/chastnye_voennye_kompanii_kratkij_obzor_mirovogo_i_rossijskogo_regulirovaniya (дата обращения: 10.05.2022).
14. Abrahamsen, R. Security Beyond the State: Global Security Assemblages in International Politics / R. Abrahamsen, M. C. Williams // International Political Sociology. – 2009. – Volume 3. – P. 1-17.
15. Brooks, D. Protecting People: the PMC Potential. A working document presented as Comments and Suggestions for the UK Green Paper on Regulating Private Military Services. – London. 2002. – 6 p.
16. Cameron, L. Private military companies: their status under international humanitarian law and its impact on their regulation // International Review of the Red Cross. – 2006. – № 88(863). – P. 573-598.
17. McFate, S. America's addiction to mercenaries / S. McFate // The Atlantic. 2016. – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/08/iraq-afghanistan-contractor-pentagon-obama/495731/> (дата обращения 19.05.2022).

18. Private Military Companies: Options for Regulation. – 2002. – URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2002/mercenaries.pdf> (дата обращения 20.05.2022).
19. Singer, P. W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry / P.W. Singer. – N.Y.: Cornell University Press, 2007. – 360 p.
20. The Hilton assignment. The attempted overthrow of Col. Quaddafi of Libya by mercenaries in 1969. – URL: <http://www.mercenary-wars.net/hilton/> (дата обращения: 18.05.2022).
21. Zlutnick, D. Making a Killing: America's Private Army / D. Zlutnick // Global Policy Forum. – 2007. – URL: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/173/30568.htm> (дата обращения 13.05.2022).

Статья поступила в редакцию 4.06.2022

Garas, L. N., Lebed, N. I. *The Phenomenon of Private Military Companies: Causes and Typology*

The article analyzes the phenomenon of private military companies, identifies the causes of their emergence. It is noted that private military companies appear in the second half of the twentieth century, with the most favorable historical prerequisites for their development forming in the United States. It is emphasized that there are various grounds for the characterization of PMCs, nevertheless it is difficult to create a universal typology. The authors focus on the growing demand for private military services in the context of modern armed conflicts.

Keywords: private military companies (PMCs), mercenary activity, modern armed conflicts, commercialization of PMCs, typology of PMCs.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 929Карнеев:75.03(470-21Севастополь)

Рассматривается история создания и функционирования в Севастополе первоначальной рисовальной школы Академика Императорской Академии художеств Аким Егоровича Карнеева. Установлено, что в деятельности школы можно выделить два периода. Первый - в 1883-1888 годах, когда Карнеев был ее единственным учителем. С июля 1888 по 1892 годы занятий в школе не проводилось из-за тяжелой болезни Карнеева. В 1892 году занятия в школе возобновляются, при этом в учебном процессе участвует ряд известных севастопольских художников, прежде всего, Михаил Николаевич Протопопов. Деятельность школы поддерживалась Академией художеств, высылавшей учебные пособия и предоставлявшей ссуды, и местными властями. Функционирование школы прекращается в 1896 году после смерти Аким Карнеева.

Ключевые слова: Аким Карнеев, рисовальная школа, Академия художеств, Севастополь, П. Ф. Исаев, М. Н. Протопопов.

С. Н. Осиповский, доцент, канд. полит. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: simosip@gmail.com

РИСОВАЛЬНАЯ ШКОЛА АКИМА КАРНЕЕВА В СЕВАСТОПОЛЕ: 1883-1896

Масштабное храмовое и мемориальное строительство в Севастополе, вызванное Крымской войной, привлекло сюда значительное количество архитекторов и живописцев. Во второй половине XIX были возведены храм св. Николая на Братском кладбище, Владимирский собор на городском холме и ряд других памятников. Среди плеяды выдающихся представителей отечественного искусства, работавших в Севастополе, особое место занимает Аким Егорович Карнеев. Его вкладу в развитие культурного развития региона посвящено всего одно исследование, написанное без привлечения архивных источников [3], в котором встречаются фактические неточности и остается практически нерассмотренным целый ряд вопросов, связанных с работой Аким Карнеева, в том числе, с руководством открытой им рисовальной школы.

Аким Егорович Карнеев прибывает в Крым в 1867 году из Италии, где он находился в качестве пенсионера Академии, с «целью ознакомления с этой страной России» [4, л. 33]. 17 января он сообщает в Академию о своем пребывании в Севастополе, и просит адресовать сюда пенсионерское содержание и прогонные деньги в размере 100 червонцев. 26 февраля он извещает Академию о получении шестьсот семидесяти пяти рублей, направленных ему Правлением. В ноябре этого же года он получает вид на жительство в Севастополе. Местом жительства в 1867 году его была гостиница Киста, и именно сюда он получает выданный из Петербурга 10 сентября диплом академика. В Севастополе Аким Карнеев занимается вместе с М. Н. Васильевым и А. Д. Литовченко росписью, возводимой на Братском кладбище, церкви св. Николая [6, с. 168]. В 1871 году Управляющий Морским министерством ходатайствует о награждении Карнеева и Васильева «за труды по внутренней отделке храма» [4, л. 46] и 3 января 1872 года государь император жалует академиков Карнеева и Васильева орденами св. Станислава 3 степени.

С 1871 года Карнеев занимается росписью очередного севастопольского храма – Владимирского собора на городском холме. Здесь он восковыми красками делает росписи на сводах и стенах, а на медных досках пишет иконы для иконостасов [5, с. 31]. Его работа здесь не была отмечена сколько-нибудь значимыми наградами. Находясь постоянно в Севастополе, Карнеев приобретает в собственность жилой дом на Чесменской улице. 20 июля 1881 году он пишет прошение в Совет императорской Академии художеств с предложением открыть в своем доме в Севастополе первоначальную рисовальную школу. Эту школу он рассматривал как подготовительную для «желающих поступить со временем в Академию» [4, л. 52]. Программой школы Карнеев видел:

1. рисование геометрических моделей с объяснением перспективы;

2. рисование орнаментов и объяснение ордеров архитектуры;
3. рисование частей лица и бюстов из гипса;
4. живопись с натуры.

Предлагая свое начинание под покровительство Академии, Карнеев просил о присылке необходимых для обучения коллекций моделей и оригиналов, а также ряда учебных изданий. Этот вопрос был вынесен на обсуждение Совета Академии, который принял положительное решение и 15 февраля 1881 года распорядился выслать просимое безвозмездно (Карнеев заплатил из своих средств за укладку и пересылку 250 рублей), с условием, что в случае закрытия школы оно было возвращено в Санкт-Петербург или передано преемнику с обязательного согласия Совета. Ответ Академии подписал конференц-секретарь Петр Федорович Исаев, которого Аким Карнеев благодарит ответным письмом от 4 марта 1882 года [4, л.57]. Из Академии в школу были присланы несколько античных гипсовых голов, орнаменты, отдельные части лица, руки, ноги. Следует отметить, что в это время особое внимание Академии уделялось поддержке провинциальных рисовальных школ, к примеру, Одесская рисовальная школа, открытая благодаря личной инициативе Президента Великого князя Владимира Александровича в 1880 году, получала пособие в 3 тыс. рублей [2, с. 48]. Дальнейшие действия Карнеева по открытию школы заключались в получении свидетельства Управления севастопольского полицмейстера о политической благонадежности и просьбе в Академию о высылке удостоверения о том, что с ее стороны не встречается препятствий для функционирования школы. В этом письме (от 29 августа 1882 года) Аким Карнеев прилагает программу обучения для каждого из открываемых трех классов [4, л. 62-63]. 6 сентября Петр Федорович Исаев такое свидетельство оформляет и отправляет, а 21 октября отдельным письмом сообщает, что после рассмотрения присланной им программы обучения руководителем педагогических курсов Академии Владимиром Петровичем Шемиотом она была одобрена Советом. В единственной работе, посвященной деятельности Карнеева в Севастополе, утверждается, что школа была открыта в 1882 году [3, с. 107]. Тем не менее, он сам в письме в Академию прямо указывает, что первые занятия в рисовальной школе начинаются в 1883 году [4, л.85]. В обзорах Севастопольского градоначальства первое упоминание о деятельности школы встречается в сообщении за 1887 год, указано количество обучающихся – 17 человек, и сумма, потраченная на содержание – 350 рублей [1, с. 262]. Далее упоминание о школе можно найти в отчете за 1888 год, количество учеников сокращается на одного, сумма расходов не меняется [1, с. 286], и в отчете за 1889 год с теми же данными [1, с. 308]. За этот период сам Карнеев получил «лестный отзыв и благодарность от Академии», двое учеников удостоились серебряной медали, а трое похвальных отзывов. Пять человек после обучения в школе поступили в Императорскую академию художеств [4, л. 85а об.].

11 июля 1888 года с ним случился нервный удар, приведший к параличу правой половины тела. Занятия в школе, где он был единственным преподавателем, с этого момента прекращаются. В Отчетах градоначальника за 1889 – 1891 годы школа числится как действующая, причем в 1889-1890 указана даже сумма, потраченная на ее содержание – те же 350 рублей в год. Следует критически относиться к сообщаемым в отчетах данным о деятельности школы за эти три года, поскольку сам Карнеев сообщает об ее закрытии в 1888 году, а других преподавателей в этот период в школе не было.

Жена Акима Егоровича Карнеева Александра обращается с прошением на Высочайшее имя о назначении пенсии и присвоении звания профессора Академии. Вместе с прошением она прилагает медицинское свидетельство о болезни мужа. Письмо было рассмотрено Командующим Главной императорской квартирой генерал-адъютантом Оттоном Борисовичем (Бурготовичем) Рихтером. Рихтер препровождает прошение Президенту Академии Великому князю Владимиру Александровичу, чтобы, в случае его согласия, передать на рассмотрение императора Александра III. Владимир Александрович лично пишет ответ (23 декабря 1888 года), в котором сообщает об отсутствии препятствий с его стороны «об исходатайствовании всемилостивешего соизволения на назначении академику Карнееву пенсии в виду болезненного состояния и в воздаяние художественных трудов его, обращавших на себя особенное внимание Мое и Совета Академии со времени присылки своих работ в качестве пенсионера Академии и впоследствии как основатель и руководитель школы рисования в Севастополе» [4, л.72]. Дальнейшая процедура назначения пенсии потребовала обращения Оттона Борисовича Рихтера в Департамент государственного казначейства. Несмотря на имеющуюся положительную резолюцию Президента Академии художеств, Министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский запросил дополнительную информацию о работе Карнеева. Поскольку «...в подобных случаях пенсии из казны могут быть испрашиваемы лишь за заслуги вполне действительные» [4, л. 73 об.], из министерства финансов поступил запрос о них конференц-секретарю Академии Петру Федоровичу Исаеву. Исаев довольно подробно перечислил деятельность Карнеева в Севастополе, указав основные написанные им образы в храме св. Николая и Владимирском соборе, отдельно отметив

основание им рисовальной школы. После получения этой информации в Министерстве финансов, прошение Александры Карнеевой наконец поступило на подпись Императора. 23 ноября 1889 года Александр III «повелеть соизволил производить Академику живописи Иоакиму Карнееву пенсию из сумм Государственного Казначейства в размере шестисот рублей в год, с распространением оной в случае смерти его на семейство» [4, л. 44].

К началу 1890-х годов здоровье частично возвращается к Акиму Карнееву, он лично ведет переписку с Академией, но не может говорить. В этой ситуации основные усилия его сосредотачиваются на повторном открытии рисовальной школы, куда для преподавания он приглашает живущих в Севастополе художников. Второе открытие школы произошло в 1892 году, при этом Карнееву помогают архитекторы и художники Александр Михайлович Вейзен и Валентин Августович Фельдман. А. М. Вейзен работал в школе только в 1892 году, но впоследствии из-за недостатка времени отошел от преподавания. Позднее (вероятно, в 1893 году) в школе работают В. А. Фельдман и Михаил Николаевич Протопопов, а в 1894 году – только М. Н. Протопопов. В 1880-х годах школа получала ежегодное финансирование из городского бюджета в 350 рублей в год, в период же с 1892 по 1893 годы денег из городской казны на деятельность школы Карнеев не получал. В Отчетах градоначальника можно найти количество обучающихся – в 1892 году их было 19 [1, с. 381], это же количество обучающихся было в школе и в следующем, 1893 году. В 1894 году Аким Карнееву удалось добиться значительной финансовой помощи со стороны городских властей, ему было выделено 1800 рублей, что сразу же привело к значительному увеличению числа учеников – в этом году в школе числится целых 32 будущих художника [1, с. 437]. Не оставил город своим вниманием школу и в 1895 году, правда размер финансирования был уменьшен вдвое – до 900 рублей, представляющих, впрочем, вполне значительную сумму. Так, к примеру, Каранское и Камарское начальные народные училища, хотя и имели большее количество учеников, получали на свое содержание по 410 рублей.

В 1890-х гг. в Академии была принята новая учебная программа, предписывающая обязательное использование гипсовых фигур. В школе к этому времени были только присланные ранее гипсовые головы и орнаменты, поэтому Карнеев (в письме от 14 января 1895 года) посылая в Академию образцы работ своих учеников, просит о присылке «двух, трех античных фигур, только на средства Академии» [4, л. 85а], поскольку из-за сложного финансового положения заплатить за транспортировку он был не в состоянии. Недостаток в средствах заставил Акима Карнеева обратиться за финансовой помощью. Первым стал известный меценат, крупнейший чаоторговец, живший в Форосе, Александр Григорьевич Кузнецов. Несмотря на свои огромные пожертвования, в том числе и для открытия биологической станции в Севастополе, Карнееву Кузнецов отказал. По его мнению, распространять рисовальные школы нет никакой надобности, ибо талант и так пробьется. Тогда Карнеев написал письмо Михаилу Петровичу Боткину, члену Совета Академии по назначению пособий рисовальным школам и меценату. Боткин поддержал просьбу Карнеева и вынес вопрос на обсуждение Совета. Рассмотрев просьбу Карнеева, Совет Академии принял решение о высылке гипсовых фигур, которые были направлены в шести ящиках весом 49 пудов через Севастопольскую контору Российского общества морского, речного, сухопутного страхования и транспортирования кладей и товарных складов. По прибытии в Севастополь оказалось, что в процессе транспортировки содержимое четырех ящиков было разбито. Поэтому Карнеев 19 июня 1895 года вторично запрашивает Академию о присылке фигур. 18 ноября этого же года в Севастополь благополучно прибывают все отправленные фигуры. Возмещение затрат на пересылку в размере 116 руб. 95 коп. было осуществлено за счет выданной Академией школе субсидии.

8 марта 1896 года академик Аким Егорович Карнеев скончался. 10 июня 1896 года учитель рисования Севастопольской женской гимназии Иван Миронов составляет докладную записку в Академию, где предлагает передать все модели для рисования в пользу гимназии. Совет принял решение запросить у вдовы Карнеева Александры список всех имеющихся картин и пособий, а также дальнейших перспективах продолжения функционирования школы, когда и кто в ней будет преподавать. Его вдова направила в ответ в Академию перечень находящихся в рисовальной школе гипсов с просьбой об оставлении их ей «ввиду полезной бескорыстной деятельности по школе...покойного мужа» [4, л.101]. В статье А. В. Мироненко, Д. И. Тюлюкова, Е. Н. Алексеевой утверждалось, что после закрытия школы «Вейзен и Фельдман безуспешно пытались ее восстановить» [3, с. 108]. Тем не менее, вдова Карнеева Александра в письме в Академию прямо утверждает, что «В Севастополе никто не заявлял пожелание продолжать деятельность Школы» [4, л. 103]. Официально школа была закрыта в этом же 1896 году [1, с. 490]. 28 октября 1896 года Совет Императорской академии художеств постановил передать за счет Академии все имеющиеся гипсы в Севастопольскую женскую гимназию. К марту 1897 года они были переданы. Начальница Севастопольской женской

гимназии лично уведомила Совет Академии об их передаче, отметив, что список не вполне совпадает с полученным ею из Санкт-Петербурга, так что часть гипсов школы все-таки была оставлена Александрой Карнеевой у себя [4, л. 107].

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Очевидно, что Аким Егорович Карнеев сыграл важную роль в росписи культовых и мемориальных памятников Севастополя, какими являются возведенные во второй половине XIX церковь св. Николая на Братском кладбище и Владимирский собор-усыпальница адмиралов на городском холме. Однако не менее значимым был его вклад в создание и деятельность первоначальной школы рисования в Севастополе. Работа школы получила высокую оценку как на уровне города, поддерживающего ее функционирование финансово, так и на уровне Императорской Академии художеств и высших лиц государства. Следует отметить ряд известных личностей, принявших прямое участие в поддержке Карнеева и его школы. Это конференц-секретарь Академии Петр Федорович Исаев, Президент Академии Великий князь Владимир Александрович, генерал-адъютант Оттон Борисович Рихтер, и ряд других. В Севастополе преподавание в школе велось благодаря Михаилу Николаевичу Протопопову, чье участие в работе школы до сих пор не отмечалось в исторической литературе, А. М. Вейзену и В. А. Фельдману. К сожалению, проанализированные источники не позволяют установить фамилии учеников школы, но дальнейшая работа с фондами Академии художеств, вероятно, позволит дополнить наши представления о деятельности первоначальной рисовальной школы Академика Акима Карнеева в Севастополе.

Список литературы:

1. Ежегодные всеподданнейшие отчеты севастопольских градоначальников: 1874-1915 гг. Сб. документов. Вып.2. Обзоры Севастопольского градоначальства / Сост. А. В. Ефимов. – М.: Институт наследия, 2022. – 564 с.
2. Кондаков, С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764-1914. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1915. Т.1, Часть историческая. – 353 с.
3. МIRONENKO, A. V. Вклад Акима Егоровича Карнеева в развитие культурного наследия Севастополя / А. В. МIRONENKO, Д. И. ТЮЛЮКОВ, Е. Н. АЛЕКСЕЕВА // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – № 4-2 (55). – 2021. – С. 106-108.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 14 Литера «К». Д. 17 Личные дела. Карнеев Аким Егорович.
5. Собор Святого Равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского императорского флота / Ред.-сост. М.П. Апошанская. – Симферополь: Бизнес-информ, 2004. – 336 с.
6. Шавшин, В. Г. Каменная летопись Севастополя / В. Г. Шавшин. – Севастополь-Киев, 2004. – 384 с.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022

Osipovskiy, S. N. Drawing School of Akim Karneev in Sevastopol: 1883-1896.

The article presents the history of the creation and functioning of the original drawing school of an academician of the Imperial Academy of Arts Akim Yegorovich Karneev in Sevastopol. It is established that two periods can be distinguished in the activities of the school. The first period dates back to 1883-1888 when Karneev was its only teacher. From July 1888 to 1892, there were no lessons due to Karneev's serious illness. In 1892, lessons resumed, while a number of well-known Sevastopol artists, primarily Mikhail Nikolayevich Protopopov, took part in the educational process. The activities of the school were supported by the Academy of Arts, which sent textbooks and provided loans, and local authorities. The school ceased its activities in 1896 after the death of Akim Karneev.

Keywords: Akim Karneev, drawing school, Academy of Arts, Sevastopol, P. F. Isaev, M. N. Protopopov.

УДК 069.157(091)

В данной статье представлен анализ методических подходов к организации проведения и содержанию экскурсий в археологических музеях СССР во второй половине 1920-х – первой половине 1950-х гг. на примере Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Ключевые слова: музейная экскурсия, археологический музей, Херсонес Таврический.

Е. Е. Бойцова, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: elenaboicova@list.ru

Н. О. Гончарова, заведующий экскурсионным отделом

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»

E-mail: miss.nadez@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПРОВЕДЕНИЮ МУЗЕЙНОЙ ЭКСКУРСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ. НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ХЕРСОНЕСА

История музейного строительства в Крыму и Севастополе во второй половине 1920-х – первой половине 1950-х годов привлекает внимание многих исследователей, в том числе: В. В. Акимченкова, С. А. Андросова, У. К. Асановой, И. И. Вдовиченко, А. И. Романчук, Т. А. Прохоровой, И. В. Сибирякова и других авторов, однако вопросы методологии музейной экскурсионной деятельности пока остаются малоизученными. Актуальной задачей остается изучение процесса формирования в рассматриваемый период новых концепций культурно-просветительной работы музеев, в данной статье представлен анализ методических подходов к содержанию и организации музейных экскурсий на примере Херсонесского музея.

Основными источниками по указанной теме послужили опубликованные материалы музейных съездов, конференций, статьи, связанные с деятельностью Херсонесского музея, опубликованные в таких периодических изданиях, как «Крым», «Краеведение», «Жизнь искусства» и «Маяк коммуны», а также документы ведомственного архива Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Значительный интерес представляют годовые отчеты учреждения 1920-х – 1950-х гг., в том числе и статистические, материалы делопроизводства, переписка музея с центральными и местными органами власти, методические тематические разработки экскурсий и т. д.

В середине 1920-х гг., в условиях формирования советской административно-командной системы основными задачами музейного строительства стали не только сохранение культурных ценностей и памятников, но и превращение музеев в центры пропаганды и просвещения. Одним из первых опытов применения марксистской методологии к построению экспозиции археологического музейного собрания стала организация античного и византийского отделов Херсонесского музея. Создавались они летом 1925 г. под руководством Константина Эдуардовича Гриневича (2 сентября 1891 г. – 30 августа 1970 г.), выпускника исторического отделения Харьковского университета, магистра теории и истории искусств, приват-доцента Петроградского университета, директора музея в 1924–1927 гг. [18, л. 67а.]. Экспозиции были размещены в переданных музею помещениях Владимирского мужского монастыря, действовавшего на территории Херсонеса в 1850–1924 гг.: античный отдел – в бывшей трапезной, а византийский – в доме настоятеля.

К. Э. Гриневич на примере Херсонесского музея хотел продемонстрировать новые возможности построения исторической экспозиции, детерминированной экономическими предпосылками [4 с. 60]. Выставленные предметы объединялись в тематические комплексы, отражавшие поочередно природные условия, производственные отношения и только затем – культурную надстройку, обусловленную экономическим базисом. Знакомить посетителей с темой следовало через экскурсионный рассказ, выдержанный «в русле материалистически правильного подхода к трактуемому материалу» [9, с. 17]. К. Э. Гриневич сравнивал музей с «книгой для чтения», на страницах которой представлены памятники материальной культуры. Сделать эту книгу доступной следовало с помощью экскурсионного повествовательного рассказа, который бы «нанизывал предметы экспозиции в сознании посетителя в определенном порядке», создавая цельное и правильно

организованное впечатление. Константин Эдуардович предлагал сделать экспозицию легко читаемой и для одиночных посетителей, размещая для этого дополнительные плакаты, карты, рекомендованный маршрут и правила осмотра, снабжая пояснительными этикетками все предметы и витрины. Он подчеркивал, что, хотя принцип «самоговорящего музея» уже использовался в дореволюционной практике, новшество заключалась в идейном содержании, основанном на марксистском учении. К. Э. Гриневич отстаивал представление о музее как о «мощном очаге культурно-просветительной работы» [9, с. 17]. Вместе с тем он не умалял значения научно-исследовательской деятельности, рекомендовал сочетать культурно-просветительные цели с задачами научно-классификационного порядка. Поэтому, по мнению Константина Эдуардовича, внутри тематических уголков следовало стремиться к хронологической или типологической упорядоченности предметов, избегая разрыва важных комплексов, например, предметов из одной гробницы.

Экскурсия рассматривалась К. Э. Гриневичем как способ получения знаний, при этом подчеркивалось, что необходимо учитывать ограниченные возможности сохранения внимания посетителей за один осмотр музейной экспозиции. Экскурсовод вовсе не должен стремиться показать весь музей сразу. Свой объяснительный рассказ нужно строить только на выделенных предметах, с тщательной предварительной разработкой маршрута; кроме того, весь экскурсионный материал необходимо связать единым, но ярким и четким стержнем, или темой [8, с. 28].

Например, экскурсионный маршрут в античном отделе, открывшемся 7 июня 1925 г., строился на основе восьми тематических комплексов: географическом, освещавшем вопросы греческой колонизации Гераклейского полуострова и Херсонеса; торговли Херсонеса; местного производства, включавшем предметы, связанные с земледелием, виноградарством, скотоводством, гончарным делом и т. д.; обороны Херсонеса и его топографии; общественно-политической жизни; быта, религиозных взглядов и суеверий; культуры, в том числе архитектуры, живописи, скульптуры. Вместе с тем К. Э. Гриневич выступал за сохранение научности при организации выставочного пространства и за применение хронологического принципа расстановки предметов внутри уголков. Поэтому в каждом из разделов памятники размещались в соответствии с датировками: от греческих к римским. Так же была организована структура византийского отдела, который открыли для посетителей 19 июля 1925 г. В античном отделе было представлено 2125 предметов, а в византийском – 2467 [4, с. 72]. Экспозиция должна была повествовать об истории Херсонеса с марксистской точки зрения. Своей главной задачей создатели считали предоставление зрителям возможности познакомиться с экономическими предпосылками, определявшими развитие полиса, поэтому начинался осмотр с уголков производства, затем следовали витрины, знакомившие с особенностями его политического устройства, культуры и быта. Экскурсию по залам музея следовало проводить по строго заданному маршруту, представленному в правилах осмотра. Витрины снабжались соответствующими аншлагами и этикетажем. В 1925 г. в создании выставочного пространства К. Э. Гриневичу деятельную помощь оказали сотрудники музея и студенты-практиканты Г. Д. Белов, Л. Н. Белова-Кудь, А. Г. Котова, В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, М. М. Кобылина, П. Н. Шульц, Н. В. Пятышева, С. В. Трончинский, И. И. Мирвич, А. И. Данилов, Е. В. Веймарн и др. [6 с. 4–5].

К открытию новой экспозиции была опубликована популярная брошюра «Что такое Херсонес?» [7, с. 4–5]. Здесь в качестве причин возникновения и длительного существования города назывались экономические факторы: втягивание Северного Причерноморья в средиземноморский товарооборот, заинтересованность греческой метрополии в своей колонии как в сырьевом придатке.

В конце 1928 г. К. Э. Гриневич получил новое назначение (на должность заместителя заведующего Музотделом Главнауки) и переехал в Москву, но продолжил археологические исследования в округе Херсонеса. Однако в 1932 г. он был репрессирован и на долгое время оторван от изучения античных памятников юга СССР [23, с. 627–628]. После ухода К. Э. Гриневича с поста директора, а именно 15 марта 1929 г., на эту должность был назначен Виктор Федорович Смолин (29 марта 1890 г. – 27 октября 1932 г.), выпускник историко-филологического факультета Казанского университета, проходивший стажировку в немецком Галле под руководством профессора Э. Р. фон Штерна – одного из крупнейших специалистов по греческой колонизации Северного Причерноморья. В. Ф. Смолин занимался античной и скифской историей и археологией, булгарскими древностями. Он считал исследование Херсонеса серьезной государственной задачей, однако реализовать здесь свой весомый научный потенциал в полной мере ему не удалось. 3 февраля 1931 г. ученый был арестован по обвинению в «контрреволюционной пропаганде в лекциях по археологии», но, к счастью, 18 марта 1931 г. выпущен за отсутствием доказательств. Он переехал в Пятигорск, где 27 октября 1932 г. скончался в возрасте 42 лет от сердечной болезни [10, с. 33].

После ареста В. Ф. Смолина обязанности директора Херсонесского музея с 26 июня 1931 г. по 12 апреля 1933 г. исполнял Григорий Дмитриевич Белов (25 марта 1898 г. – 1979 г.). По окончании исторического отделения Ленинградского университета в 1925 г. Г. Д. Белов переехал в Севастополь и многие годы посвятил плодотворным раскопкам в Херсонесе, который стал ему дорог еще в ходе студенческой археологической практики. Он был последним директором Херсонесского музея в довоенный период, являвшимся одновременно ученым и археологом-полевиком. С 1933 по 1938 г. в Херсонесском музее сменилось четыре директора, что было связано с изменением политической обстановки в стране, когда на идеологически значимые посты стали назначать представителей партийной и советской номенклатуры, а не беспартийных профессоров [10, с. 35].

Пути дальнейшего реформирования были определены в специальном постановлении ВЦИК и Совнаркома «О музейном строительстве в РСФСР» от 20 августа 1928 г. В нем отмечались успехи в организации работы, но критиковалось ее «неудовлетворительное идеологическое содержание», что объяснялось «недостатком соответственно подготовленных музейных работников» [4, с. 67]. Главными задачами теперь должны были стать углубление культурно-просветительного направления, содействие индустриализации, развитию сельского хозяйства, укреплению обороны страны и т. д. Сотрудникам данных учреждений предлагалось не ограничиваться обслуживанием экскурсантов, а привлекать внимание широких слоев населения через организацию выставок, лекций, участвовать в работе местных учреждений культуры и школ, вести просветительную деятельность во время экспедиций, освещать все мероприятия в средствах массовой информации [10, с. 207].

Для решения поставленных задач дирекция Херсонесского музея совместно с Севастопольским краеведческим музеем инициировала организацию Экскурсионного семинара при Севастопольском едином лекторско-экскурсионном бюро. В рамках данного семинара были подготовлены двадцать пять «экскурсоводов-политпросветчиков» по Херсонесу и достопримечательностям Севастополя [4, с. 74].

Решения Первого Всероссийского музейного съезда, состоявшегося в декабре 1930 г., о том, что музеи должны стать подлинными центрами большевистской агитации и пропаганды достижений социалистического строительства в массах, были конкретизированы в постановлении ВЦИК «О состоянии и задачах музейного строительства в РСФСР» от 1 января 1934 г. [21, с. 89]. Для улучшения политико-просветительской работы музеи должны были обеспечить своевременное издание музейных путеводителей и справочников, репродукций музейных памятников, создание на местах научно-методических советов и реализацию системы мероприятий по повышению квалификации музейных кадров.

Научными сотрудниками Херсонесского музея были изданы путеводители: «Музей и раскопки Херсонеса. Путеводитель» (1936 г.) Г. Д. Белова, «Краткий путеводитель по античному отделу и раскопкам Херсонеса» (1939 г.) В. П. Лисина, «Краткий путеводитель по феодальному отделу Херсонесского музея» (1939 г.) А. К. Тахтая.

В то же время научные сотрудники Херсонесского музея В. П. Лисин и А. К. Тахтай подготовили методические рекомендации для проведения тематических экскурсий. Василий Петрович Лисин (13 марта 1911 г. – 26 марта 1942 г.) – выпускник Ленинградского университета, окончил аспирантуру Государственной Академии истории и материальной культуры (ГАИМК), получил специальность историка-археолога по изучению памятников античного времени. 22 октября 1935 года поступил в штат Государственного Херсонесского музея, где работал в должности научного сотрудника, а немного погодя ему было предложено заведование отделом античной истории. В 1938 году Василий Петрович был назначен заместителем директора музея по научной части, совмещая новые обязанности с руководством античным отделом [22, с. 105]. Проявил себя как хороший организатор научной и культурно-просветительной работы музея, под его руководством были систематизированы фонды музея, создан лапидарий античных надписей и архитектурных фрагментов памятников, разработал тематический план экспозиции Античного отдела, принимал активное участие в работе курсов экскурсоводов, читал лекции, проводил занятия, беседы, экскурсии, организовал историко-археологические кружки в школах №3 и №16 г. Севастополя [22, с. 106]. В архиве Херсонесского музея сохранилась подготовленная В. П. Лисиным разработка тематической экскурсии «История войн Херсонеса» по античному, средневековому экспозиционным залам и городищу. Автор выделил семнадцать тематических остановок, раскрывающих тему экскурсии в хронологической последовательности. В соответствии с идеологическими требованиями во вступлении предлагалось «кратко изложить марксистско-ленинское понимание войн» по следующим тезисам: войны являются необходимым явлением в классовых обществах; с уничтожением классового общества уничтожаются причины, поражающие войны; мнение В. И. Ленина о том, что война есть продолжение политики

иными средствами и она нераздельно связана с тем политическим строем, из которого вытекает [15, л. 2].

Александр Кузьмич Тахтай (23 октября 1890 г. – 25 июля 1963 г.), выпускник Петербургского археологического института, занимался археологическим изучением Полтавщины и Херсонщины, а в 1935 г. переехал в Севастополь и стал научным сотрудником Херсонесского музея. Работая в византийском отделе, А. К. Тахтай подготовил путеводитель и методические рекомендации к проведению тематической экскурсии «История средневекового Херсонеса». В содержании экскурсии автор изложил материал с позиций марксистско-ленинской трактовки исторического процесса. А. К. Тахтай отметил, что целевая установка тематической экскурсии – «обзор главных факторов истории средневекового Херсонеса с охватом его материальной и духовной культуры в разрезе антирелигиозной пропаганды и с выделением военных тем применительно к экспозиции феодального отдела» [28, л. 1]. В заключительной части экскурсии рекомендовалось обратить внимание на то, что после присоединения Крыма к России правящие круги воспринимали Херсонес как место крещения князя Владимира, колыбель русского православия, на месте древнего города был основан Владимирский монастырь, «само исследование Херсонеса вначале было подчинено задачам православия, раскапывались и изучались храмы, храмы и храмы». Завершить экскурсию предлагалось идеологически выдержанным тезисом о том, что «и монастырь, и помещичье-буржуазный строй с его самодержавием, и царская наука с ее церковно-археологическими установками, были глубоко-реакционными пережитками средневековья, задерживавшими общественное развитие и рост пролетариата. Могучая Октябрьская революция смела эти остатки, превратила Херсонес в объект и твердыню Советской исторической науки, нелицеприятно вскрывающей далекое прошлое нашей Родины» [28, л. 8 об.]. Очевидно, А. К. Тахтай стремился строго следовать идеологическим требованиям, с жесткостью которых он не раз сталкивался. Например, 30 июля 1938 г. севастопольская газета «Маяк Коммуны» опубликовала отзыв руководителя кружка по изучению истории СССР при горкоме ВКП(б) о посещении Херсонесского музея, в котором научный сотрудник А. К. Тахтай, проводивший экскурсию, был назван сомнительным лектором, «пытающимся выхолостить политическое содержание раскопок и материалов, собранных в музее» [5, с. 4].

В Херсонесском музее в предвоенный период велась насыщенная культурно-просветительная и научно-исследовательская деятельность. Раскопки древнего города Херсонеса и окрестных поселений проводились на площади в 3695 м², действовала реставрационная лаборатория, значительного развития достигла издательская деятельность, в 1938 г. музей посетили 27000 человек [1, с. 7].

Великая Отечественная война для Херсонесского музея началась 24 июня 1941 г., когда во двор музея упала 500-килограммовая бомба, взрывом которой были повреждены музейные здания. Преобладающая часть мужского состава работников вошла в ряды народного ополчения, четыре сотрудника музея записались добровольцами в ряды Красной Армии, заместитель директора Василий Петрович Лисин в ноябре 1941 г. ушел в Севастопольский партизанский отряд, стал его политруком, погиб в марте 1942 г. в районе мыса Айя под Балаклавой [14, с. 9–14; 29, с. 105–113; 24 с. 458].

По мере приближения фронта все острее вставал вопрос о необходимости эвакуации Херсонесского музея в тыл, и оставшиеся сотрудники начали сворачивать экспозицию. Был острый дефицит ящиков для упаковки, поэтому стали извлекать из подвалов старые монастырские сундуки. По разнарядке в эвакуацию музеем было разрешено вывезти 3 тонны груза, однако, благодаря настойчивости директора музея Ивана Даниловича Максименко фактически было упаковано и вывезено 108 ящиков общим весом 8 тонн, в которых находились 51 памятник, архив археологических раскопок с 1888 по 1941 гг., научные материалы, библиотека. Сопровождать ценный груз был назначен Станислав Францевич Стржелецкий (26 сентября 1910 г. – 6 декабря 1969 г.), получивший образование в Ленинградском институте истории, философии, лингвистики и закончивший аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры, приступивший к работе в Херсонесском музее в 1938 г. 18 сентября 1941 г. херсонесская коллекция была погружена ночью на плавбазу «Волга», шедший в г. Потти. Прошло больше трех месяцев невероятных трудностей, долгих стоянок, голода и холода, постоянной тревоги за целостность музейных экспонатов, прежде чем 26 декабря 1941 г. имущество Херсонесского музея было доставлено С. Ф. Стржелецким в Свердловск, где его приняла директор Свердловского краеведческого музея Антонина Петровна Курбатова. К этому времени в Свердловск уже были эвакуированы коллекции Эрмитажа, которые разместили на базе Свердловского областного антирелигиозного музея, располагавшегося в печально известном бывшем доме инженера Н. Н. Ипатьева. Директор филиала Государственного Эрмитажа Владимир Францевич Левинсон-Лессинг принял самые ценные херсонесские вещи. Для хранения остальных экспонатов Херсонесского музея по ходатайству заведующего областным отделом народного образования Николая

Федоровича Хлесткого было выделено помещение в бывшем фотоателье по почтовому адресу г. Свердловск, улица К. Либкнехта, 49. Приказом Народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потемкина от 29 января 1942 г. С. Ф. Стржелецкому была объявлена благодарность за исключительную добросовестность, инициативу, энергию и настойчивость, проявленные при эвакуации музейных ценностей, а его имя занесено в Книгу почета работников Наркомпроса [19, с. 138-140; 13, с.73; 30, с. 214].

Херсонесский музей, который вывез наиболее ценную часть собрания до начала обороны Севастополя, был единственным из музеев Крыма, осуществившим эвакуацию своевременно и по возможности полностью. Однако значительная часть памятников все же оставалась в Херсонесе, сотрудники музея пытались обеспечить их сохранность. Толстым слоем земли были засыпаны мозаики, для хранения памятников оборудованы две большие античные цистерны. Значительный вклад в сбережение памятников внес научный сотрудник музея Александр Кузьмич Тахтай (23 октября 1890 г. – 25 июля 1963 г.).

Территорию Херсонесского городища, скрывавшую в себе множество неизученных памятников, гитлеровцы превратили в укрепленный район с многочисленными дотами и дзотами, опутали сложной системой проволочных заграждений, изрыли траншеями, землянками и бомбоубежищами. Стены многих древних зданий были разобраны, а камни пошли на оборудование пулеметных и зенитных точек. Фундамент древних оборонительных стен Херсонеса более чем в ста различных местах был разрушен и подрыт для устройства укрытий. Взрывами бомб были повреждены античный и средневековый отделы музея, разрушены жилые и хозяйственные постройки, здание бывшего Владимирского собора, в котором хранились фонды музея. Общая сумма ущерба, нанесенного гитлеровцами Херсонесскому музею, не считая древних памятников городища, стоимость которых определить невозможно, составила около восьми миллионов рублей. Сохранить многие херсонесские памятники помог А. К. Тахтай, который остался в оккупированном Севастополе ради служения Херсонесу. Ольга Берггольц, русская писательница и поэтесса, побывавшая в Севастополе в 1944 г., через четыре месяца после его освобождения, написала в своей книге: «...Под ежеминутной угрозой ареста, лагеря, смерти Тахтай берег и хранил музей. За старым ученым постепенно закрепилось прозвище «спаситель Херсонеса» [2, с. 293].

Нанесенный войной ущерб в условиях военного времени и трудностей послевоенного периода восполнить было крайне тяжело, однако Исполком Севастопольского городского совета уже 26 августа 1944 г. принял решение о реэвакуации Херсонесских памятников из Свердловска. В Управлении Главного архитектора г. Севастополя была составлена смета на реставрацию памятников Херсонеса, по которой выделялись значительные средства: в 1945 г. – 50 тыс. руб., в 1946 г. – 18 тыс. руб., в 1947 г. – 47 тыс. руб.» [3, с. 85]. Коллектив сотрудников музея в короткий срок проделал огромную работу по восстановлению помещений музея и подготовке к открытию для посетителей музейной экспозиции, временно размещенной в одном большом зале. 25 февраля 1945 г. газета «Красный черноморец» сообщала: «Сегодня отмечается событие, немаловажное в научной жизни Севастополя, Крыма и всей нашей страны: открывается Государственный Херсонесский музей... Экспозиции, вывезенные в свое время на Урал, возвращены в музей. Торжественное открытие посвящается доблестным воинам Красной Армии и Черноморского флота, освободившим Севастополь» [27, с. 260.].

В письме Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете народных комиссаров РСФСР директору Херсонесского музея И. Д. Максименко в начале 1946 г. перед коллективом музея были поставлены задачи дальнейшего развития экспозиционной, научно-исследовательской и массовой культурно-просветительной работы. В области последней сотрудникам музея необходимо было разработать для посетителей новые экскурсионные маршруты по городищу Херсонеса и его некрополю, увеличить посещаемость музея не менее чем в полтора-два раза, шире популяризировать исторические памятники, формировать у посетителей чувство патриотизма и любовь к своей Родине [18, л. 58]. Методы решения поставленных задач сотрудники Херсонесского музея обсудили на научном совещании 23 апреля 1946 г., протокол которого сохранился в ведомственном архиве учреждения [16, л. 16]. С. Ф. Стржелецкий высказал мнение, что «прежде всего необходимо изложить историю Херсонеса на базе марксистско-ленинской методологии, в соответствии с требованиями советской науки и достоинством русского, советского народа. Необходимо вновь создать единую методику экскурсии, утвердить ее ученым советом, сделать ее обязательной при проведении всех экскурсий, что обеспечит наиболее научное изложение материала и устраним имеющиеся недочеты» [16, л. 17об]. А. К. Тахтай подчеркнул, что памятники Херсонеса, особенно «Присяга граждан Херсонеса», декрет в честь Сирикса, декрет в честь Диофанта, разбившего непобедимых скифов, могут стать прекрасными примерами в процессе патриотического воспитания

молодежи. По мнению А. К. Тахтая, при рассказе о походе Владимира на Корсунь, можно рассмотреть патриотизм херсонесский и «наш советский патриотизм, учитывая, что Владимир еще 1000 лет тому назад поднял на щит славу русского оружия» [16, л. 18].

Одной из важных форм культурно-просветительной работы Херсонесского музея в послевоенный период стала подготовка передвижных выставок. Например, с 31 марта по 15 апреля 1946 г. в Доме флота Севастополя впервые была представлена выставка Херсонесского музея «Херсонес – древнерусский Корсунь и его значение в истории русского народа». В отчете о проведении выставки ее основные задачи определялись следующим образом: «ознакомление севастопольцев и моряков Черноморского Флота с историей предшественника Севастополя – Херсонеса, популяризация раскопок и Музея Херсонеса» [18, л. 10.]. Выставка размещалась в фойе Дома флота и включала 10 разделов: 1) Вступление. Основание и история античного Херсонеса; в основу раздела была положена мысль А. М. Горького о Херсонесе как одном из ярких цветков греческой культуры; 2) Херсонес – древнерусский Корсунь – основной центр связей Киевского государства и Византии в IX–XI вв.; 3) городское хозяйство Херсонеса и влияние его строительной техники, архитектурных стилей и оборонительных сооружений на окружающие народы (Крым, Хазария, Русь); 4) ремесла Херсонеса; влияние ремесленной техники Херсонеса на развитие ремесла у окружающих народов; 5) промыслы и торговля; соляные и рыбные промыслы Херсонеса, на Сиваше и Днепровском лимане; торговые связи Херсонеса с окружающими странами и народами; роль торговых связей с Русью; 6) Морские походы Руси на Византию и Крым; политические и военные связи Руси с Византией; 7) Корсунский поход Владимира; военно-политические и культурные последствия похода; введения христианства и его историческое значение в жизни русского народа и государства; распространение письменности и развитие архитектуры; 8) половецко-татарская эпоха; гибель Херсонеса; 9) Крым под властью татарских ханов – постоянный очаг вероломных нападений на прилегающие славянские государства; 10) Херсонес – предшественник Севастополя; воссоединение Крыма с Россией; основание Севастополя – базы Черноморского флота; Античные и византийские, в том числе херсонесские, влияния в архитектурном облике города Севастополя [18, л. 10, 11].

С выставкой познакомились свыше 7200 посетителей, в подавляющем большинстве – офицеры, личный состав кораблей Черноморского флота и гарнизона Севастополя, около 20 % – представители гражданского населения. За период работы выставки сотрудниками Херсонесского музея (3 чел.) было проведено 67 консультаций. Выставка пробудила интерес и к самому музею, и к древнему Херсонесу, усилила приток посетителей и экскурсантов. Как отмечалось в отчете, в целом работа выставки дала безусловно удовлетворительный результат, вполне оправдавший 2-х месячный интенсивный труд работников музея, но при этом обращалось внимание на две основные упущенные возможности, которые необходимо было учесть в будущей работе: недостаточное использование выставки гражданским населением и школьниками, составляющими, в совокупности, основную массу населения города, что в значительной степени объяснялось специфичностью Дома флота и отсутствием гражданского помещения в разрушенном городе, пригодного для повторного использования выставки; отсутствие организованных экскурсий на выставке и лекций по соответствующей тематике в воинских частях, предприятиях и учреждениях города, что, несомненно, усилило бы приток посетителей на выставку и в музей [18, л. 11, 12].

Постепенно увеличивалось количество сотрудников Херсонесского музея, в 1947 г. по штатному расписанию в нем работали 16 человек, из них 5 занимали должности научных сотрудников [25, л. 77], а в 1952 г. имелось 22 ставки, в том числе 5 научных сотрудников [Статистические отчеты, л. 9]. После окончания Великой Отечественной войны музей возобновил археологические изыскания и издательскую деятельность, в 1948 г. вышел из печати IV выпуск «Херсонесского сборника», на страницах которого было завершена публикация материалов раскопок довоенных лет. Изданы путеводители по городу и обоим отделам музея.

К 1952 г. закончено создание новой развернутой экспозиции античного и средневекового отделов. Для античного отдела из Москвы было получено новое музейное оборудование. Ежегодно экспозиция совершенствовалась и пополнялась материалами, которые доставляли проводимые музеем археологические изыскания. К 125-летию раскопок была открыта большая постоянная выставка, посвященная истории исследования Херсонеса Таврического и деятельности музея. Совершенствовалась работа со школьниками, для них экскурсии согласовывались со школьной программой. Сотрудники проводили консультации по организации краеведческих и исторических уголков в школах Севастополя и Симферополя, оказывали помощь в организации школьных музеев-уголков [20, л. 59].

Следует отметить, что содержание культурно-просветительной работы Херсонесского музея определялось не только идеологической повесткой, но и результатами историко-археологических исследований научных сотрудников. Например, в отчете за 1952 г. отмечалось, что научные сотрудники музея читают лекции на научные и политические темы: «Жизнь и деятельность В. И. Ленина»; «Развитие мореходства на Руси»; «История города-героя Севастополя»; «История Херсонеса-Корсуня», «Роль славянства во всемирной истории». Широко проводимая культурно-просветительная работа содействовала увеличению числа посетителей, если в 1949 г. Херсонесский музей посетили 19287 человек, то в 1958 году – 46 000 человек [1, с. 7].

Во второй половине 1950-х гг. развитие музейной сферы было связано с общим подъемом культурной и научной жизни страны после XX съезда КПСС. Смягчение жесткого контроля над общественной жизнью и культурными процессами, новый морально-политический климат в СССР после осуждения культа личности Сталина, процесс демократизации поставили перед музеями задачу переосмысления содержания своих экспозиций. Разнообразнее стали методы и формы научно-просветительской работы. Экскурсии все чаще строились на основе анализа содержания памятников, помещенных в экспозицию. Увеличилось количество экскурсий, создавались дни специализированного обслуживания школьников, колхозников, рабочих, военнослужащих. Эти процессы стимулировали дальнейшее развитие научно-исследовательской и культурно-просветительной работы Херсонесского музея.

Таким образом, во второй половине 1920-х – первой половине 1950-х гг., в непростой период идеологизации музейной сферы, Херсонесский музей сохранял научные подходы в деле построения экспозиции археологического музейного собрания и в определении содержания экскурсионной работы, представляя историю Херсонеса с позиций марксистской методологии.

Список литературы

1. Антонова, И. А. Херсонесский музей за годы Советской власти И. А. Антонова // ХСб. 1959. – Вып. 5. – С. 3–12.
2. Берггольц, О. Ф. Дневные звезды. Говорит Ленинград / О. Ф. Берггольц. – М., 1990. – 477 с.
3. Бойцова, Е. Е., Левченко Е. В. Спасение севастопольских музейных коллекций в годы Великой Отечественной войны / Е. Е. Бойцова, Е. В. Левченко // Парадигмы и истории общественного развития. – 2017. – Вып. 6–7. – С. 79–88.
4. Бойцова Е. Е., Онучина М. В. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы / Е. Е. Бойцова, М. В. Онучина. – Севастополь, 2011. — 116 с.
5. Бондаренко, О херсонесском музее / О. Бондаренко // Маяк Коммуны. 1938. 30 июля. – С.4.
6. Гриневич, К. Э. За новый музей: Херсонесский музей, как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве / К. Э. Гриневич. – Севастополь, 1928. – 16 с.
7. Гриневич, К. Э. Что такое Херсонес? Общие предварительные сведения / К. Э. Гриневич. – Севастополь, 1925. – 14 с.
8. Гриневич, К. Э. Что такое экскурсия и как ее устраивать (В помощь красной интеллигенции нашей деревни) / К. Э. Гриневич. – М., 1925. – 78 с.
9. Гриневич, К. Э. По нашим музеям / К. Э. Гриневич // Жизнь искусства. – М.–Л., 1925. – № 22. – С. 17.
10. Закс, А. Б. Областные музейные конференции в РСФСР 1926–1927 гг. (по материалам ОПИ ГИМ) / А. Б. Закс // Археографический ежегодник за 1980 год. 1981. – С. 197–212.
11. Зубарь, В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса – Херсона и его округи (1914–2005 гг.) в 2 тт. / В. М. Зубарь. – Симферополь, 2009. МАИЭТ. Supplementum. – Вып. 6. – 496 с.
12. Зубарь, В. М. Херсонесский музей и археологическое изучение памятников Херсонеса и его округи в 1941–1953 гг. // Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко / под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь, 2008. – С.73-91.
13. Колесник, Е. В. Хранитель истории / Е. В. Колесник // Херсонесский музей: Люди, подвиги, судьбы. 1941–1945. – Севастополь, 2020. – С. 68–81.
14. Лисин, В. П. Античные хозяйства в районе Камышовой бухты (I–IV вв.) / В. П. Лисин. – Севастополь, 2019. – 278 с.
15. Лисин, В. П. Методразработка экскурсии «История войн Херсонеса» // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 433. Л. 2.
16. Материалы по экспозиции Г.Х.М. 1946 г. // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д 568/Л. Л. 16, 17 об., 18.
17. О личном составе. Общая переписка. // НАО ГМЗХТ. Д. 250 Л. 67а.

18. Отчет о научной работе Херсонесского музея за 1946 г. // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 589/Л. Л. 10, 11, 12, 58.
19. Отчет С. Ф. Стржелецкого об эвакуации историко-археологического музея в сентябре–декабре 1941 г. // Херсонесский музей: Люди, подвиги, судьбы. 1941–1945. – Севастополь, 2020. – С. 137–161.
20. Планы и отчеты о работе музея за 1952 г. // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 630/Л. Л. 59.
21. Постановление Президиума ВЦИК «О состоянии и задачах музейного строительства в РСФСР» от 1 января 1934 г. // Советский музей. 1934. № 1. – С. 89.
22. Прохорова Т.А. Херсонес и войны: люди, коллекции, судьбы // Херсонесский музей: люди, подвиги, судьбы. 1941–1945. – Севастополь, 2020. – С. 51–129.
23. Романчук, А. И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч. 2: Византийский город. / А. И. Романчук. – Екатеринбург, 2007. – 664с.
24. Смекалова, Т. Н. Исследователь хоры Херсонеса Таврического Василий Петрович Лисин (1913–1942 гг.) / Т. Н. Смекалова, А. Н. Гаврилюк, К. С. Ушакова // Боспорские чтения. 2018. – Вып. XIX. – С. 456–463.
25. Список сотрудников за 1947 г. // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 908. Л. 77.
26. Статистические отчеты музея за 1952 г. // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 959. Л. 9
27. Тахтай, А. К. К открытию Херсонесского музея. Вырезка из газеты «Красный черноморец» № 48 за 25 февраля 1945 г. / А. К. Тахтай // Херсонесский музей: Люди, подвиги, судьбы. 1941–1945. – Севастополь, 2020. – С. 260.
28. Тахтай, А. К. Методразработка экскурсии: «История средневекового Херсонеса» // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 434. Л. 1, 8об.
29. Херсонесский музей: Люди, подвиги, судьбы. 1941–1945 / под ред. В. В. Дорошко, А. В. Зайкова (отв. ред.), Е. А. Морозовой, Т. А. Прохоровой. – Севастополь, 2020. – 296 с.
30. Шамсутдинова, В. Ш. Херсонесский музей в годы фашистской оккупации / В. Ш. Шамсутдинова // Причерноморье. История, политика, культура. 2014. – Вып. XV (VI). – С. 212–218.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022

Boytsova, E. E., Goncharova, N.O. *The Evolution of Methodological Approaches to Museum Excursions in the Second Half of the 1920s – the First Half of the 1950s: Case Study of the State Historical and Archaeological Museum of Chersonesos.*

The article presents the analysis of methodical approaches of organizing, conducting, and content of excursions in the Soviet archeological museums in the second half of the 1920s - the first half of the 1950s. The paper gives the State Historical and Archeological Museum of Chersonesos as an example.

Keywords: museum excursion, archaeological museum, Tauric Chersonesos.

УДК 930.2:003.01(470)".../1492"

Долгое время в отечественной историографии сохранялось негативное отношение к самой мысли о том, что на Руси могла существовать письменность до изобретения славянской азбуки Кириллом и Мефодием. Принятие христианства дало мощный импульс развитию культуры и просвещения Древней Руси. В распространении новой религии, связанной с ней византийско-болгарской культуры, были идеологически заинтересованы господствующие общественно-политические и социальные силы, властные структуры.

Ключевые слова: письменность, грамотность, школы при монастырях и церквях, «книжная премудрость», состояние образования средневековой Руси.

С. Л. Данильченко, профессор, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: sldistorik@bk.ru

ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ИЗНАЧАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Одним из величайших достижений человечества является изобретение письменности. Она лежит в основе перехода человечества от первобытного состояния к цивилизации. Письменность позволила фиксировать, накапливать и передавать новым поколениям людей приобретенный опыт и знания. Письменность и грамотность - необходимые условия становления и развития духовной жизни и культуры русского народа как составной части всего мирового общества. История письменности начинается с так называемого «предметного письма», которое не было еще «письменностью» в ее классическом понимании. Потом появилось «рисуночное письмо», затем - «логографическое», и только потом - «буквенное» или «алфавитное» письмо - высшая степень развития письменности. Каждый народ шел к письменности, грамотности своим, свойственным только ему путем. Так это было и с предками славян - праславянами. Существуют различные точки зрения на появление письменности, грамотности, образования у славян. Одни исследователи считают, что грамотность и образование пришли на Русь вместе с христианством; что в начале средневековья славянские племена были на стадии дикости; что славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в арифметике, в хронологии; что народы, из которых сформировалось государство российское, и до пришествия варягов имели некоторую степень образования. Они признают возможность того, что грамотность на Руси была известна еще до крещения Владимиром Руси, но не имела широкого распространения [1, с. 9].

Долгое время в отечественной историографии сохранялось негативное отношение к самой мысли о том, что на Руси могла существовать письменность до изобретения славянской азбуки Кириллом и Мефодием. В 1897 году археологическая экспедиция нашла в одном из сел Рязанской губернии обломки обожжённой керамики с загадочными знаками. Эти знаки представляют собой буквы неизвестного письма, и надпись сделана местным или домашним писцом, т.е. славянином. Данная находка не получила никакого отклика, так как ученые того времени считали абсурдной саму мысль о возможности существования письменности у славян до их контактов с Византией. Подобная точка зрения еще очень долго продолжала иметь место в исторической науке, в которой и была окончательно сформулирована гипотеза о том, что начало образования на Руси положено одновременно с введением христианства, которое пробудило в русском обществе первую потребность книжного учения, принесло с собой и первые книги. Американская историография утверждает, что в допетровской Руси не было школ, и подавляющее большинство даже служилого сословия было безграмотным. Исследователи, придерживающиеся вышеупомянутой точки зрения, не учитывают ни древних свидетельств, ни последних открытий, сделанных российскими, болгарскими и другими учеными. Между тем имеются многочисленные свидетельства того, что ко времени принятия христианства восточные славяне имели свою письменность и развитую культуру. Некоторые ученые относят возникновение славянской письменности в виде «черт и резов» задолго до создания кириллицы и принятия христианства на Руси. Академик Б. А. Рыбаков говорил о существовании письменности в виде «черт и рез» у славян во втором веке. Другие специалисты, считающие князя Кия реальным человеком, отмечают, что при дворе Кия учили детей. Авторитетный специалист XIX века в области славяноведения Е. И. Классен [7] констатировал в своих работах, что жрецы и мудрые среди

славян писали народные законы на деревянных дощечках, и употреблялись у них руны для предсказаний. Он настаивал на том, что у скандинавов и греков можно найти упоминание о славянах как о народе образованном, имевшем собственную письменность. В «Сказании о письменах Черноризца Храбра» болгарский монах- черноризец Храбр пишет, что славяне до принятия христианства применяли «черты и резы», греческие и латинские буквы. В ряде источников можно найти сведения о том, что славянский алфавит был создан христианским проповедником Иеронимом, жившим около 340 - 420 годах. В «Житие» византийского дипломата и славянского просветителя Кирилла рассказывается о том, что во время поездки с дипломатической миссией к хазарскому кагану Кирилл был в 860 году в Херсонесе и познакомился там с Евангелием, написанным славянскими буквами, «протокириллическим письмом» и научился этому письму. О том, что славянские книги были известны Кириллу до создания им азбуки, упоминается также и в «Житии Мефодия» брата Кирилла. В Хронике Сарматии Европейской говорится, что выходец их славян св. Иероним такое письмо славянское изобрел, которое сейчас русским называется, перевел Библию на славянский язык, за что получил от папы Диамана разрешение на ведение службы на славянском языке на Руси. В Хронике написано также о том, что славянское письмо пока его изобрел св. Иероним, а после него Кирилл доктор распространил. Арабский писатель X века Ибн Эль-Недим в «Книге росписи наук» опираясь на правдивость собственных источников утверждал, что один кавказский царь послом к царю русов посылал его приятеля, который и подтвердил, что русы имеют буквы, которые вырезают на дереве. Более того, он показывал автору кусок белого дерева со знаками, не помяная при этом, были ли это слова, или отдельные буквы. Эти знаки недавно расшифрованы [6, с. 23].

К интересным свидетельствам существования письменности в дохристианской Руси можно отнести так называемую «Книгу Велеса» (Велес - бог богатства и скота, в другой ипостаси - бог мудрости у древних славян). История этой книги интересна и трагична. Тексты, объединенные под названием «Книга Велеса», были вырезаны на 35 березовых дощечках. Эта книга была создана новгородскими жрецами - волхвами в IX веке. Дощечки были найдены в годы Гражданской войны офицером Ф.А. Изенбеком недалеко от станции Великий Бурлук близ Харькова в имении князей Куракиных и вывезены за границу. В годы Второй мировой войны подлинники пропали. Написана «Книга Велеса» руническим письмом. В ней нет кириллических букв, использованных для кодификации специфических звуков славянской речи. Начертание большей части букв похожи на греческие или родственные скандинавской рунике, либо это стилизованные буквы глаголицы. Язык книги отличается от старославянского языка известных письменных памятников XI века и последующих веков. Это язык IX века, причем не общепринятый, а особый, жреческий язык. «Книга Велеса» повествует об истории русов, начиная с VII века до н.э. В ней говорится, что государство русов существовало на Днепре и в Карпатах за 400-500 лет до н.э. И уже тогда русы имели высокую культуру и не были дикарями. В источнике употребляется слово «язычник» по отношению тех племен, которые говорили на ином, не славянском языке, и веривших в иных, не славянских богов, племен, враждебных славянам [6, с.23].

Убедительным свидетельством существования письменности на Руси до принятия христианства являются договоры киевских князей с греками – Олега (911 год) и Игоря (944 год). В этих договорах упоминается о существовании у русских письменных завещаний, о посыльных грамотах, которые вручались русским послам и гостям, направляющимся в Византию. Договоры киевских князей с Византией имели копии на славянском языке. В 1949 году во время раскопок под Смоленском нашли глиняный сосуд, относящийся к началу X века, на котором было написано «горушка» (пряность). Это означало, что уже в то время в восточнославянской среде бытовало письмо, существовал алфавит. В середине 1990-х годов научный сотрудник Института российской истории РАН Г. С. Гриневич сумел прочесть целый ряд письменных памятников древнейших цивилизаций, которые до этого долгое время не удавалось расшифровать. В их числе надписи: на грузике из Троицкого городища, на глиняной иконе, на шахматной фигуре, на керамике из Белой Вежи, на пряслицах из Гродно и Старой Рязани, других предметах, найденных на территориях бывшего Советского Союза и Российской империи, на глиняных табличках из раскопок Кносского дворца на Крите, время создания которых относится к XV – XIV векам до н.э. и более позднему времени. Удалось их расшифровать благодаря тому, что Г. С. Гриневич сопоставил указанные письмена со знаками славянской письменности типа «черт и резов» и обнаружил абсолютное сходство начертаний большого числа знаков этой письменности. Это окончательно утвердило его во мнении, что линейное письмо А и В и письмо типа «черт и резов» представляют собою не просто родственные письменности, а скорее всего единую письменность, которой исследователь присвоил названия «праславянская». По мнению Г. С. Гриневича и некоторых других ученых, имеются серьезные основания полагать, что славянская письменность зародилась в

Триполье, на берегах Днепра или Дуная по крайней мере не менее 5 тысяч лет тому назад. Надписи типа «черт и резов» в слоях земли, относящихся по времени к первым векам нашей эры, находили на обширной территории бывшего СССР и за его пределами. Славяне задолго до создания славянской азбуки Кириллом имели свою письменность. Славянская азбука, основоположниками которой были Кирилл и Мефодий, основывалась на принципах славянского письма, существовавшего у восточных, а также у южных и западных славян задолго до их христианизации. Кирилл и Мефодий были грамотными богословами и талантливыми филологами. Их историческая и цивилизационная заслуга состоит в том, что творчески используя греческую, латинскую и славянскую графику, они создали алфавит и грамматику, достаточно простые, удобные и отвечающие лингвистическим особенностям славянских языков. Созданный ими алфавит - кириллица - до сих пор используется многими славянскими народами фактически без существенных изменений. Кириллица содействовала более быстрому распространению грамотности во всех слоях древнерусского общества. Великих просветителей Кирилла и Мефодия заслуженно и поныне чтут славянские народы – русские, болгары, белорусы, украинцы, сербы [6, с.25 - 26].

Принятие Русью христианства послужило новым этапом в распространении грамотности и развитии просвещения и культуры. Это произошло по двум основным причинам. Во-первых, христианство, а вместе с ним византийско-болгарская цивилизация нашли на просторах Руси благоприятную почву, а имеющийся культурный уровень древнерусского общества позволил творчески воспринять основные ценности византийской культуры. Во-вторых, на Руси христианство сразу же приобрело многочисленных сторонников и поборников, так как оно получило государственную поддержку. Это не означает, что христианство и присущие ему культурные ценности сразу же укоренились на просторах Древней Руси. Установление новой религии, освоение византийского культурного наследия шло не просто. Распространение христианства сопровождалось уничтожением памятников славянской языческой культуры, народными волнениями, жестокими расправами над противниками новой веры. Об этом свидетельствуют русские летописи. Иоакимовская летопись рассказывает, что когда Добрыня пришел новгородцев крестить, то они учинили вече и поклялись лучше умереть, чем отдать богов своих на поругание, и вышли с оружием. Добрыня повелел у берега дома поджечь, чем люди были весьма уstraшены и стали просить мира. Добрыня сокрушил идолов, деревянных сжег, а каменные, изломав, низверг в реку. Не желающих креститься насильно крестили. В Никоновской летописи повествуется, что когда собрались в Новгороде волхвы, ведуны, потворницы, то новгородцы схватили их и бросили в огонь, они все сгорели. Народные восстания, как свидетельствуют летописи, были в Суздале, Ростове, Ярославле и во многих других городах. Новая религия не вытеснила окончательно язычество, а укореняясь на Руси, вбирала в себя элементы последнего, в известной степени приспособлялось к народному языческому сознанию. На протяжении длительного времени в древнерусском обществе существовало двоеверие, переплетение, наложение друг на друга древней культуры славянских язычников и культуры византийско-болгарской [3].

Благодаря государственной поддержке христианство завоевывало все новые и новые позиции. В его победе и скорейшем укоренении новой культуры были кровно заинтересованы представители власти. Киевский князь Владимир понимал, что в период становления средневекового государства, ломки социально-экономических и политических основ жизни древнерусского общества, начавшегося социального размежевания единство Руси можно было сохранить и укрепить только путем создания крепких внутренних идеологических связей, которые в тот исторический период возможны были исключительно на почве веры, религии. Первоначально Владимир пытался найти опору государственному единству страны в распространении язычества, укрепляя пантеон языческих богов во главе с Перуном. Но вскоре выяснилось, что язычество сохраняло и консервировало старые патриархальные устои общества, поэтому не способно было решить идеологические задачи государственного строительства. Христианская же религия позволила князю это сделать. Христианство с его единобожием способствовало укреплению единоличной власти великого князя как монарха, при этом вводя новую более гуманную общественную мораль, укрепляя семейные ценности, оно содействовало прогрессу древнерусского общества, нацеливая личность на поиск нравственного совершенства, обещая вечное блаженство в ином мире, примиряло человека с тяжелой действительностью, растущим социальным неравенством. Принятие христианской религии, господствующей на европейском континенте, выводило Русь из положения языческой окраины Европы, ставило государство русское в равное положение с европейскими державами. Приобщение к христианству, имеющему богатую богословскую литературу, разработанную философскую систему, опирающуюся на духовность и культуру античного мира, способствовало развитию просвещения,

образования, духовной и культурной жизни нашей страны. Князья, будучи активными поборниками христианства, становились активными распространителями грамотности и просвещения на Руси. Для упрочнения позиции христианства, преодоления сопротивления язычества, необходимо было ознакомить большее число людей с основами догмами теории христианства непосредственно из первоисточников - главных церковных книг. Не столько забота о преодолении невежества, безграмотности простого народа толкала князей на ввоз в страну религиозных и светских книг из Византии и Болгарии, организацию их переводов на славянский язык, создание «училищ книжных», сколько стремление внедрить в сознание людей религию, которая рассматривала князя как помазанника божьего на земле, освящала и укрепляла его власть [5].

В условиях усложнения хозяйственной жизни, развития дипломатических отношений с другими странами, законодательной деятельности в соответствии с новыми отношениями собственности, размежеванием общества на новые сословия княжеский двор все в большей степени нуждался в людях грамотных, просвещенных. В первый период принятия христианства и позднее русские князья и государи охотно и в большом количестве приглашают из Византии, Болгарии, Сербии церковных грамотеев и переводчиков, заботятся о переводе духовной и светской литературы, о распространении грамотности, открытии учебных заведений. Сведения, дошедшие до нас об этом крайне скудны. По некоторым данным в период с 800 по 1237 год на Русь нападали каждые четыре года. С 1242 по 1462 год за 220 лет на нашу страну было совершено 200 нашествий. История нашего Отечества полна войн, битв и пожаров, в результате которых навсегда сгинули многие свидетельства национальной культуры и образования. Но даже те немногочисленные документы, которыми мы располагаем, убедительно свидетельствуют об активном распространении школ в тот период при княжеских дворах [2].

Одним из первых учебных заведений, о котором говорится в «Повести временных лет», было «учение книжное», основанное князем Киевским Владимиром в 988 году. Летопись повествует о том, что князь посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. «Учение книжное», в которое Владимир велел отдавать детей, было не простой школой грамотности, а являлось учебным заведением более высокого типа, где давались систематические знания. Владимир русских юношей привлекал к изучению искусств. В Киевской школе «учения книжного» изучали семь свободных искусств: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку. В 990 году Владимир открыл в Корсуни две школы, одна из которых была для служителей церкви. В них были переведены «Жития Василия Великого» и другие церковные и светские книги. Сам Владимир любил книжное чтение и всемерно содействовал распространению образования, понимал пользу «учения книжного», чтения книг, которые считал источником мудрости. Еще более активное распространение образование получает при сыне Владимира – Ярославе Мудром. По свидетельству «Повести временных лет» он любил церковные уставы, к книгам проявлял усердие, часто читал их ночью и днем. Ярослав собрал множество книгописцев, которые переводили книги с греческого на славянский язык. Священникам построенной им церкви Святой Софии в Киеве Ярослав велел учить детей. Это было второе после «училища книжного» Владимира в Киеве учебное заведение подобного типа на Руси. В XI веке при князе Ярославе в огромном количестве переводились с греческого и болгарского книги не только церковного, но и светского содержания: историческое сочинение «Хроника Георгия Амартола», «Александрия» - легенды и предания о жизни Александра Македонского, «Девгениево деяние» – перевод византийской эпической поэмы о подвигах воина Дигениса, книги по философии, риторике, астрономии. Сам Ярослав был человеком широко образованным, начитанным, владел несколькими языками [3].

Князья стремились дать достойное образование своим детям. В их домах книга занимала важное место, они создавали домашние библиотеки. Одной из таких библиотек была коллекция сочинений отцов церкви, греческой, научной и художественной литературы, которую привезла с собой жена Владимира Крестителя Анна. В семье Ярослава Мудрого хорошее образование получили не только сыновья, но и дочери – Анна, ставшая королевой Франции, Анастасия, вышедшая за короля венгерского Андрея I, Елизавета, ставшая женой короля норвежского. Есть и другие свидетельства грамотности знатных женщин на Руси. Широко известно имя Ефросиньи Полоцкой, дочери полоцкого князя Святослава Всеславича, которая открыла женское училище при монастыре, создала мастерскую по переписке книг (1143 год). Она лично занималась переписыванием книг. Внучка Владимира Мономаха Добродея (Зоя) написала на греческом языке первое в Европе сочиненное женщиной медицинское руководство «Мази». Дочь киевского князя Всеволода Ярославича Янка (Анка) возглавила в 1089 году русское посольство в Византию, создала одно из первых на Руси женское училище, в котором обучались грамоте и ремеслам малые девицы. Феодулия, дочь князя Михаила

Черниговского, изучила философию, риторику, грамматику, арифметику и астрономию. Дочь галицкого князя Ростислава была женой чешского короля Пржемысла II и первой чешской поэтессой. Прекрасное поэтическое свидетельство об образованности русских княгинь оставил знаменитый азербайджанский поэт XII - начала XIII в. Низами. В своей поэме «Семь красавиц» он дал яркую характеристику русской княжне как искушенной в мире книг прекрасной деве молодой [4].

В Летописях, которые с распространением грамотности стали вестись во многих русских княжествах, мы находим сведения о существовании школ в Киеве и Новгороде, Чернигове и Переславле, Суздале и Владимире, Смоленске, Галиче, Курске и других городах. Сын Ярослава Мудрого Всеволод заботился о распространении грамотности всюду, где он правил. Сам он владел пятью языками, при нем была создана «Правда Ярославичей». Другой сын Ярослава Святослав Черниговский владел огромной библиотекой, в которой были книги, переведенные с греческого и болгарского. Смоленский князь Роман Ростиславович охотно давал деньги на развитие школ, причем, в созданных им школах не только просто овладевали грамотой, но также изучали греческий и латинский языки. На строительство училищ, содержание учителей он потратил все свое состояние. Истинным ревнителем просвещения был ростовский князь Константин Всеволодович, который собрал огромную по тем временам библиотеку - до 1000 томов. Галицкий князь Ярослав Осмомысл был одним из тех, кто впервые на Руси велел школы и учителей содержать за счет монастырей. Искренней любовью к образованию были отмечены правления переяславского князя Всеволода Ярославича и его старшего сына - Владимира Мономаха (1053-1125 годы). Владимир был весьма образованным и начитанным человеком, а также обладал талантом писателя. В своем «Поучении» он настойчиво рекомендовал учиться: «Не забывайте того хорошего, что вы умеете, - писал он, - а чего не умеете, тому учитесь - как отец мой, дома сидя, научился пяти языкам, отсюда ведь честь от других стран». Князь Святослав принял личное участие в создании двух важных памятников русской книжной культуры - так называемых «Изборников» 1073 и 1076 годов [6, с.33].

В X - XII веках книга все больше входит в жизнь и быт не только княжеских семей, но и горожан. О том, насколько высоко ценились в те времена грамотность, книга, убедительно свидетельствует «Повесть временных лет»: велика польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных; книги - это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; книгами мы в печали утешаемся, они - узда воздержания. Мудрость великая, читая которую, получаем для души великую пользу. Грамотность и книжность в это время считались богоугодным делом. К чтению, письму и счету тянутся и жители городов, в первую очередь, купцы и ремесленники [5].

Археологические раскопки, устные и письменные свидетельства предоставляют довольно обширный материал о распространении грамотности среди древнерусского населения в XI-XII веков. Одним из таких свидетельств являются былины, в которых говорится о грамотности богатырей. Князь Владимир Красно Солнышко, обращаясь к своим богатырям с просьбой подыскать ему невесту, желает, чтобы она кроме прочих достоинств была еще и грамотной. О распространении грамотности среди населения городов Галицкого, Киевского и других княжеств убедительно свидетельствуют находки археологов - «писал» - специальных приспособлений, которыми в те далекие времена писали на навощенных дощечках (церах) или на бересте. Изготавливались «писала» обычно из олова: один конец был острым, а другой в виде лопаточки - им разравнивали воск на дощечке. На стенах многих церквей и монастырей обнаружены нацарапанные надписи - граффити: на стенах Киевского Софийского собора обнаружена надпись, оставленная молодым Владимиром Мономахом. Молодой князь нацарапал на стене «Ох, тяжело мне» и подписал своим христианским именем «Василий»; другая надпись на стене собора гласила: «Пищан писал, к дьякам ходил выучеником». Она свидетельствует, что у дьяков при соборе учились не только дети духовных лиц, но и дети мирян, поскольку имя «Пищан» - не крестительное [6, с.34].

Граффити в разных древнерусских городах было обнаружено много и самого разнообразного содержания. Русские ремесленники уважительно относились к своему труду и любили оставлять свою метку на изделии: на клинке меча оружейник-кузнец оставил свое имя - «Людота Коваль»; мастер, изготовивший великолепный серебряный кубок, подписал: «Братило делал»; токарь по камню на изготовленном для дочери веретенном пряслице оставил надпись: «Иванко создал тебе (это) одинадци»; на пряслицах встречаются надписи, оставленные и горожанками: «Янка дала пряслице», «Настасьино пряслице», «Бабыно пряслице» и др. Бесспорным свидетельством широкого распространения грамотности среди горожан являются берестяные грамоты, найденные в Новгороде и Смоленске, Пскове и других древнерусских городах. Они свидетельствуют о наличии деловой и другой письменности на Руси еще в языческий период. При раскопках в Старой Руссе были найдены 10

берестяных свитков, которые являются долговыми записями хозяев усадьбы. В Новгороде среди прочих находок, свидетельствующих о распространении грамотности, были найдены бирки к мешкам с ценностями. На одной было написано «Мешок мечника Плотвицы под этой меткой», на другой – «В 9 гривнах и гривне – гривно». На бирках сохранились знаки князей Владимира Святославича (970-977 годы) и Ярополка Святославича (977-980 годы). На берестяных грамотах отражалась самая разнообразная информация – от приглашения в гости до любовной переписки. Надпись на одной из берестяных грамот гласит: «От Микиты ко Улиааници. Поиде за меня...». Все это свидетельствует о высоком уровне грамотности городского населения Руси в отличие от деревенских жителей.

Распространению грамотности в первоначальный период введения христианства на Руси активно содействовало духовенство, монастыри и церковь. Чтобы преодолеть язычество, учение волхвов, а также привлечь на сторону христианства огромное количество язычников. Новой религии нужны были преданные и грамотные служители, разбирающиеся в догмах православной христианской веры. Они были необходимы и для противодействия римскому католицизму, другим религиям и ересям. При монастырях и церквях возникают учебные заведения, училища и школы. В X–XII веках на Руси школ было почти столько, сколько существовало монастырей и церквей, ведь каждая епархия была своеобразным учебным округом. В первой половине XII века было 16 епархий и их границы совпадали с границами удельных княжеств – Киевского, Черниговского, Ростовского, Смоленского, Владимирского и других. Что касается монастырей, то только в Новгороде их было до 20, а по всей новгородской земле – более 30, в Киеве – до 17, Переяславле и Чернигове по 4, в Смоленске – 5, во Владимире – 5, в Суздале – 4 и т.д. Церквей было значительно больше, особенно в Киеве, который по величине и великолепию уступал только Константинополю и Кордове. В Киеве имелось 400 церквей. Их строили князья и бояре, купцы и миряне. Для обслуживания большого количества храмов были необходимы многочисленные грамотные священнослужители. Одна школа «училища книжного» при дворе князя Владимира не в состоянии была их подготовить. Духовных лиц, священников и причетчиков готовили сами монастыри и церкви. Монастыри в первый период христианства были не только духовными центрами, но и центрами просвещения и культуры. Образование во времена рукописных книг было делом довольно дорогостоящим. Приобретение книг за рубежами нашей страны, в первую очередь, в Византии, Болгарии, Сербии, перевод и переписка их, создание и расширение библиотек – все это требовало немалых материальных затрат. Монастыри были достаточно самостоятельны в своих действиях и располагали необходимыми материальными средствами, чтобы приобретать, хранить и распространять религиозные, а также светские книги, содержать школы.

Перевод и переписывание религиозных книг считалось делом богоугодным. Многие книги религиозного характера переводились с греческого на славянский язык и переписывались русскими служителями монастырей – иноками, которые годами жили на Афоне в Ксилургийском монастыре, монастыре св. Пантелеймона, Константинополе и других местах. Среди них были люди широкой эрудиции, сыгравшие заметную роль в распространении христианства на Руси. Списыванием и перекладом на славянский язык религиозно-нравственных сочинений на Афоне и в других монастырях Греции занимались такие монахи как Савва (игумен тверской), Досифей (игумен печерский), Иона (игумен угремский), знаменитый Нил Сорский, митрополит Киприан и другие. Проживая долгое время среди греков, общаясь в монастырях с болгарскими и сербскими иноками, русские иноки заимствовали ценное и сущее духовное знание для просвещения и образования своих соотечественников. Ряды священнослужителей на Руси постоянно и в большом количестве пополнялись священниками-греками. Русская земля составляла отдельную епархию, подведомственную в церковном управлении патриарху Константинопольскому. До середины XV века значительная часть митрополитов приписывалась в нашу страну из Греции. В домонгольский период из 23 известных митрополитов 17 – были греки, некоторые из которых так и не выучились русскому языку. Немало было греков и среди епископов Новгорода, Чернигова, Ростова, Смоленска и других городов. Были греческие священники, клирики и церковные певцы. Ученые греки содействовали распространению на Руси просвещения, организации школ при церквях и монастырях, в приходах, занимались обучением отдельных лиц. Первый митрополит Киевский Михаил, прибывший из Византии, был советником и помощником великого князя Владимира в распространении грамотности. По его совету Владимир велел собрать детей знатных и убогих и раздать по церквям священникам и причетникам в «научение книжное». Митрополитом Михаилом было написано одно из первых известных нам педагогических наставлений наставникам первоустроенных школ. В своем наставлении учителям митрополит Михаил велит учить детей терпеливо, общаться с ними кротко. Он призывал учителей учить юных детей правде и любви,

премудрости и чистоте; учить не жестокостью и гневом, а любовным обычаем и ласковым рассуждением.

Образовательная деятельность была важнейшей составной частью первых наиболее крупных монастырей на Руси. Именно они были центрами подготовки миссионеров, осуществляющих процесс христианизации древнерусского народа, движущей силой распространения грамотности и просвещения не только среди духовных лиц, но и среди мирян. Одним из таких центров православия и просвещения был Киево-Печерский монастырь, основанный преподобным Антонием и Феодосием. Это были люди, широко известные своей ученостью, не только в монастырской среде, но и в миру. Антоний (ок.983-1073 годы) изучал богословие в Константинополе и в русском монастыре на Святой Горе в Афоне. Феодосий (ок.1036-1074 годы), ученик и преемник Антония, много читал, изучал религиозные книги, способствовал их распространению. Во время написания великим Никоном книги игумен Феодосий сидел рядом и прял нитки для их переплетения; что чернец Илларион дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца Феодосия. Феодосий был человеком большого ума, энергичным, твердым и, вместе с тем, кротким, добрым, обаятельным. Им был разработан первый на Руси Устав монастырской жизни - Студийский устав, который потом приняли и другие монастыри. Устав обязывал послушников овладеть грамотой и счетом, изучать «предания отеческие» и т.д. Устав предписывал духовной братии в дни, свободные от телесных дел, собираться в книгохранительной комнате, каждому брать книгу и читать ее до вечера. К книге рекомендовалось относиться очень бережно [6, с.39].

И в этом, как и во многом другом, русские священнослужители следовали заветам, проникшим в страну из Византии, от таких почитаемых людей как св. Иоанн Златоуст и И. Дамаскин, которые утверждали, что в святых книгах находятся увещание ко всякой добродетели и предотвращение от всякого порока. Кто ревностен к учению, тот приобретет многую мудрость. Кроме обучения грамоте, изучения священного Писания, церковных обрядов послушников в Киево-Печерском монастыре учили хоровому церковному пению, летописанию, ведению записей о погоде и многому другому. В монастыре была не только религиозная, но и светская, научная и художественная литература. В Киево-Печерском монастыре обучалось высшее русское духовенство, которое вместе с «преданиями отеческими» и богословием изучало историю других стран, философию, риторику, полемику.

«Повесть временных лет» свидетельствует о том, что в XII веке, когда игуменом был Феодосий, Киево-Печерский монастырь был центром подготовки миссионеров, пользующимся международным авторитетом («Похвала Феодосию Печерскому»). В середине XI века почти 80 монахов этого монастыря получили епископские кафедры. В стенах Киево-Печерского монастыря получили достойное образование и прославили нашу культуру многие видные отечественные деятели, богословы-писатели Никон, Иаков, Симон, знаменитый историк - летописец Нестор, врачи Демьян, Лаврентий, алхимик Прохор, художник – иконописец Алипий и другие. Вокруг монастыря сложилась довольно обширная группа видных представителей не только религиозной, но и светской общественно-политической мысли, науки и культуры. Киево-Печерский монастырь был не единственным центром распространения отечественного образования. Образовательная и просветительская деятельность велась и во многих других русских монастырях. В них были сосредоточены книжные богатства, созданы первые библиотеки, велись переводы и переписка книг, возникло летописание, написаны первые самостоятельные русские сочинения – «Жития», «Слова», «Притчи». В русских монастырях были написаны поучения Новгородского епископа Луки Жидяты, «Исповедание веры» митрополита Иллариона, проповеди религиозно-поэтического характера Кирилла Туровского, такие шедевры древнерусской литературы как «Киево-Печерский патерик», «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве». В «Повести временных лет», в Софийской, Лаврентьевской, Ипатьевской, Вологодско-Пермской и других летописях, в «Житиях», «Притчах», «Словах», «Почтениях» и иных письменных памятниках содержатся интересные сведения о распространении грамотности в средневековой Руси, об организации процесса обучения. В «Житии Петра митрополита» говорится, что семи лет он отдан был родителями своими книгам учиться. Подобная информация содержится в «Житии» о Серпионе Новгородском. Из «Жития Степана Пермского» мы узнаем, что еще младенцем его отдали для обучения грамоте. В «Житии Ионны Новгородского» сообщается, что он был отдан некоему диакону в научение божественным книгам. В «Житии Феодосия Печерского» сообщается о том, что в Курске было несколько учителей и к одному из них попал в обучение Феодосий, который сам попросил отдать его этому учителю поучиться божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг Феодосий всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился.

Кроме школ при монастырях и церквях были и отдельные учителя, которые брали за плату детей в обучение. Учили, в первую очередь, чтению религиозных книг, независимо от того, готовился ли ученик стать лицом духовным или нет. Учили также письму, а главное - церковному пению, которое на Руси очень любили. В небольших монастырях не было школ, обучение было индивидуальным. Обычно инока поручали старцу, который учил и воспитывал его. Образование иноков из городских и сельских низов ограничивалось обучением чтению церковных книг, письмом и церковным пением, а также ремеслом, необходимым для работы на монастырских землях. Монахи из зажиточных семей готовились к занятию высоких церковных должностей, поэтому более глубоко овладевали книжной премудростью, получали более широкое образование. Среди духовных людей было немало лиц, хорошо овладевших словом и пером. Таким был новгородский архиепископ Лука Жидята – один из первых церковно-политических деятелей Киевской Руси, оставивший потомкам свои сочинения. «Поучение архиепископа Луки к братии» - пример христианской этической проповеди начального этапа утверждения христианства в нашей стране. Личностью высокообразованной, значением своим выходящей за пределы своей эпохи, был Илларион, ставший первым митрополитом из русов при Ярославе Мудром. Он написал замечательное произведение «Слово», повествующее о крещении Руси и роли в нем князя Владимира, содержание которого определяется заглавием «О Законе, данном через Моисея, и о Благодати и истине, явленной Иисусом Христом, и о том, как Закон миновал, а Благодать и истина наполнила всю землю, и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского, и похвала великому кагану нашему Владимиру, которым мы были крещены, и молитва к Богу от всей земли нашей». Илларион – автор «Исповедания веры», «Молитвы» и ряда других сочинений. Замечательные произведения духовного содержания оставил нам игумен Киево-Печерского монастыря, один из крупнейших церковных идеологов и активнейший участник политических событий в Киевской Руси во второй половине XI века – Феодосий Печерский. Широко известен своими глубокими познаниями, широкой эрудицией, литературным мастерством, крупный церковно-политический деятель XII века, второй на Руси митрополит из русичей Климент Смолятич. Современники воздавали его учености такие похвалы, каким не удостаивался никто из мыслителей Киевской Руси. К таким людям можно причислить еще многих. Следует отметить, что видные церковно-политические деятели и мыслители Киевской Руси ратовали за распространение грамотности, знаний, высоко ценили книги, восторженно отзывались о «книжной премудрости», подчеркивали, что чтение святых книг есть источник добродетели. Ярким образчиком такого отношения к книге является статья «Слово некоего калугера о чтении книг», помещенная в Изборнике 1076 года. Автор настойчиво внушает мысль о том, что чтение книг – доброе дело для каждого христианина, учит читать не торопясь, вдумчиво, трижды возвращаясь к главе, задумываясь над истинными писаниями. В одном из списков широко распространенного древнерусского сборника «Пчелы» (1199 год) говорилось о том, что ум без книг - птица без крыльев. Свет дневной есть слово книжное, кто его лишится, тот во тьме сгинет [6, с.44].

Во многих произведениях того времени можно найти настоящие панегирики книге. Такое отношение к книге, ее влиянию можно встретить только в обществе, достаточно развитом в культурном отношении. Такой и была передовая часть социума древней Руси, отождествляющая книгу с божественной мудростью. Первые христиане любили и почитали книги, особенно Святое Писание и сочинения отцов церкви, книги церковные и нравоучительные. По ним учились грамоте, в них искали опору своей вере, по ним воспитывались. В те далекие времена традиционно читали Евангелие каждый день, а Псалтырь многие вытверживали наизусть. Грамотность и начитанность – характерные черты древнерусского «книжного человека» доордынского периода. При этом самостоятельному чтению книг, самообразованию придавалось большее значение, чем школе. Школа делала человека грамотным, что было по тогдашним понятиям важной, но лишь первой ступенькой к образованию, умственному развитию. Истинная же просвещенность, умственное совершенствование могли быть достигнуты только в результате самостоятельного чтения книг. Такой взгляд на образование, школу и самостоятельное чтение книг сохранялся довольно долго на Руси. Даже в период складывания и упрочения русского централизованного государства в XV–XVI и начале XVII века, когда достаточно остро стала ощущаться потребность в людях широко и разносторонне образованных, многие считали, что нужно не средние и высшие школы создавать, издавать больше книг, содержащих новые сведения и знания.

В течение многих столетий единственным способом приобретения знаний для русского человека были сначала обучение у какого-нибудь мастера чтению и письму, а затем самостоятельное чтение книг. Самостоятельное чтение книг делало тогдашнего человека в глазах общества лицом образованным, ученым. О школах общественных и правительственных, в которых бы систематически

преподавался известный круг наук, о получении образования вне начетничества, русский человек не имел представления. В период до нашествия монгол на Русь очень немногие из обучавшихся грамоте могли получить от своих учителей начала научного образования.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Различные источники свидетельствуют, что славяне-русы задолго до принятия христианства имели свою письменность, были грамотными. Некоторые относят возникновение письменности ко II веку н.э., другие – еще раньше. Славяне имели письменность прежде римлян и прежде греков, что исход просвещения шел от русов на Запад, а не оттуда к ним. Письменность у славян типа «черт и резов» зародилась не менее 5 тысяч лет тому назад. Письменность, грамотность оказывали огромное воздействие на развитие славян, культуры русов, восточно-европейской цивилизации. Византийская культура, соединявшая в себе античность и христианскую религию, придя на Русь вместе с христианством, нашла там достаточно высокий уровень просвещения и культуры.

Наша прародина в тот период представляла собой молодое государство, обладавшее многовековой культурой – мифологией, эпосом, летописанием. Уровень этой культуры был ниже, чем в Византии, но он был достаточно высок для того, чтобы воспринять многие постулаты византийской культуры. В IX – X веках на Руси уже были построены города с довольно развитым по тем временам ремесленным производством. Умом и руками горожан возведены крепости и дворцы, построены корабли, создано оружие, различная утварь. В период создания Киевской державы русичи имели довольно обширные и разносторонние связи с внешним миром, с крупными центрами мировой культуры средневековья на Юге, Севере, Западе и даже на далеком Востоке. Развивалась торговля, что способствовало накоплению богатств и знаний. Многие русские купцы, участвовавшие в международной торговле, знали иностранные языки. Все это свидетельствует о том, что первоначальный период письменности и образования на Руси следует отнести намного раньше принятия христианства.

Принятие христианства дало мощный импульс развитию культуры и просвещения Киевской Руси. В распространении новой религии, связанной с ней византийско-болгарской культуры, были идеологически заинтересованы господствующие общественно-политические и социальные силы, властные структуры. Распространению новой религии, развитию образования содействовала княжеская власть, которая нуждалась в грамотных людях для утверждения новой государственной идеологии, укрепляющей единоличную власть, а также для успешного решения хозяйственно-административных и юридических задач, развития международных связей древнерусского государства.

Грамотность и образованность распространяются, в первую очередь, в княжеских и боярских семьях, в том числе и среди их женской половины. Относительно широкое распространение грамотность получает среди городского населения – купцов, ремесленников. Деревню процесс распространения грамотности почти не затронул.

Распространению грамотности и образования на Руси в первоначальный период христианства активно содействовало духовенство. Монастыри долгое время были центрами просвещения и культуры. Образовательная деятельность была важнейшей составной частью первых крупных монастырей, таких как Киево-Печерский монастырь. Многие церковные деятели были высокообразованными людьми, знающими не только богословские, но и светские науки. При монастырях и церквях создавались школы. Монастыри приобретали, переписывали, переводили и хранили книги. В монастырских кельях были написаны первые русские летописи, самостоятельные русские сочинения – «Жития», «Слова», «Притчи». А.С. Пушкин справедливо заметил: «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением».

Состояние образования средневековой Руси перед монголо-татарским нашествием характеризуется следующими чертами: относительно широким распространением грамотности среди княжеских и дворянских родов, духовенства, особенно, черного (монастырского), и в известной степени среди горожан; школы существовали при крупных монастырях, в небольших монастырях обучение было индивидуальным; появились отдельные учителя, «мастера», которые обучали детей за плату; учили чтению, письму, церковному пению, иногда – арифметике; главное место в обучении занимало чтение церковных книг как для тех, кто собирался стать духовным лицом, так и для тех, кто им быть не собирался; важнейшее место в обучении отводилось самообразованию. Только через него можно было стать действительно образованным человеком, получить научное образование. В этих условиях высоко ценилась книга, «книжная премудрость». Считалось, что чтения святых книг есть источник добродетели: ум без книги, как птица без крыльев. Такое отношение к книге возможно лишь

в обществе достаточно просвещенном, развитом в культурном отношении. Такой и была передовая часть социума Руси перед монголо-татарским нашествием.

Список литературы

1. Буш, В. В. Памятники старинного русского воспитания. К истории древнерусской письменности и культуры / В. В. Буш. – Петроград: тип. Кюгельген, Глич и К°, 1918. – 118 с.
2. Данильченко, С. Л. Исторический анализ отечественной культуры и просвещения после свержения монголо-татарского ига / С. Л. Данильченко // Международный журнал «Научный альманах» -2022 - № 1-2(87) – С. 79-82.
3. Данильченко, С. Л. История российского образования: «через терни к звездам» / С. Л. Данильченко / Развитие современных компетенций педагогов и обучающихся через изучение и популяризацию традиционной культуры народов Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: издательский дом «Среда», 2021.
4. Данильченко, С. Л. Патриотическое воспитание на уроках истории и во внеурочной деятельности по истории: традиции и новации / С. Л. Данильченко // Научно-практический журнал «История и обществознание для школьников» - 2021- №. 4 - С.37-46. - С. 27-34.
5. Данильченко, С. Л. Педагогические представления славян до и после принятия христианства / С. Л. Данильченко // Научно-практический журнал «История и обществознание для школьников» - 2022- №. 2 - С. 48-57.
6. Данильченко, С. Л. Этюды по истории российского образования IX-XIX веков / С. Л. Данильченко – Уфа: научно-издательский центр «АЭТЕРНА», 2021 - 281 с.
7. Классен, Е. И. Новые материалы для древнейшей истории Славян вообще и Славяно-Руссов до Рюриковского времени в особенности с легким очерком истории Руссов до Рождества Христова: вып. 1-3 / Егор Классен. – Изд. 2-е, испр. – М.: Белые альвы: Амрита-Русь, 2005. – 313 с.

Статья поступила в редакцию 4.06.2022

Danilchenko, S. L. *The Origins of Russian Enlightenment: the Original Meanings of Medieval Russia*

For a long time, Russian historiography maintained a negative attitude to the very idea that writing could have existed in Russia before the invention of the Slavic alphabet by Cyril and Methodius. The adoption of Christianity gave a powerful impetus to the development of culture and enlightenment of Ancient Russia. The dominant socio-political and social forces and power structures were ideologically interested in spreading the new religion and Byzantine-Bulgarian culture associated with it.

Keywords: writing, literacy, schools at monasteries and churches, "book wisdom", the state of education in medieval Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 17:[364.624.4:316.624.2]

В статье рассматриваются основные направления исследования проблемы социального одиночества. Представлены два подхода ценностно-коммуникативный и социокультурный, с помощью которых определяется объектное поле, проведения поиска причин обособления гражданина от социальной среды. Определяются диапазоны общественных условий, обуславливающие потерю интереса гражданина к общезначимой деятельности.

Ключевые слова: социальное одиночество, общественное разочарование, взаимный интерес, самоидентификация, общепринятые нормы, уникальность личности.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreyvmiroov@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА

Отказ от участия в общественной деятельности, непризнание за статусом гражданина реальной ценности, подчеркнутый нейтралитет по отношению к общности, демонстрация негативных проявлений к общественным начинаниям, цинизм в позиционировании собственного «Я» – известные прецеденты в европейской истории, касающиеся как известных персон, так и рядовых граждан. Частные случаи социальной индифферентности в определенные исторические периоды трансформировались в общественные настроения, характеризующиеся гражданской пассивностью, равнодушием к общественно значимому, сознательной обособленностью от жизненно важных процессов, происходящих в общественной системе. Рассмотрение данных явлений предполагает философский анализ причинно-следственных связей в социуме, препятствующих консолидации мировоззренческой позиции гражданина с государственными задачами.

Задачи исследования: 1) определить основные направления в исследовании проблемы социального одиночества; 2) выделить доминирующие философские тренды при анализе условий, способствующих препятствованию эффективной коммуникации в обществе; 3) представить обоснование и содержание методологических подходов при рассмотрении заявленной темы.

В качестве метода исследования используется системный анализ.

Одной из актуальных задач социальной философии на протяжении ее существования являлось определение факторов, способствующих укреплению связей между человеком и социальной общностью, к которой он себя причислял. Единство граждан, неразрывность с идеями большинства, сопереживание общественных событий, участие в совершенствовании механизма принятия социальных решений рассматривалось как кардинальные пути достижения стабильности, процветания, благополучия конкретного государственного образования. Активная гражданская жизнь воспринималась в качестве предпосылки улучшения нравов, искоренения пороков, возрастания общественных возможностей влияния на государственную систему с целью предоставления индивиду гарантированных прав. Философские направления (этика, философия права, философия политики, со временем социология, антропология) должны были представить варианты объединения граждан под эгидой государства, создания целостного социального организма, способного отвечать на внешние вызовы, защищаться от чуждого влияния, разрешать конфликты, возникающие в социальной среде, поддерживать атмосферу доверия и согласия. С этой целью вырабатывались определенные положения: определение человеческой сущности, способы коммуникации, моральные принципы. Философские концепции социальной целостности включали в себя следующие положения: 1. положения, объединяющие гражданина и государство; 2. стимулы вовлечения в социальную деятельность; 3. общезначимые ценности, на основе которых проводится социальная политика государства; 4. консенсус интересов человека и гражданина; 5. согласованность позиций гражданского общества и

государства. Совокупность этих положений позволяла конструировать гармоническую модель существования индивида в социальном организме, отвечающую его желаниям, внутреннему настрою, общим перспективам, надеждам на самореализацию.

Данные феномены требовали теоретического осмысления, интерпретации в рамках тех концепций, которые превалировали в философском знании. Когда социальные институты воспринимаются как чуждые или враждебные, наступает фаза неверия в возможности значимого участия в общественной жизни, и индивид испытывает чувство разочарования в предлагаемых диапазонах гражданских обязанностей. Распространенность данной позиции создает предпосылки для массового недовольства, потенциальных возмущений, смены политического курса. Социальная философия в своем стремлении нейтрализовать последствия негативных ощущений, испытываемых индивидом при взаимодействии с общественной системой, обращается к формированию интеракционистских схем, моделей объединения, устраняющих копуляцию гражданина в социуме. Оформление подходов к выдвигаемым гипотезам социального одиночества зависело от ряда факторов: 1) господствующей идеологии; 2) главенствующей религии; 3) цивилизационной составляющей; 4) политической реальности; 5) философской доминанты, принятой в данное время; 6) нравственных приоритетов. Иерархия приведенных пунктов менялась по мере актуальности, легитимной свободы, востребованности человека обществом.

Следует отметить важный момент для понимания проблемы в целом – авторы в зависимости от предлагаемой модели должны быть разделены на две группы, опуская хронологические границы творчества. Первая включает мыслителей, рассматривающих феномен социального одиночества как личную патологию, возникшую в результате искажения общественного устройства. Своей задачей они видят предложения по оптимизации общественного процесса, опираясь на приоритеты государственных целей. Разрешение возникающих трудностей между гражданином и государством, следствием чего является социальное обособление, происходит естественным путем по мере совершенствования общественного механизма. К ним можно отнести Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, К.А. Гельвеция, Г. Гегеля, И. Фихте, К. Маркса, Т. Карлейля, В. И. Ленина, И. А. Ильина, отстаивавших идеи доминирования государственных интересов над частными проявлениями. Конструкции, предлагаемые данными авторами, выражают убеждение в неспособности индивида к полноценной жизни без участия государства. Чувство одиночества, покинутости – результат несовпадения личностной направленности и представленных социальных условий. Правильно выстроенная система общественного воспитания, справедливое распределение доходов, открытость социальной иерархии – возможности гражданина реализовывать свои способности, знания, творческий потенциал во властной структуре. Моральная требовательность, действующая на всех уровнях общества, снимает проблему как таковую, устраняя объективные предпосылки данного феномена. Соответственно, создание истинной общественно-государственной модели является для перечисленных авторов первоочередной задачей, содержащей в себе разрешение вопроса сбалансированных социальных коммуникаций.

Другая группа мыслителей в своих работах делает акцент на личных переживаниях, связанных с отсутствием или нарушением социальных связей индивида с общественной средой. Такой подход опирается на значимость отдельно взятой личности, возможности ее автономного существования, позитивные последствия уединенности от других, индивидуальные особенности, саморазвитие и самосовершенствование, альтернативные варианты общепринятому представлению о предназначении человека. Эпикур, Л. А. Сенека, М. Аврелий, Эпиктет, Ж.-Ж. Руссо, Г. Торо, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Э. Фромм, Ж. Бодрийяр, Н. А. Бердяев, Л. Шестов пытаются объяснить трагедию разрыва человека с обществом изначальной данностью одиночества, фактом человеческой судьбы, антагонистическим противоречием между «Я» и системой официоза, призванной унифицировать личность, исходя из господствующих представлений о должном. Интерпретация индивидуальных проявлений в обществе, способов личностного позиционирования, выстраивание собственных моральных эталонов, самостоятельного определения места своего «Я» в социуме служили отправной точкой формирования концепций автономной личности. Социальное одиночество оценивалось как закономерный факт человеческой истории, изменяющийся в зависимости от индивидуальных параметров, и на этом основании не допускалось использование философией обобщающих подходов. Авторы этого направления в дилемме индивидуальное – коллективное абсолютизировали первую составляющую, находя во второй потенциальную угрозу растворения личности среди других, утрату неповторимой сущности человека данной от природы. Обособление от общества трактовалось как уникальный путь самообретения. Подходы к рассмотрению темы социального одиночества многообразны благодаря критериям, выбранным за основу. Интерес к

проблеме увеличивается по мере роста благосостояния граждан, возможностей индивидуального выживания, конституционных свобод, динамики социальных контактов, сословного равенства, уровня образования и просвещения, потребительских запросов, диапазона средств массовой информации. Увеличение роли данных факторов в бытийственности человека расширяет границы его самосознания.

Обращаясь к выделению подходов, используемых социальной философией при описании явления социального одиночества, необходимо учитывать тот факт, что в ряде случаев можно наблюдать пересечение предлагаемых подходов. Совпадения носят локальный характер и не затрагивают сущностных положений. Методы, применяемые социальной психологией, культурологией, структурной антропологией используются в контексте подходов, задействованных социальной философией. Определение подходов исходит из следующих составляющих: 1) целевая направленность обособления от общества, 2) средства реализации выбранной позиции, 3) понимание сущности взаимоотношений человека и общества, 4) основы социального партнерства, 5) мотивация социальной деятельности.

Социокультурный подход к проблеме социального одиночества оформился во второй половине XIX в. и получил развитие на протяжении XX столетия. Основателями его можно считать К. Леонтьева, О. Шпенглера, А. Тойнби, Г. Маркузе, М. Фуко. Главной идеей, положенной в основание модели, является принцип смены культур в соответствии с завершением циклов развития основных положений, определявших жизнеспособность, жизнедеятельность, жизнечувствие данной системы. В работе К. Леонтьева «Восток, Запад, славянство» выделена поступательность ступеней прохождения культурой своего исторического периода. В нее встраивается схема обособления человека от социальной среды. Становление всеобщей формы существования, наряду с формированием государственного механизма, экономической модели, культурных приоритетов предполагает набор предпосылок социального единства, выполняющих функцию объединения на основе понятных, доступных, значимых принципов для большинства населения. Существенной особенностью этих положений является адекватность вызовам времени и смысловая комплексность, которая раскрывается в логической непротиворечивости религиозных, моральных, социальных, политических компонентов, сведенных в идеологическую парадигму. Признание за ней статуса общезначимой доминанты, охватывающей наиболее важные проявления индивида, переводит вышеприведенные парадигмы в привычные правила коммуникации со своими (кто отвечает критериям гражданской идентификации, принятым в данной культуре, а позднее – в цивилизации). Трудности становления, борьба за территории, совместные лишения, случаи самопожертвования, общественный энтузиазм проверяют дееспособность выбранных принципов. Кульминация развития культуры характеризуется достигнутым единством, целостностью социального организма, в котором наблюдается совмещение общественных и личных интересов. Государство, общество, человек существуют в едином духовном измерении.

Одной из черт проявления упадка культуры (на этой ступени можно уже говорить о цивилизации) считают деформацию социального единства и, как следствие, нарастающее чувство социального одиночества. Внешний контур цивилизации остается прежним, а внутреннее содержание начинает не соответствовать общепринятым принципам. Происходит конфликт между нарастающим материальным комфортом условий жизни и самоощущением гражданина. Моральные и социальные ресурсы исчерпываются в силу постоянной эксплуатации со стороны государства, а поступление новых стимулов взаимодействия с общественной системой остановлено стагнацией самого социального организма. О. Шпенглер объясняет этот процесс следующими причинами: 1) возникновением мегаполисов, где человек вынужден уподобляться другим, утрачивая собственную уникальность, 2) динамикой жизни, лишаящей возможности сконцентрироваться на другом, других, общественных проблемах. Инстинкт выживания оставляет в поле видения только собственное «Я», 3) технократизмом, т. е. интерес перемещается на достижение благополучия и улучшение качества жизни, игнорируя социальные условия, их порождающие, 4) жесткой специализацией, разделяющей людей не только по профессиональным признакам, но и по образовательному, культурному уровням, проведению досуга, 5) утратой традиций, скрепляющих общественный каркас, включающих преемственность социальных ценностей. Нарушение связей между согражданами в границах цивилизации – закономерное следствие перечисленных обстоятельств. «К мировому городу принадлежит не народ, а масса. Ее бестолковость по отношению ко всякой традиции, означающая борьбу против культуры (дворянства, церкви, привилегий, династии, конвенций в искусстве, границ познавательных возможностей в науке), ее превосходящий крестьянскую смышленость острый и холодный ум, ее натурализм совершенно нового пошиба, в своем стремлении назад далеко опережающий Сократа и Руссо и опирающийся во всем, что касается сексуального и социального на

первобытно человеческие инстинкты и состояния ... все это знаменует по сравнению с окончательно завершенной культурой и провинцией некую исключительно новую, позднюю и бесперспективную, но вместе с тем и неизбежную форму человеческой экзистенции» [3, с. 166].

Авторов, отстаивающих данный подход, объединяет восприятие цивилизации как репрессивного начала. Испытывая социальное давление, у человека возникает разрыв с иными формами существования, имевшими место в мировой истории и отложившимися в виде традиций, не востребованных цивилизацией. Поведение индивида испытывается предоставляемыми возможностями потребления, что формирует принцип соответствия большинству, принявшему подобную ситуацию за единственную вероятность включения в систему социальных отношений. Сам процесс жизни в условиях цивилизационных требований диктует жесткие критерии сопричастности с другими, не учитывая личностные качества, а действуя в границах формальных предъявлений. Тотальность социальных доминант инициирует чувство протеста, защиту от подавляющей всеобщности, стремление к уникальности. Набор средств, используемых в порабощении сознания, неизменен на протяжении человеческой истории. Отличия составляют эффективность и массовость воздействия: 1) содержание труда; 2) манипуляция общественным мнением (слухи, сконструированные новостные известия, искажение реальных данных, заведомая ложь); 3) развлекательные мероприятия, заполняющие свободное время; 4) культ потребления; 5) чувство вины за неиспользованные возможности. Неприятие требований, разочарование, возникающее от неудовлетворенности результатами, определяет желание отказаться от навязываемых предписаний, что равносильно поиску альтернативных вариантов личностного бытия. Г. Маркузе в своей книге «Эрос и цивилизация» называет этот процесс «Великим Отказом». «Сегодняшняя идеология покоится на том, что производство и потребление воспроизводят и оправдывают господство. Однако их идеологический характер не отменяет реальности предлагаемых ими выгод. Репрессивность целого состоит в значительной степени в его эффективности: оно увеличивает объем материальной культуры, облегчает создание предметов необходимости, удешевляет комфорт и роскошь, вовлекает все новые территории в сферу индустрии, при этом, однако, поддерживая нелегкий труд и деструктивность. И если индивиду приходится платить, жертвуя своим временем, своим сознанием, своими мечтами, то цивилизация платит, жертвуя обещанной свободой, справедливостью и миром для всех» [2, с. 99-100]. Социальное одиночество в рамках социокультурного подхода истолковывается как закономерный итог несогласия с предлагаемой моделью жизни, замкнутой на достижение материального успеха и комфорта в ущерб самореализации личности.

Коммуникативно-ценностный подход в понимании проблемы социального одиночества ориентирован на препятствия в сфере социального взаимодействия. Коммуникация рассматривается как попытка индивидом достижения социальной общности через совпадение в процессе обмена личностными качествами ценностного ряда. Коммуникация в понимании общения, т.е. завязывание контактов, обмен информацией, продолжение установленных связей – прерогатива социальной психологии. Философский подход к данному объекту исследования связан с социальной функцией формирования норм в обществе, их утверждения, анализом влияния на общественные связи. Этическая направленность подхода обращает внимание на способы передачи ценностей, социальных смыслов, идеалов, принятых в данной общественной системе, что позволяет выявить дисгармонию общественного и личного, мотивирующую обособление индивида от социальной среды.

Коммуникативно-ценностный подход к проблеме социального одиночества ставит своей задачей нахождение точки разрыва в применении индивидом моральных универсалий (долг, справедливость, добро и зло, достойное – недостойное, приемлемое – неприемлемое). Оценка адекватности поступков требованиям заявленным обществом как со стороны исполнителя, так и со стороны общества, надзирающего за исполнением принятых норм, предопределяет условия для возникновения расхождений, барьеров в восприятии социальной действительности между участниками социального диалога, при определенных обстоятельствах, перерастающих в фазу отчуждения. Среди авторов, придерживающихся данной точки зрения, можно выделить Аристотеля, Платона, Сенеку, Марка Аврелия, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Г. Торо, Ж.-П. Сартра, А. Камю, Э. Фромма, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза.

Особенностями данного подхода можно считать: 1) поиск смысловой тождественности в понимании нормы между социальными партнерами; 2) дисбаланс соотношения интернализма и экстернализма моральных положений; 3) нарушение диалогичности социальных партнеров, связанное с различными позициями относительно роли гражданина в общественной системе, 4) определение новых конвенциональных стандартов взаимодействия индивида и социального организма; 5) выявление причин конфликтности с обществом при осознании собственной идентификации;

б) перераспределение ценностного потенциала, накопленного обществом, от официальных структур в сферу личностного применения. Коммуникативно-ценностный подход максимально реализовался в эпоху постмодернизма, это связано с исследованиями в области лингвистической философии, эвристики, структурализма, введением психологической составляющей. Повышенное внимание к трудностям при достижении консенсуса участниками социальной коммуникации оформило направление в социальной философии, посвященное чувству обособления между индивидом и обществом.

Ракурс диалога, в который вступают участники социального процесса, обращен к взаимопониманию всех задействованных сторон. М. Бубер, М. Хайдеггер, П. Тиллих, Ж.-П. Сартр сходятся в едином мнении о необходимости другого, чтобы постичь свою целостность, через него индивид узнает о себе, о мире, в котором пребывает. Диалог – форма совместного пути нахождения смыслов, одинаково важных для всех сторон, вовлеченных в коммуникативное взаимодействие. Легитимное равенство участников обмена информацией (может происходить обмен эмоциональными состояниями, включающими резкое осуждение, восхищение общественно значимыми факторами) предполагает услышанность, адекватную реакцию на поступившее сообщение. Персональная целостность индивида нарушается в том случае, если общение с социальной средой выстраивается однолинейно и не содержит точек взаимопонимания, оправданности действий. Монологичность общества в предъявлении ценностей, смыслов, отношений деформирует индивидуальное сознание, не позволяя ему выразить собственную позицию. «Настроение общности царит не там, где люди вместе, но не в общности вырывают у противящегося этому миру вожаемое изменение устройства, а там, где борьба ведется общностью за действительность своей общности» [1, с. 118]. Следует отметить, что подобная ситуация возможна на основе взаимности – заинтересованности сторон друг в друге. Общество демонстрирует гражданину свою открытость – реагируя на его отношение к происходящему в социальном пространстве, в обратную сторону посылаются знак готовности участия в общественной жизни. Видимость диалога субъектов участия социального процесса приводит к формализованному восприятию идеи коллективности, не нуждающейся в индивидуальном «Я» и лишенном атрибутики «Ты», как участников диалога, тем самым оставляя личность без реализации «со-бытия» с другими. В этой форме коммуникации осуществляется, по мнению М. Бубера, подлинное человеческое предназначение. Социализация, не способная реализовать потребность индивида быть услышанным другими в рамках социального контакта, воспринимается как чуждая и враждебная. Отдаляясь от нее, человек ищет новые способы заявить о себе, но уже качественно иными методами.

Французский экзистенциализм (Ж.-П. Сартр, Г. Марсель) обращает внимание на важный факт в понимание проблемы социального одиночества в рамках коммуникативно – ценностного подхода. Анализируя парные категории «Я – Бытие для себя» и «Я – Бытие для другого» был сделан вывод: индивид вынужден изменяться при столкновении с социальной системой, так как она выступает посредником при коммуникации с другими, принимая на себя функции селекции проходимых через нее положений, содержащих личностный посыл о собственной уникальности. Нахождение в состоянии вынужденной опосредованности вызывает трансформацию «Я», обуславливая присвоение чуждых атрибутивных качеств или пребывая в конфликте, отказываясь от них. Таким образом, социальная среда перестает выполнять функцию установления связей с индивидуальным «Я». Коммуникация через социальные каналы становится угрозой внутреннему миру человека, осознание данного факта разрывает возможную связь «Я» – бытие для себя» и «Я» – бытие для другого». Свобода как наивысшая ценность должна компенсировать ущерб, нанесенный индивиду социальным окружением, а одиночество – средство ее реализации.

Коммуникативно-ценностный подход включает в себя вопрос идентичности индивида социальной среде, членом которой он является. Отождествление внутренней сущности с другими представителями общности происходит через самообозначение «Я» средствами, принятыми и одобренными большинством. Ценностная структура общества включает совмещение индивидуальных качеств с доминантами, определившими социальный и исторический контекст коллективности. Эквивалентность поступков, знаковых выражений, внешнего вида человека, включенного в процесс коммуникации со «своими», становится основным критерием взаимодействия с общностью. Позиционирование собственной линии поведения, внутренней позиции, этикетных новаций вступает в ролевой конфликт с устоявшейся социальной моделью. Жесткая формализация эталонов мироощущения не позволяет выйти за пределы предоставляемой схемы, обозначение личностного не вмещается в отведенное обществом пространство. Установление отношений между членами социальной общности предполагает сходство в подавляющем большинстве признаков, в противном случае, общественная система выставляет охранительные барьеры с целью самосохранения.

Нормативные роли включают: 1) одобрение уклада в социальном организме; 2) наглядное соответствие принятым принципам; 3) противостояние с отклонениями от закрепленного стандарта; 4) абсолютизацию данных предпосылок.

Роловой конфликт, возникающий на почве расхождения с самоидентификацией, инициирует кризис идентификации. Индивид оказывается вне сферы участия в общественно значимом в результате внешнего отчуждения, выразившегося в непризнании за ним атрибутивных качеств необходимых для функционирования данной социальной системы. Таким образом, раскрытие самости становится предпосылкой социального одиночества. Переживание разрыва трансформируется в обособление от других, проявивших нежелание или неспособность оценить отличное от стандартов «Я». Противостояние социальных положений и собственных устремлений в сознании отдельно взятого индивида перерастает в противоречие, формирующее несовпадение с самим собой, и формирует новые дискурсы личностного приложения. Коммуникативные варианты, наполненные искусственными требованиями, вытесняют индивидуальность, оставляя ей возможность ухода в автономное существование с конструированием собственных аксиологических моделей. Феномен социального одиночества противостоит универсализации идентификационных признаков.

Список литературы

1. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – Москва: Республика, 1995. – 464 с.
2. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда / Г. Маркузе. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995. – 352 с.
3. Шпенглер, О. Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер. – Москва: Мысль, 1993. Т. 1. – 663 с.

Статья поступила в редакцию 5.06.2022

Mironov A.V. The Main Directions of Research on the Problem of Social Loneliness

The article discusses the main directions of research on the problem of social loneliness. The author presents two approaches to the reasons for the separation of a citizen from the social environment, value-communicative and socio-cultural, with the help of which the object field is determined. The ranges of social conditions that cause the loss of a citizen's interest in a socially significant activity are determined.

Keywords: social loneliness, public disappointment, mutual interest, self-identification, generally accepted norms, uniqueness of personality.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 11/13:1(470)(091)

Статья посвящена рассмотрению проблемы творчества в отечественной философии. Отдельное внимание в процессе исследования уделено изучению подходов к смысловому содержанию понятия «творчество». Также определены основные качества творческого процесса. Особое внимание в статье уделено анализу оценки позитивных и негативных сторон творческого процесса.

Ключевые слова: творчество, человек, Бог, свобода, деятельность.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Проблема творчества, его истоков и смысл являлась одной из центральных в отечественной философии. Г. Скворода утверждал, что в процессе творческой деятельности раскрывается душа человека и проявляются лучшие индивидуальные качества. Творчество сближает людей, позволяет им выразить свои чувства, мысли, свое отношение к Богу, природе и другим людям. Правда, возможность творить дана не всем людям, а, только тем, кто стремится преодолеть возможные трудности на пути к достижению приемлемого для себя результата. В. С. Соловьев считал, что только в процессе творчества происходит осознание человеком себя, как образа и подобия Бога. Созидая, человек осуществляет свое предназначение, которое заключается в духовном обновлении мира. Творчество, как определял его Л. П. Карсавин, это процесс освоения материи природного мира духовной деятельностью человека. В результате природный предмет преобразуется в произведение активного творческого акта. Только человек, который испытывает потребность созидать может считать себя подлинно счастливым. В процессе творчества личность раскрывает тайны бытия и постигает истинный смысл всеединства.

С. Л. Франк определял основу духовной жизни общества, как гармоничное единство и в тоже время, как противоборство двух начал традиции и творческой энергии. Традиции сохраняют «память» прошлого в настоящем, способствуя их передаче будущему с целью рождения нового. Также и творческая энергия, рождая новое, влияет на изменение будущего. Носителем традиций, как устойчивого момента общественного бытия выступает общество, представляющее собой связь поколений. Носителем творческой энергии, как считал философ, является свободная индивидуальность.

Традиции и ценности прошлого в социальной жизни находят свое отражение в привычных нравах, нравственных оценках, в устойчивых формах правовых, политических и социальных отношений. Их выражением является единство совместной жизни. Каждый человек воспринимает традиции с момента рождения, рассматривая их как некую данность и основу приобщения к общественной жизни. Тогда как, утверждал философ, творческая энергия зарождается в глубине индивидуального духа, в центре личности, а затем проявляется и утверждается в социальной среде. Эту двойственную связь Франк образно назвал взаимодействием женского и мужского начал общественности. Функцией женского начала является защита и обеспечение непрерывности общественной жизни. Функция мужского начала – творческая активность, как условие зарождения нового. В какой-то мере русский философ заимствовал эти термины у античных мыслителей с целью анализа гармоничного равновесия между двумя формами проявления общественной жизни.

Традиции могут препятствовать проявлениям творческой инициативы, поэтому, по мнению философа, одной из важнейших задач общества должно быть сближение этих начал, их гармонизация. Там, где принцип сохранения старых традиций и отношений затрагивает все сферы общества, приобретая строго регламентирующий характер, может подавляться энергия свободного творчества, а в результате сама духовная жизнь. Духовная жизнь – это творческий порыв,

стремление к новому, преодоление границ физического мира и проявление бесконечного многообразия потенциала человека. Франк утверждал: «Но все окостеневшее, парализованное, лишенное притока живой духовной крови, неизбежно разваливается, распадается на части; и с другой стороны; задержанный поток духовного творчества, не находя для себя непосредственного воплощения, становится разрушительным водоворотом бунтарства, силой, внутренне отравленной этим болезненным искажением, превращающим его из начала творческого в начало разрушительное» [4, с. 269]. Таким образом, стремление сохранить преемственность поколений, традиции социального уклада может стать причиной, сдерживающей зарождение новых форм культуры, искусства, областей науки.

Творческая инициатива также должна быть ограничена, иначе может быть утрачен ее импульс развития. Философ обратил внимание, что творческое созидание не должно строиться на отрицании старого, а, наоборот, его преобразении, видоизменении. Франк сделал вывод, что результатом абсолютизации значения традиций в жизни общества является духовный консерватизм, а безграничности творческой новизны – радикализм.

Взаимодействие творчества и традиций являются двумя сторонами одной общественной задачи. Сохранение традиций в духовной жизни может и должно быть направлено на поддержку творческой активности, развития инициатив в области социальных отношений и духовной стороны жизнедеятельности общества. Социальная политика, основанная на понимании взаимодействия этих двух начал будет способствовать как творческой свободе, так и основам ее проявления. Творчество должно объединять людей, а не разъединять их по различным интересам, способствовать осознанному стремлению граждан к соборному единству.

В творчестве проявляются сущностные качества человека, заложенные Богом, прежде всего, чувство причастности к непостижимому. Творя, человек постигает божественный замысел, пытаясь воспроизвести его в различных формах и это многообразие и является проявлением творческой свободы. В тоже время, как утверждал Франк, путь к постижению божественного, беспредельного – это путь трагический. Первая форма постижения беспредельного – это чувство ужаса, которое испытывает человек, осознавая границы своей обыденной жизни и безграничность пути к истине. Но, иначе, как считал философ человеку невозможно оценить и выразить космическую красоту. Трагизм данной ситуации может усилиться по двум причинам. Во-первых, мир изменчив, причина изменений – действия людей. Поэтому творческая личность не «копирует» мир, а создает его. Не понимание этого факта может, в результате привести к разрушению красоты мира. Во-вторых, мир красоты не является единым, скорее это своеобразное соединение множества индивидуальных и социальных миров, соответствующих множеству взглядов, интересов и т.п. В связи с этим, творческая инициатива не должна придерживаться какой – то одной основополагающей идеи, пусть и исходящей от социальной «элиты».

Важным качеством творческой личности, как считал Л. Шестов, является постоянство. Благодаря этому качеству, человек сосредотачивается на конкретном виде деятельности и может свои навыки довести до совершенства. Но, для этого, творческой личности необходимо отказаться от стремлений, желаний, т. е. от свойственного всем людям потребности проявлять разнообразные качества своего «Я».

Второе качество талантливых людей, отечественный философ образно назвал «творческое безумие». Этот термин Шестов заимствовал у Ф. Ницше, утверждая, что данное качество позволяет человеку расширить границы представления об окружающем его мире. Но создавая, личность находится в постоянном процессе перехода от страдания к неудаче. Причина страдания – состояние неизвестности, а неудачи – непредсказуемость. Открывая другим людям свою душу, творческая личность стремится ответить на вопрос: творить – это дар Бога или мука?

На формирование творческих качеств влияет социальная среда. Крестьянская среда не нуждается в творческих личностях. Шестов писал:

«Для нашей черной, мужицкой, человеческой работы Моцарты не годятся. Они нам кажутся праздными, нудными, бессодержательными» [5, с. 221]. Но, для другой социальной среды, недостатки человека станут достоинством, стимулом к новому творчеству, источником вдохновения.

Язык красоты многообразен и сложен и не все его понимают, а большинство людей вообще не могут на нем говорить, объясняя этот факт отсутствием воображения или фантазии, но, как считал русский философ, причина заключается не в этом. Люди живут в мире предметов, привыкают к ним и красота обычного для них мира им не ясна. Красота природы остается для человека непостижимой тайной, так как природа равнодушна к творческим стремлениям и часто

«отнимает» результат творческого процесса. Проблема творчества заключается не в создании нового, а в возможности передать смысл красоты другим людям. Красоту нельзя передать рациональными понятиями, да и единой идеи красоты нет и не может быть. Постигая прекрасное, как утверждал философ, необходимо отречься от своих планов, да и от самого себя.

Основная ошибка творческой личности заключается в проявлении чувства гордости за свой талант. Необходимо гордиться не талантом, а святостью, указывал русский философ. Гордыня не способствует творческому вдохновению, поиску нового. Она, скорее выражает желание оставаться в границах классических форм, а не стремиться к выражению бесконечного.

Раскрывая проблему творческих возможностей человека, русский философ критиковал рационализм, представляющий мир и человеческое поведение как подчиненные некой логической закономерности. Поэтому в качестве главного источника культурного творчества Шестов выбрал абсолютную веру в Бога, которая, позволяет не только оценить возможность того, что не укладывается в границы естественно-природной необходимости, проявляется как чудо, но и почувствовать ничем не ограниченную человеческую свободу, в которой укоренена его способность к творчеству. Отечественный философ полагал, что свобода является источником творческой активности личности и не может быть сведена, как внутреннее состояние человека, к общим формулам и требованиям.

Одним из врагов процесса творчества является время. Оно безжалостно, как к творению, так и к творцу. Время рождает и разрушает, оценивает и осуждает. Оно любит правду и ненавидит ложь. Время показывает, что в мире все изменчиво, противоречиво и добро может стать злом, но, как считал русский философ, именно время дает возможность осознания, как из простого человека может родиться гений.

Творчество – это поиск нового, утверждал И. А. Ильин. Человек не может ни творить мыслью, сердцем, волей. Но, он не всегда задумывается, что создаваемая им культура оказывается безбожной, впадает в пошлость, вырождается. Философ предупреждал, что любая творческая личность должна нести ответственность за свою деятельность и ее результаты.

Каким должен быть творческий человек? Прежде всего свободным от каких – либо внешних предписаний, ограничений, препятствующих его духовному развитию, творческому вдохновению. Свобода творчества не отрицает ответственность, а, наоборот, предусматривает возможность свободного поиска, творческого усмотрения. Русский философ обратил внимание, что право на творчество не является правом на разврат или духовное безвкусице.

Для творческой личности необходимо предоставить все условия для ее развития, начиная с самого детства. Духовная атмосфера семьи способствует развитию склонности к активной жизни, стремлению проявить себя в какой-либо области деятельности. В дальнейшем, общество обязано оказать помощь, защитить, чтобы творческий человек мог создавать свои лучшие произведения. Если человек способен воспроизводить свои мысли и передавать их другим людям, он должен иметь все условия для своего напряженного труда и истинного созидания. Даже отдыхая, творческий человек продолжает творить, отменяя все несущественное, случайное, чтобы жить и понимать необходимое и важное. Ильин писал: «Он погружает свой взор во «внутреннее», в глубину; но не просто в пространство своих субъективных переживаний, воспоминаний и фантазий, но в сферу предметного бытия, чтобы воспринять его сущность, чтобы удержать ее в верной и точной форме» [3, с. 784].

Свобода духовного человека позволяет преодолевать ему ограничения своего внутреннего опыта, но это не означает, что он волен что-либо произвольно изобретать или выдумывать по собственному усмотрению. Он должен внимать, «созерцать» и «вслушиваться». Творческий процесс требует полного погружения в предмет поиска до того момента, пока предмет не начнет говорить через него, в различных формах выражения. Творчество направлено на преодоление противоречия двух элементов земной жизни: хаоса случайной пыли и субстанциональной ткани. И, только в этом случае, как образно выразил это процесс Ильин, человек, блуждая в темноте, увидит источник света. Поэтому задача творческой личности заключается в помощи тем людям, которые самостоятельно не осознают прелесть возвышенного и не замечают красоты окружающего их мира. Творческий человек призван дарить свой талант, побуждая других людей к действию, осознанию, активной свободе.

Что отличает обычного человека от гения? Отвечая на этот вопрос, Ильин утверждал, что гений говорит не только от себя, но и за весь свой народ. Да, многое, из того, о чем говорит гений большинству людей не доступно, а, может быть даже не понятно. Творческое достояние гения – это путь, которому надо научиться следовать, путь духовного освобождения.

Ильин различал две формы творческой деятельности. Первая – это «творческая ложь», как сознательная попытка искажения красоты мира, выдаваемая за новый взгляд на окружающий мир. «Творческая ложь» или, другими словами, «творчество из свободы» разрушительно по своей сущности из – за стремления субъекта властвовать над предметом творческого действия. Вторая форма – подлинное творчество, возникающая из сверх – свободного созерцания, процесс подъема вверх, с целью воссоздания божественной красоты.

Творчество – это активный, свободный процесс деяния считал Н. А. Бердяев. Деяние, т. к. его результатом, как в материальном, так и в духовном отношении является нечто новое. Как и большинство русских философов, Бердяев считал, что возможность творить является божественным даром, за который человек платит муками и радостью, страданием и любовью.

Процесс творчества включает в себя четыре элемента. Во-первых, творчество – это проявление свободы, как условия к созидания нового и преодоления границ своего «Я». Только, осознавая себя свободным, человек совершает волевой акт, превращая его в настоящее предметное, имеющее цель, активное действие. Свобода, как считал русский философ имеет две формы: божественную, созидательную и люциферовскую, разрушительную. Обе эти формы характерны для человека и находятся в постоянном процессе противоборства. Но именно это противоборство вносит в творческий процесс содержательный характер, т. к. созидая, человек разрушает устаревшие шаблоны, стереотипы, ценности и т. п.

Во-вторых, творчество – это дар Бога творца своему творению – человеку. В этом отношении, творческая личность является орудием божественного предначертания. От Бога исходит призыв, который должен слышать человек, чтобы осуществить свое призвание, воплотить свои идеи, мечты, а, возможно и страдания.

Третьим элементом является мир. В процессе творчества создается иной мир, подлинный космос. Бердяев утверждал: «Творчество не есть приспособление к этому миру, к необходимости этого мира, – творчество есть переход за грани этого мира и преодоление его необходимости» [1, с.146]. Созидая, личность побеждает свое «демоническое» начало земного мира, а его творение – физический план бытия.

Четвертым элементом, по мнению философа, является закон. Закон – это необходимая сторона существования природного мира, как «царства необходимости». Действие закона, как в природе, так и в жизни людей нельзя отрицать. Но закон может быть внутренне пережит и отменен творчеством через искупление, преобразуя мир зла в реальность проявления свободной доброй воли, любви.

Любой процесс творчества – это взаимодействие созерцания и действия. Созерцая, творческая личность постигает смысл божественной красоты, ставит задачи своего труда, с целью претворения их в действие. Это внутренняя сторона творческого процесса, в результате которого она переходит во внешнюю сторону, становясь достоянием других людей. Созерцание и действие может носить ложный характер. Если созерцательность лишена чувства приобщения к возвышенному, то она носит аристократически – потребительский характер, а действие, скорее становится копированием, а не творчеством.

Бердяев подчеркивал, что творческий процесс может осуществляться, как по линии восходящей, так и по линии нисходящей. Первоначально творческий процесс происходит вне объективного мира, вне времени и пространства. Это и есть первый шаг в «иной» мир, или, как говорил философ «шаг вверх». Творческая личность, как бы пребывает в состоянии духовного подъема, при котором стремится выразить не цель своего творческого замысла, а состояние творческого экстаза. Творчество не имеет ничего общего ни с процессом «овеществления», ни с процессом «объективации». В процессе «овеществления» человек просто «тиражирует» предметы окружающего мира, поэтому этот процесс лишен элемента новизны. При процессе «объективации» не происходит преобразования мира, т.к. предмет деятельности остается в границах существующего природного мира и, тем самым, является выражением приобщения к нему. Творчество – это воплощение человека, переход из ограниченного материального мира в бесконечный мир духа. Да, как указывал Бердяев, творческий продукт объективен, но в процессе созидания он приобретает эсхатологический характер, т.е. как переход в «иной» мир или начало нового. Но нельзя отрицать, что границы активного творчества не редко являются препятствием для свободного проявления духовного подъема.

Творчество субъективно. Субъективная сторона творческого процесса, по мнению философа, может проявляться в различных формах. Для одних, творчество – это желание поделиться своим внутренним опытом, мыслями о возможном изменении окружающей

действительности. Для других, творческий процесс является попыткой выражения своего отношения к Богу, миру и другим людям. Для третьих, творчество – это жизнь, процесс самореализации и самоутверждения. Но, характерной чертой всех форм проявления субъективности, необходимо считать, «поиск смысла в бессмысленном мире природных предметов». Смысл имеет ценность, поэтому любое творческое стремление ценно. Отрицая смысл, человек не смог бы поддерживать условия своего бытия в мире и изменять их. Определяя смысл, личность приближает наступление нового этапа в развитии культуры, который русский философ определил, как «творческая религиозная эпоха».

Эта эпоха есть результат воплощения свободы в творческом акте. Как считал русский философ, творчество становится богочеловеческой религией, проявлением сотрудничества Бога и человеческой личности, а человек может уподобиться Богу – творцу. Материя природного мира, благодаря творческой активности человека подчиняется проявлениям духа. Бердяев утверждал: «Человек есть демиург, он творит, работая над материей мира, оформляя и просветляя ее» [2, с.252].

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ, 2002. – 688 с.
2. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
3. Ильин, И. А. Почему мы верим в Россию: Сочинения / И. А. Ильин. – М.: Эксмо, 2007. – 912 с.
4. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – Нью-Йорк: Посев, 1988. – 316 с.
5. Шестов, Л. И. Сочинения в двух томах / Л. И. Шестов. – М.: Наука, 1993. – Т.2 – 559 с.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022

Chugunov, S.V. *The Problem of Creativity in Russian Philosophy*

The article is devoted to the problem of creativity in Russian philosophy. Special attention in the process of research is paid to the study of approaches to the semantic content of the concept of "creativity". The main qualities of the creative process are also defined. The article pays closer attention to the analysis of the evaluation of the positive and negative aspects of the creative process.

Keywords: creativity, man, God, freedom, activity.

УДК 17.022.1:821.161.1

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «счастье», сформировавшемуся в культуре со времен античности до настоящего времени. В разные исторические эпохи путь от живого созерцания счастья к абстрактному мысленному его представлению был преисполнен для человека недоумений и загадок. В статье прослеживается траектория различных подходов к выделенной категории, анализ которой показывает глубокие различия в способах её закрепления в толчее социального бытия в культурах разного типа. Осуществлена попытка переноса предметного анализа категории «счастье» из традиционных философских, социологических, экономических интерпретаций в сферу литературных оценок и построений с целью определения допустимого уровня их интеграции. Указанный методологический дрейф отслеживается на фоне литературной критики В. В. Розанова знаменитой «Легенды о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Оценкам В. В. Розанова уже полтора столетия, но и сегодня нас не оставляет ощущение, что в них содержится очень многозначительная недосказанность, которую всё ещё не удаётся раскрыть целиком на языке современных интерпретаций.

Ключевые слова: счастье, смысл, ценностная установка, благополучие, Ф. М. Достоевский и культура, критика В. В. Розанова.

А. П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук

E-mail: kormanial@mail.ru

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

О. С. Стаценко, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: stacenkooksana@mail.ru

ФЕНОМЕН СЧАСТЬЯ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Что может быть самоочевидней счастья, его присутствия в жизни человека, без которого сама жизнь начинает восприниматься как нечто бессодержательное, бессмысленное? Счастье пронизывает человека целиком, охватывает его полностью, даря ощущение радости бытия, тем самым естественным образом приводя человека к мысли, что счастье и радость – суть одно и то же. Растворенность счастливых ощущений в океане человеческой чувственности, помимо феноменологической данности, одновременно представляется человеческому существу чем-то таким, что дано ему от рождения.

Подобные благодушные рассуждения, заканчиваются в тот момент, когда мы пытаемся объективировать счастье в понятии, стремимся запечатлеть его природу. Может быть, на острие подобных размышлений и родилось всем известное суждение: «Остановись, мгновенье – ты прекрасно!». Действительно, получается так, что человек, ощущающий череду мгновений счастья, интуитивно стремится их сохранить, памятуя, что счастье – быстротечно, а сохранение – это всегда статика, неподвижность. Логика и чувственность вступают в острое противостояние. Поэтому первичная рефлексия понятия «счастье» уже нас настораживает возникновением таких смыслов, как зыбкость, призрачность, неуловимость, которые усиливают нашу настороженность в восприятии чувственной достоверности радости. Если попытаться соединить перечисленные свойства счастья в один кластер, то, с некоторыми оговорками, мы приходим к пониманию его мимолетности, т. е. данности его из вне в форме отрешенной рассудочности.

Подчиняясь естественно-историческим нормам своих базовых языков, различные типы культуры по-разному именуют эту предметную характеристику «счастья», точнее говоря, выделяют его денотат далеко не одинаковым образом. При этом фиксируют способ его присутствия в человеческой жизни в наиболее общем виде, начиная от бытовых восприятий и кончая философскими раздумьями.

Если начать анализ с культуры западной части Европы, то нельзя не отметить тот факт, что изначально она формировалась по аристотелевскому канону, ориентирующему духовную практику на выявлении, прежде всего, общего.

Пройдя извилистым путем, западноевропейская версия понимания «счастья» в его обобщенном виде тесно связала его с понятием «фатум», подчеркивая роль судьбы.

Западноевропейский (точнее – романо-германский) «фатум» ставит логическое ударение на том, что существует свыше, вне меня, т.е. холодно-отстраненно. Он может быть благосклонен или враждебен мне, человеку, как что-то такое, что принципиально не совпадает со мной, не мерно тем или иным человеческим проявлениям, потому что является элементом другого, точнее – иного, пространственно-временного, континуума. В этой связи Аврелий Августин и говаривал, что он знает, что такое время, пока его об этом не спрашивают. Отметим, что понятие «счастье», как и другие ценностные понятия, шло дедуктивным путем выведения необходимых и достаточных признаков, и потому при его понимании возникают отмеченные затруднения в стиле Августина, которые в дальнейшем еще больше усложняли проблему восприятия и понимание «счастья».

Августин, как это можно было заметить, сосредотачивается все же на части проблемы, говоря о временном аспекте «счастья», точнее, о временной оболочке его ощущения.

В дальнейшем это породит своеобразное смысловое цунами в культуре, пытавшейся, вопреки Августину, сохранить временную определенность – хотя бы для того, чтобы реально понимать нахождение человека в течении времени – одновременно с этим недоумевая по поводу пространственного измерения человеческого бытия. Действительно, стоит оказаться в отличном от христианства культурном мире, например, в буддистском смысловом поле, как возникает вопрос, ставящий сознание в тупик: когда счастье достигнуто, дальше – нирвана и...все? Возникает перерыв непрерывности, остающийся без объяснения... Несколько раздвинем круг рассуждений.

Если вспомнить содержание знаменитого «арзамасского ужаса» Толстого, запечатленного в образе мечущегося Пьера Безухова, когда человеческое существо трепещет от ужаса ощущения неумолимо надвигающейся смерти и мысль «я – смертен» поглощает собой все вокруг, тогда единственным спасением является пронзительная мысль, что всё – во мне самом. А это означает, что человек – выше пространства и времени, и счастье его погружено в вечность. Таким образом, под пером Л. Толстого оживают идеи Возрождения, отраженные в трудах Н. Кузанского, утверждавшего, что космос – это сфера, образованная бесконечным радиусом, в центре которой и находится человек...

Как здесь не восхититься удивительным слиянием литературы и философии разных стран и народов (может, это различные формы одного и того же?), органическим соединением западного кристаллизованного рационализма и великого прозрения русского духа? Зрелище, безусловно, завораживающее своей значительностью и глубиной, но, вместе с тем, и поражающее нас своей редкостью, доходящей до мысли о случайности подобных союзов. Когда видишь подобное, в горле возникает стеснение и замирают слова: «Неисповедимы пути Создателя...». Однако, вернемся к теме.

Помимо вселенских аспектов понимания континуума «пространство – время», культура реагирует на непостоянство форм субъективной фиксации счастья.

М. Пруст будет говорить об эффекте ускользания счастья, русский писатель И. А. Бунин обращает внимание на то, что о счастье мы вспоминаем, как о чем-то светлом и дорогом (этим чувством пронизаны его удивительные рассказы из «Темных аллей»), в русском эпосе вспоминается славный град Китеж и остров Буян и т.п.

Из перечисленного невольно возникает вопрос: «Неужели счастье – это всего лишь настроение?», т.е. оживают, свойственные ещё Аристотелю, стремления мыслить счастье через психическое состояние.

Как видно, отвлеченные формы психологических раздумий о счастье возникают ещё в античное время и сохраняют свое значение в культуре Западной Европы до сегодняшнего дня, приобретая при этом оттенок предельной обобщенности, когда человеческая уникальность независимо трансформируется в тяжеловесные дефиниции. Славянская версия по способу конструирования противоположна и основывается на индукции жизненных ситуаций, которая фиксировала мир ощущений, а не ощущения мира, т.е. объект фиксации в последующем не логицировался, а погружался в океан православной экстастики, когда символ веры, религиозное чувство, моральный принцип и сам мир сливались вместе. Общественное сознание, подвергавшееся подобному влиянию на протяжении столетий, неизбежно вырабатывало в себе особые регулятивы, когда сам регулятив из инструмента, т.е. чего-то сотворенного, превращался в

некий самостоятельно бытийствующий императив, получивший особое имя, известное нам как «доля». Отмеченная особенность отечественной культуры устойчиво проявляется практически на всех этапах её развития, но атрибутивной характеристикой становится во время всеохватного господства идеологий, рожденных логикой «обострения классовой борьбы» Революционный энтузиазм, проявляясь везде, где можно, в сфере духовной, точнее – философской культуры, строил себя согласно принципу известного советского поэта М. Светлова: «Мы диалектику учили не по Гегелю», что невольно обостряло вопрос о критериях счастья, понимания его содержания и осознания его места в бытии человека. Острые формы революционного сознания миновали относительно быстро, и в повестку дня неотвратимо стал возвращаться вопрос, прежде квалифицировавшийся как мещанский. Неудивительно, что трудным и запутанным сюжетам философского поиска предпочли, как тогда казалось, очевидный способ фиксации житейской правды, облеченный в рубленные фразы политического текста. Со свойственной ему прямоотой и безапелляционностью Н. С. Хрущев предложил в свое время простой способ народного понимания счастья, как максимально широкий доступ к материальным и духовным благам. На первый взгляд могло показаться, что многовековая трудность понимания счастья преодолена, но, углубляясь в проблему, мы наталкиваемся на не менее трудные вопросы о том, что такое благо, как оно и почему возникает и т.д. Поэтому, охватывая историческое время целиком, мы замечаем, что славянская семиотика слова «счастье» выводилась отличным от западноевропейского способом и базировалась, как было сказано выше, на понятии «доля». Оно, прежде всего, обозначало альтернативу возможных состояний человеческой жизни, неотрывно ей присущих, тогда как «фатум», «рок» мыслились как внешняя, во многом враждебная человеку сила.

Славянофильская школа, в противоположность западникам, стремилась воспринимать мир и человека как некое системное целое, как одно, что, по мысли И. В. Киреевского, соответствовало духу православно-христианского любомудрия [3, с. 202].

Созвучные мысли мы находим и у В. В. Зеньковского, который самобытность славянофильства выводил из русского православия [2, с. 315].

Составляя западноевропейскую и славянофильскую традицию понимания счастья, мы не можем не обратить внимания на некую раздвоенность смыслов счастья, характерную для католического мира, приведшую западную культуру к декларациям в стиле «Бунтующего человека» А. Камю. Отмеченные ещё Ф. Ницше и О. Шпенглером столкновение аполлонической (материнской или античной) и фаустовской (поздней или западноевропейской) культуры во многом было обусловлено сложными и неоднозначными процессами переформатирования понятия «счастья» в историческом отображении ценностного мира человека.

Античность, следуя Сократу, тематику счастья, саму его природу, стремилась отобразить (в различных школах по-разному, реализуя отличные логические подходы и философские техники) диалектически, пусть и несколько наивно с современной точки зрения развития философского знания.

Мы не ставили перед собой задачу создания широкого и подробного историко-философского полотна, а лишь указываем всем на одну, но очень важную, на наш взгляд, черту античного понимания «счастья», присущую и ригоризму, и эвдемонизму, а именно: его интенциональность. Эту особенность мысль древних обрела, скорее всего, не в результате целенаправленных действий, она сложилась естественным образом, следуя за причудливыми извивами жизненной вязи. Смысл понятия определялся не в нем самом, как велел сократический канон, а выводился операционально, т.е. через стремление к чему-то внешне устойчивому, неизменному. Если вспомнить Эпикура, которого потомки, конечно же, не случайно нарекли эпитетом «божественный», то счастье в его понимании всегда было связано с научением наслаждаться необходимым.

Отсюда вытекало два важных следствия. Во-первых, счастье как таковое, а не его миг, не дается сразу и целиком, т.е. экзистенцию счастья зафиксировать сложно, хотя бы в силу его многозначности (операциональный аспект). Во-вторых, счастье, как элемент действительности, а не мечты (о счастье можно ещё и грезить), всегда сопряжено с необходимостью, с внешней силовой природой мира (алетический аспект). Таким образом, правильному соотношению счастья и необходимости надлежит научиться, а здесь уже различимо звучат мотивы сократовской майевтики, ведущей к логическому постижению счастья. Так возникает и закрепляется традиция античной риторики, представляющая одну из попыток построения дискурса счастья. Внутри указанной традиции прорастут в дальнейшем семена безудержного эпикурейства, элиминирующего счастье к удовольствию, и аристотелевского морального рационализма, основанного на принципе «аретэ». Если первый путь растворял себя в глубинах гедоники, то

второй осознавал себя в необходимости строгого подчинения законам логицизирующего разума. Этот разрыв в дальнейшем и приведет современную моральную практику Европы – прежде всего её оценочные механизмы – к логике двойных стандартов, но об этом скажем подробнее ниже.

Сейчас укажем на то, что в эпоху аполлониизма философская мысль из всех сил стремилась объединить оба эти пути, осуществить, насколько это возможно, оба эти начала одновременно, т.е. синтезировать их. Поэтому неоплатонизм устами Плотина произнесет новую для своего времени философскую формулу понимания момента наступления счастья: он по своей природе экстатичен, поскольку экстаз представляет собой умственное удовольствие.

Таким образом, на страницах философских неоплатонических трактатов принципы Сократа и Эпикура слились и...застыли в своей непостижимости, т.к. приходилось сопоставлять логику Эроса и Логоса, которые в одном аналитическом поле мыслились с трудом.

Парадоксальность сотворенной античностью философской формы понимания счастья наложила отпечаток на дальнейшее развитие патристики и схоластики. Ф. Аквинский, создавая свой декалог, стремился примысливать счастье исключительно в терминах божественной благодати, осиянной фаворским светом.

Таким образом, схоластика, да и все христианское богословие в дальнейшем будут вынуждены осознавать счастье, его природу в терминах неземной, данной свыше сущности. Подобный шаг был осуществим только тогда, когда самая высокая степень счастья воспринималась как референция божественной воли, воплощенной в христианском блаженстве. Если аристотелевское учение об «аретэ» воспринималось им самим и окружением как некий эликсир счастья, совпадающий с добродетелью и в этом качестве выступающий как чувственно-распознаваемый и, одновременно, логически обоснованный принцип, то богословская традиция, оттолкнувшись от чувственного, связала блаженство с нищетой духа, подчеркивая тем самым, что счастье и несчастье творятся по неземным законам не здесь и не для нас. Не случайно поэтому возникновение на Руси культов почитания Василия Блаженного, Ксении Блаженной, в которых, в первую очередь, подчеркивалась асоциальность культовых фигурантов. Эта черта их облика возвеличивалась и возносилась до небес. Конечно, сию черту культовых практик можно отнести на счет религиозной экзальтации, но как тогда объяснить, что в процессе исторического творения русского языка (а творцом этого процесса является народ) возникают такие устойчивые словесные конструкции, как «счастливый жребий» или «выпадает счастье». Невольно вспоминается «Горе от ума» А. Грибоедова, в котором, следуя за речевым народным обыкновением, автор обозначает успех в свете, счастливый взлет карьеры словами «...он в случае», поясняя смысл выражения идиомой, вошедшей в современный язык: «упал он больно, встал здорово».

Филологические изыскания сущности счастья, на наш взгляд, могут продолжаться без конца, т.к. смысловая палитра этого понятия многокрасочна и бесконечно разнородна, что неумолимо возвращает мысли о счастье на философские рельсы. Вспоминая интеллектуальный опыт древних, при решении любой проблемы мы должны «посадить ее на рога» дилеммы или, говоря современным языком, создать значимый для времени дискурс счастья. Если античность усматривала его в риторике, богословская мысль растворяла в понятии «святость», а Просвещение уже видело в нем конечную цель жизни, то известный кинорежиссер XX в. А. Тарковский решительно разрывает рассматриваемый смысловой круг, заявив, что в жизни есть что-то более ценное, чем счастье, ставя, таким образом, интеллектуальную практику XX в. в противоположность предшествующему времени.

Если попытаться проследить истоки возникновения подобной логики, то с некоторым удивлением мы их обнаруживаем в тексте Конституций США, Бутана и других стран, где с подкупающей откровенностью утверждается право (пример смысловой трансформации многоуровневого понятия ценностного сознания в линейный юридический термин, жестко сопряженный с другим юридическим понятием «обязанность») гражданина на счастье, которое понимается как право быть благополучным.

Заметим в этой связи, что в обществах, строящих себя по подобным ценностным ориентирам, наступает кризис понимания смысла существования, и поэтому отождествление счастья с благополучием представляет собой не просто мещанскую смысловую скороговорку, представляющую интерес только для изготовления идеологических штампов, а является объективным маркером глубоких подвижек в области формирования ценностных установок, лежащих в основе человеческого поведения.

Не стоит тратить время и силы на обоснование того очевидного вывода, что этический утилитаризм выступает готовой теоретической и аксиологической изложницей, вмещающей в себя

обозначенные выше смыслы. Во-первых, очевидно, что право быть благополучным доступно лишь сильным, способным одерживать победу над окружающими раз за разом в своем стремлении к счастью. Во-вторых, присутствие сильных неизбежно порождает слабых, тем самым узаконивая, увековечивая глубинное общественное противоречие и, следовательно, исключая возможность гармоничного развития человеческих солидарностей. В-третьих, рациональное начало объявляется едва ли не единственным маяком на жизненном пути.

Если посмотреть на различные аксиологические конструкции, созданные в разное время и разными общественными силами (пусть пример не изумляет нас нарочитостью), то, сравнивая девиз российских эсеров «В борьбе обрешь ты право свое!» и лозунг немецких молодежных организаций НСДАП «Сила – через радость!», трудно не заметить, что отливались эти запоминающиеся фразы в одной смысловой форме, апробированной ещё отцами-основателями самой передовой демократической государственной модели в мире, т.е. США.

На первый взгляд может показаться, что обозначенная логика близка логике известного критика теорий нравственного чувства и естественного права Иеремии Бентама, который не останавливался перед введением «шкалы удовольствия и страданий», лежащей в основе его «моральной арифметики» (а последняя реализуема только в результате точного расчета). Его формула подкупающе проста: благо нравственного поступка обращено к предельному счастью возможно большего числа людей. Доступность указанной фразы для понимания в дальнейшем приведет к АБЕРРАЦИИ профессионального сознания С. Л. Франка, утверждавшего необходимость «сверхрационализма», суть которого сводилась к утверждению о том, что оправданы любые страдания людей, если они приводят к росту общего счастья.

Крайняя степень рационализма С. Л. Франка в его творчестве причудливо уживалась с концепцией добра Н. Кузанского и идеей всеединства Вл. Соловьева. Вероятно, сам С. Л. Франк чувствовал некий теоретический перебор в своих интуитивистских построениях и стремился, как нам кажется, уравновесить их суждениями философской классики. Правда, эти попытки не мешали его стремлению слить свою картину с феноменологией и экзистенциализмом, что всегда затрудняло целостное восприятие его воззрений.

Решительную попытку стать выше философских стереотипов предпримет замечательный русский писатель Ф. М. Достоевский, которому принадлежит и сегодня не до конца осознанная идея выведения этических принципов – и счастья в том числе – из страдания. Знаменитая «Пушкинская речь» Достоевского, в которой раскрыто содержание его размышлений о сущности этического, сводится к несложной внешне мысли о том, что все мы в самих себе не имеем значения, а обретаем его тогда, когда осознаем характер нашего отношения к ценностям высшего характера. Скорее всего, это и имел в виду уже упоминавшийся А. Тарковский, когда говорил о том, что выше счастья существует еще нечто.

Когда заходит речь о творчестве Ф. М. Достоевского, мы не можем не отметить того факта, что своим возникновением оно во многом обязано культурному обаянию идей славянофилов. Идеи И. Киреевского, Ю. Самарина, Н. Данилевского, К. Леонтьева, братьев Аксаковых и др. и образовали, по словам выдающегося публициста В. В. Розанова, основу школы «протеста психологического склада русского народа против всего, что создано психическим складом романо-германских народов [4, с. 177].

Сказано резко, безапелляционно, как это вообще присуще розановскому стилю, но очень по существу. Занозистость фразы особенно беспокоит сегодня, когда к традиционно успокоительной мысли о том, что кто-то, а уж мы то сидим на сундуке, набитом золотом, добавляется понимание, что поднять крышку сундука – пока или впредь? – не можем.

Любопытно сравнивать эту ситуацию с нашей стороны и со стороны западных контрагентов. Если нас, образно говоря, мучают мысли о неподатливости крышки сундука (справившись с нею, полагаем мы, с возникшими проблемами современной жизни как-то разберемся, в крайнем случае – заплатим), то западный мир застыл от негодования, что содержимое сундука столь огромно, но главное – для него маняще-недоступно.

Это обстоятельство, на наш взгляд, многое проясняет в поведении участников современной социальной драмы Востока и Запада, развернувшейся на наших глазах.

Соотечественники с решительностью, достойной лучшего применения, принялись примерять на себя различные модели общественного развития (чего стоит один резкий поворот от социализма к рынку, когда движение исторического времени от прошлого к будущему, подчиняющееся велению генетической логики, а именно: «от низшего к высшему», «от простого к сложному» – вдруг оказалось повернутым вспять). Помимо морфологических изменений вокруг себя – рынки,

биржи, банки и т.п. – мы замечаем глубокие изменения в сфере ценностных воззрений россиян, которые далеко не всегда осознаются наличной общественной практикой, что добавляет современной социальной динамике дополнительные негативные, а порой и драматические оттенки.

Смена общественного устройства естественным образом изменяет и философский абрис культуры, который мы наблюдаем в форме сдвига от марксистской философии к идеям либерально-демократического толка.

В этой связи на ум приходят нерадостные мысли, когда перебираешь ход отечественной истории последних ста с небольшим лет.

В 1902 г. В. В. Розанов пишет статью с говорящим названием «Почему мы отказываемся от «наследства 60-70-х годов?»» [5, с. 120-132]. Написана напористо, с надеждой. Чуть позже уже Ульянов-Ленин создаст свою работу со схожим названием – «От какого наследства мы отказываемся?». Век прошел – и мы вновь в отказниках... Невольно вспоминаются строки А. Кушнера:

«Времена не выбирают, в них живут и умирают.

Большей пошлости на свете больше нет, чем кланчить и пенять.

Будто можно те на эти, как на рынке поменять».

Правоту поэта, пусть и не напрямую, подтверждают данные аналитиков из Центра статистических разработок (ЦСР) о том, что «поток трудовых мигрантов из СНГ в Россию...постоянно сокращается: к 2018 г. число легальных мигрантов уменьшилось вдвое по сравнению с 2014-м» [6]. На наш взгляд, это связано не только и не столько с экономическими факторами (девальвация рубля, сжатие российского рынка труда), сколько с уже упоминавшимся нами явлением «ценностного дрейфа» в современной России. Пробелы в общественной аксиологии очевидно увеличиваются в связи с увеличивающимся социальным расслоением общества, которое фиксируется посредством роста напряженности механизмов социального контроля, формирующих, в частности, и структуру трудовой миграции. В ней все отчетливее заметны меняющиеся мотивы трудовых перемещений: на смену утвержденным мотивам «для чего я еду из дома» приходят отрицательные мотивы «от чего я уезжаю отсюда».

Очевидно, не стоит укорять и мигрантов, и автохтонов за их стремление обрести более подходящие условия жизни, более благосклонные к ним (думается, что в этот момент и происходит смещение понятий «счастье» и «благополучие»). Однако, невозможно не видеть и обратного: улучшение личной судьбы нередко сопряжено с ростом общественной напряженности.

Ощущение социального дискомфорта волей или неволей заставляет соотечественников, жителей СНГ обращать свой взор на западных соседей в поисках утешающего примера, но, увы... «сладки бубны за горами».

Западные, как теперь принято выражаться, партнеры тоже, оказывается, не дремлют и выписывают еще более замысловатые исторические фигуры слова и дела, рожденные их пониманием природы счастья нынешнего.

Если принять к сведению такие «достижения» свободного мира, как рост наркопотребления, распад семьи и связанный с ним «гендерный дрейф», успехи ювенальной юстиции и т.д., то невольно соглашаешься с выводом Тургенева относительно XIX в., который «незаметно» приклеился к XXI, что страшно то, что нет ничего страшного. Подтверждением сказанного может служить идея всё того же В. В. Розанова, как и мы сегодня, углубленного в вопрос о природе человеческого счастья, его соединенности с природой морали, с идеей Бога. Поэтому он был погружен в творчество великого исследователя человеческой души Ф. М. Достоевского. Интерес этот был многогранен, но мы сейчас выделим одну сторону, а именно: попытку разгадать тайну авторского замысла «Братьев Карамазовых» в особой части романа, известной нам как «Легенда о Великом Инквизиторе».

В. В. Розанов сразу же предупреждает нас, что «это – загадка», которая, на наш взгляд, была таковой и для автора, поскольку смысловая канва главы, прочерченная автором, утрачивает свою определенность и «граница между человеком и искушающим Бога дьяволом исчезает» [4, с. 182]. Возникает пугающая нас неопределенность смыслов, значений слов, все покрывается каким-то зыбким маревом. Может быть, во избежание подобных, лишенных ясных ориентиров, ситуаций и были измыслены упоминаемые уже нами понятия «фатум» и «доля»? Они, при всех различиях, выполняли одну схожую задачу: отнесение ответственности за поступки во вне, вынося её за скобки человеческого существования (богословские трактовки связей ответственности Бога и человека в настоящем контексте не рассматриваются).

Отмеченная особенность выделенных понятий так же состояла и в том, что, следуя их смысловым индикациям, мы погружались в себя, ища в глубине себя окончательный смысл главы романа. Он, действительно, завораживает, увлекает за собой. Эффект «смысловой воронки» романа Достоевского жив и по сегодня, и его можно наблюдать в работах современных сибирских исследователей, которые подробно разбирают вопросы о том, что перед нами: легенда или поэма о Великом Инквизиторе, какова смысловая направленность отдельных частей главы, их совмещенность и т.д. [1, с. 16-21].

Бесспорно, это важно и нужно, однако, вернувшись к В. В. Розанову, вдруг понимаем, что внутренний психологизм увлекателен, но малопродуктивен, поскольку «... наше значение обуславливается лишь тем, как относимся мы к вечным идеалам, подле нас стоящим» [5, с. 131].

Здесь В. В. Розанов невольно прикасается к очень болезненному вопросу современной конфликтологии, составляющему сердцевину пробабиллизма, объясняющего, как в спорных ситуациях у нас на глазах происходит слияние различных подходов, оценок, предметных разрезов анализа, которые мы стремились показать выше, в одной емкой фразе В. В. Розанова, когда он предлагает сюжет «Легенды о Великом Инквизиторе» рассматривать не как литературный спор вокруг традиционной дилеммы: «свобода воли – абсолютный моральный закон», но как спор бытийственный, являющийся исходной точкой нового бытия [4, с. 170-183].

Очевидно, что даже определить координаты исходной точки очень непросто. Если двинуться по пути, уже проложенному упомянутыми омскими исследователями, он приводит нас к разбору литературных особенностей «Легенды...», тогда как мы стремимся к новым онтологическим утверждениям.

Приходится изменять маршрут, но мы не понимаем, в каком направлении. Простое снижение интеллектуального уровня анализа, скорее всего, заведет нас в дебри пробабиллизма, выжимающего из себя истину, что в спорных случаях уступает тот, кто умней. При мысли, что указанный пункт и есть исходная точка намеченного В. В. Розановым нового движения, становится грустно и как-то очень неуютно.

Особенно остро эта мысль переживается тогда, когда понимаешь, что ни общефилософские, ни культурологические, ни социологические попытки, уже предпринятые нами выше, ощутимых результатов не принесли и приходится соглашаться с розановским выводом о том, что «Легенда» – это загадка, доступная, видимо, только историческому разрешению.

В философии используется термин «опережающее отражение», которым, в основном, оперируют гносеологи. Моральный и писательский гений Достоевского постарался раздвинуть онтологические горизонты, а критическое перо В. В. Розанова добавило этому изысканному блюду остроты. Тем не менее, метаморфозы счастья, веры человека в его достижимость не остановились, длятся.

Не будем спрашивать себя: как долго? Зачем? Какова цена? Вероятно, нам ценнее не ответ в своей законченности, а трудные радости его постижения. Недаром же говорится: «Дорогу осилит идущий!».

Список литературы:

1. Большаков, Н. Н. Великий русский «Инквизитор» души человеческой, или опыт размышлений о смысле поэмы Ф. М. Достоевского «Великий Инквизитор» / Н. Н. Большаков // Наука о человеке: Гуманитарные исследования. – М., 2017. – № 1 (27). – С. 16-21.
2. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – М.: Эксмопресс, 2001. – 896 с.
3. Киреевский, И. В. Дневники // Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников / И. В. Киреевский. – М.: Ин-т русс. Цивилизации, 2016. – 656 с.
4. Розанов, В. В. О Достоевском. Соч. в 2-х т. Т. 1. / В. В. Розанов. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 170-183.
5. Розанов, В. В. Почему мы отказываемся от «наследства 60-70-х годов»? Соч. в 2-х т. Т. 2. / В. В. Розанов. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 120-132.
6. Россия начала терять мигрантов // newsland.com 26.01.2018. – URL: <https://newsland.com/user/4296647984/content/rossiia-nachala-teriat-migrantov/6182177> (дата обращения 01.04.2021).

Статья поступила в редакцию 22.05.2022

Korkishko, A. P., Skrebets E. V., Stacenko O. S. *The Phenomenon of Happiness: a Metaphysical Approach*

The article deals with various approaches to the definition of the concept of happiness which has been formed in culture from antiquity to the present day. In different historical epochs, the path from the contemplation of happiness to its abstract mental representation was full of perplexity and mystery for the person. The article traces the trajectory of various approaches to the identification of the category showing deep differences in the ways of its consolidation in cultures of different types. An attempt is made to transfer the substantive analysis of the category of happiness from traditional philosophical, sociological, economic interpretations to the sphere of literary assessments and constructions in order to determine the acceptable level of their integration. The indicated methodological drift is analyzed on the background of V. V. Rozanov's literary criticism of the famous "Ehe Grand Inquisitor" by F. M. Dostoevsky. Rozanov's assessments are already a century and a half old, but even today we feel that they contain very significant messages that still cannot be fully revealed in the language of modern interpretations.

Keywords: happiness, sense, value, wellbeing, F. M. Dostoevsky, culture, V. V. Rozanov's literary criticism.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск № 25
2022

16+

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

E-mail: iorbook@sevsu.ru

URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Отпечатано в издательстве СевГУ

РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Учредитель и издатель

ФГАОУ «Севастопольский государственный университет» ул. Университетская, 33.
Севастополь, 299053

№ рег. СМИ: ПИ №ФС77-64133 от 25.12.2015

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор: Максимова Елена Николаевна

Составление, верстка, оригинал-макет – *А.Ю. Опара*

Подписано к печати 17.10.2022. Заказ № 32/2022. Дата выхода в свет: 5.12.22

Тираж 30 экз. Цена: Бесплатно. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Объем усл. печ. л. 4,45. Уч.-изд. л. 4,35.

Севастополь, 2022